

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (30)

2017

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Заместители ответственного редактора:

Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
М.А. Стеценко

Технический редактор:
И.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 29.09.2017.

Выход в свет 05.12.2017.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 8,0.

Тираж 50 экз. Заказ 3-456-17.

Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ответственный редактор

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КАЧЕСТВА Затонский Виктор Александрович, Кобызев Дмитрий Владимирович	5
АНАЛИЗ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ Зограбян Тигран Арамович	10
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ Зограбян Тигран Арамович	15
ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Малько Александр Васильевич, Терехов Евгений Михайлович	18
МАГИСТЕРСКИЙ КУРС «ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: АКТУАЛЬНОСТЬ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ Мамонов Вадим Васильевич, Фомин Алексей Александрович	22
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ Моисеев Александр Владимирович	25
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ: АСПЕКТ АДРЕСАТА Моисеев Александр Михайлович, Шестов Сергей Николаевич	27
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОРОДА И СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ Оспенников Юрий Владимирович	31
АНТИЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК РЕЗУЛЬТАТ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ Поляков Сергей Борисович	34
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА Румянцев Павел Александрович	38
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ И НЕОДНОКРАТНОСТЬ КАК ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ Савельева Ольга Юрьевна	43
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ МАТЕРИАЛОВ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК НА ПРИМЕРЕ МОЩЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ И ИНТЕРНЕТА Самойлов Павел Александрович	47
НЕОБХОДИМОСТЬ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ С ЮРИДИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Ткачёва Наталья Николаевна	52
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. Третьяков Дмитрий Владимирович	56
ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ПРАВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА А.Г. ГОЙХБАРГА Финогентова Ольга Евгеньевна	58
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ Чуклова Елена Валериевна	61
Наши авторы	66

GOVERNMENTAL LIVING OF THE SOCIETY AND ISSUE OF PROVIDING ITS QUALITY Zatonskiy Viktor Aleksandrovich, Kobzyev Dmitriy Vladimirovich.....	5
ANALYSIS OF SIGNIFICANT CONDITIONS OF AGREEMENT FOR COMMUTATIVE MEDICAL SERVICES PROVISION Zohrabyan Tigran Aramovich.....	10
LEGAL REGULATION OF PRICING OF MEDICAL SERVICES IS TO INCREASE THE AVAILABILITY Zohrabyan Tigran Aramovich.....	15
LAW-INTERPRET POLICY AS A FACTOR OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF PRAVOINTERPRETATION ACTIVITY Malko Alexander Vasilievich, Terekhov Evgeniy Mikhailovich.....	18
THE MASTER COURSE “LEGAL BASES OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION”: RELEVANCE, STRUCTURE, CONTENT Mamonov Vadim Vasilyevich, Fomin Aleksey Aleksandrovich.....	22
ADMINISTRATIVE LIABILITY OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS Moiseev Alexander Vladimirovich.....	25
THE PUBLIC DOCUMENTATION: ASPECT OF REPRESENTEE Moiseev Alexander Mikhailovich, Shestov Sergey Nikolaevich.....	27
ABOUT SOME FEATURES OF RELATIONSHIP OF THE CITY AND RURAL THE DISTRICT IN THE OLD RUSSIAN LAW Ospennikov Yuri Vladimirovich.....	31
ANTI-LEGISLATION AS THE RESULT OF THE JUDICIAL POWER IRRESPONSIBILITY Polyakov Sergei Borisovich.....	34
HISTORICAL PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF THE STATE FORM Rumyantsev Pavel Aleksandrovich.....	38
ADMINISTRATIVE PREYUDITION AND NOT MOMENTARINESS AS SIGNS OF CRIMES AGAINST THE PERSONALITY Savelyeva Olga Yurievna.....	43
THE QUESTION OF BASEMENTS OF PREPROSECUTORIAL EXAMINED CONTENTS’ DIRECTION ON TERRITORIALITY BASED ON EXAMPLES OF FRAUD USING MOBILE COMMUNICATIONS’ MEANS Samoylov Pavel Aleksandrovich.....	47
THE NEED FOR THE PARTICIPATION OF A REPRESENTATIVE WITH A LEGAL BACKGROUND IN CIVIL SUDOPROIZVODSTVE Tkacheva Natalya Nikolaevna.....	52
THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF LAW IN THE RUSSIAN LEGAL THOUGHT OF THE END OF THE XIX CENTURY OF THE XX CENTURY Tretyakov Dmitry Vladimirovich.....	56
PECULIARITIES OF UNDERSTANDING THE RIGHT IN THE SOCIAL CONCEPT OF LAW A.G. GOYHBARG Finogentova Olga Evgenievna.....	58
THE DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR A PROCEDURAL OFFENCE Chuklova Elena Valerievna.....	61
Our authors	66

В.А. Затонский, кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Саратов (Россия)
Д.В. Кобызев, преподаватель кафедры тактики и общевойсковых дисциплин
четвертого авиационного факультета
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Балашов (Россия)

Ключевые слова: правовая жизнь общества; государственная жизнь общества; качество государственной жизни; сильное государство; административная реформа.

Аннотация: В статье дается понятийно-сущностный анализ такой социальной реалии и научной категории, как «государственная жизнь общества». Будучи включенным в правовую жизнь, государство становится в той или иной степени правовым, легитимным, легальным, демократическим, то есть юридически оформленным, реальным. Вне правовой жизни оно превращается в оторванную от жизни общества формальность. Государственная жизнь не может быть сведена лишь к государству и его структурам. Это – комплексная категория, отражающая качественное состояние государственно-организованного общества, обладающее национально-духовной природой и спецификой, национально-культурной ориентированностью; явление конкретно-историческое. Государственная жизнь может быть представлена как своеобразная функциональная часть, обеспечивающая механизм социально-правовой жизни. В свою очередь, правовая жизнь призвана определенным образом оформлять государственную жизнь.

В качестве фактора, оказывающего наиболее действенное влияние на государственную жизнь современной России, рассматривается административная реформа. От того, насколько эффективно организована публичная администрация, сколь законопослушно и отлажено работают её институты, зависит качество государственной жизни. Иными словами, право как инструмент регулирования должно целенаправленно и последовательно приводить в соответствие со своими потребностями все стороны деятельности государственного аппарата, в особенности жизненно важную и наиболее активную его часть – исполнительную власть. Все элементы, этапы и всё принципиальное содержание проводимой в России административной реформы должны привести к укреплению правового государства либо к ещё большему установлению признаков правового государства в законодательстве, которое может появиться в результате спланированной административной реформы.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Общественные процессы характеризуются не только такими категориями, как социальная жизнь, экономическая, политическая, духовная и т. п. Одной из важнейших социальных реалий и научных категорий выступает также жизнь правовая. Государство в контексте данной реалии и категории проявляет себя, по крайней мере: во-первых, как субъект правовой жизни, во-вторых, как системное явление, организация, выстраивающая собственную правовую жизнь путем осуществления правовой политики, направленной на наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности.

Выходит, что правовая жизнь государства и его органов проявляется, в конечном счете, в обеспечении эффективного функционирования как самого государственного механизма, системы отечественной государственности в целом, так и всех других субъектов.

Будучи включенным в правовую жизнь, государство становится в той или иной степени правовым, легитимным, легальным, демократическим, т. е. юридически оформленным, реальным. Вне правовой жизни оно превращается в лишённую смысла абстракцию, оторванную от жизни общества формальность. Конкретно это означало бы остановку важнейших для функционирования всего комплекса общественных отношений процессов: властеобразования и властереализации, правообразования и правореализации.

Таким образом, естественным образом возникает идея о существовании такой социальной реалии и научной категории, как государственная жизнь.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Научно-теоретическую

основу исследования составили труды ученых-юристов, посвященные изучению правовой жизни как социальной реалии и научной категории [1–4], объекта правовой политики [5], а также философско-правовые и теоретико-правовые исследования, в той или иной мере затрагивающие вопросы, связанные с правовой жизнью общества в интересующем авторах данной статьи контексте [6–12]. Вместе с тем непосредственная проблема данной статьи – понятийно-сущностный анализ социальной реалии и категории «государственная жизнь общества» в соотношении с проблемой повышения ее качества посредством административной реформы – будучи поставленной в публикациях последних лет (в работах одного из авторов данной статьи [1, с. 367–393; 4, с. 217–254; 15, с. 109; 16, с. 109–110]), не получила основательного изучения.

Формирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является общетеоретический (понятийно-сущностный) анализ социальной реалии и категории «государственная жизнь общества» в соотношении с проблемой повышения ее качества посредством административной реформы.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. По нашему мнению, государственная жизнь общества – это важнейший, относительно самостоятельный срез правовой жизни, выражающийся преимущественно в соответствующих правовых актах, правообразующих и право-реализационных правоотношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной организации данного общества, отношение субъектов к государству, его органам и должностным лицам, а также степень обеспеченности их прав, свобод и законных интересов.

Термином «правообразование» обозначается «осуществляющийся под воздействием разнообразных факторов общественного развития, получающих преломле-

ние в юридически значимых социальных интересах и последующее отражение в правовых идеях, *двудеиный процесс спонтанного (общесоциального) и планомерно-рационального (правотворческого) формирования системы правовых норм*, обеспечивающих упорядоченность общественных отношений» [17, с. 13].

Спонтанное и планомерно-рациональное начала, которыми характеризуется государственная жизнь в целом и ее правообразовательная часть в частности, находятся в функциональной взаимосвязи, «которая обеспечивается действием механизмов восходящей и нисходящей легитимации (формализации и санкционирования спонтанного права – в первом случае и социализации позитивного права – во втором)» [17, с. 14].

Государство выступает участником правообразовательного процесса – «многоканального социально-правового взаимодействия», его организатором (в основном на правотворческой стадии). Данный процесс «должен быть организован таким образом, чтобы возможности для диалога, социально-политического и делового дискурса были максимально широкими» [17, с. 15].

Категория «правообразующие правоотношения» акцентирует внимание на проблеме участия общественных структур в таких правоотношениях, юридической ответственности основных субъектов правотворческой деятельности. Государственная жизнь в указанном смысле есть сфера, в которой оформляются реальные юридические связи между конкретными субъектами, в данном случае наделенными правом на правотворчество.

Следует согласиться с высказанной в юридической литературе позицией о том, что в современных условиях доминирующим способом создания права выступает правотворческий процесс, т. е. планомерно-рациональный способ правообразования, представляющий собой «систему организационно-процессуальных действий уполномоченных органов (главным образом законодательных) государства, направленных на установление, изменение или отмену норм права» [17, с. 151].

Правообразование (в том числе правотворчество), правореализация (главным образом правоприменение) – это функции разнообразных взаимоотношений, многочисленных видов деятельности государства, его органов, служащих, граждан и их коллективов в сфере создания, позитивно-правового оформления (легализации) созданных вариантов правового общения, а также последующей их реализации (применения) в правовой жизни.

Следовательно, государственная жизнь может быть представлена как своеобразная функциональная часть, обеспечительный механизм социально-правовой жизни. В свою очередь, правовая жизнь призвана определенным образом оформлять государственную жизнь [5, с. 50]. Это означает, что правовая жизнь содержит в себе механизм самовоспроизводства; в данном своем качестве правовая жизнь вполне может восприниматься как способ воспроизводства многих сфер жизни общества, включая воспроизводство собственно социальных и культурных условий жизни людей (ценностей, норм, идеалов, образцов поведения, организационных структур и т. д.) [17, с. 234].

Государственная жизнь охватывает собой весь комплекс согласованных между собой, взаимосвязанных, взаимозависимых правовых, государственных, общественно-политических, административных, социально-экономических, нравственно-этических и других (в той или иной мере связанных с функционированием государства) средств, посредством которых государство оказывает регулятивное, организующее, интегрирующее, стабилизирующее и активизирующее воздействие на социальные отношения, деятельность людей, а граждане получают возможность оказывать через институты гражданского общества направляющее, сдерживающее, организационное, а также ограничивающее влияние на государственную власть.

Государственная жизнь не может быть сведена лишь к государству и его структурам. Это – комплексная категория, отражающая качественное состояние государственно-организованного общества, обладающее национально-духовной природой и спецификой, национально-культурной ориентированностью, демонстрирующей накопленные данным народом духовные и иные социальные ценности; явление конкретно-историческое.

Государственная жизнь как социальная реалья есть именно совокупность, а не система элементов. Принципиально важно видеть в ней не только компоненты, обеспечивающие сбалансированность, равновесие всей системы, её эффективность, сохранность, укрепление, но и явления, препятствующие нормальному развитию государственной жизни, разрушающие её изнутри. В обобщенном виде государственная жизнь выступает как двудеиный процесс: с одной стороны, это закрепление, совершенствование позитивных элементов (явлений), а с другой – противодействие явлениям нетерпимым, вредным для жизнедеятельности общества и требующим либо удаления, либо минимизации.

Объективной потребностью для России является сильное государство, которое (во взаимодействии с личностью, институтами гражданского общества и остальными субъектами государственной жизни) выступает важнейшим фактором социального прогресса. Это предназначение государство может реализовать лишь в неразрывной взаимной связи с правом, которое выступает нормативной основой, сердцевинной государственной жизни, её связующим и цементирующим звеном.

Ключевой проблемой повышения качества российской государственной жизни, в конечном счёте, становится вопрос о том, в какой степени страна (общество) управляема, какова должна быть более справедливая, демократичная, эффективная модель управления ими.

Вся история человечества свидетельствует, что от данного вопроса зависит очень многое. В нашей стране политическая воля властвующего всегда была фактором, определяющим развитие, а в современных условиях она стала принципиально важной для оптимального состояния всей системы. Исследования показывают, что невозможно говорить об управляемости развитием общества каким-либо коллективным либо индивидуальным субъектом, не учитывая того качественного уровня (главным образом, интеллектуального и профессионального), на котором находятся эти субъекты. И, в первую очередь, следует актуализировать проблему выстраивания такой управляющей системы, которая имела бы в себе механизм обеспечения эффективности (социальный, правовой, политический).

Таким механизмом, как представляется, выступает процесс четко отлаженного взаимодействия личности, права и государства. Поэтому основным стратегическим направлением развития государственной жизни современной России должно стать, во-первых, формирование государственно-правового механизма, способного на деле обеспечивать одну из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации – положения о правах человека как высшей ценности, а во-вторых, – выстраивание системы действенного влияния граждан на государственную власть через структуры гражданского общества. Такой двудеиный алгоритм отечественной государственной жизни пока что находится в состоянии становления. Государство эффективно только тогда, когда имеет место взаимное воздействие общества и публичной власти друг на друга. Только при наличии данного условия можно рассчитывать на эффективную работу стержневого механизма государственной жизни – механизма взаимодействий в системе «сильное государство – дееспособное гражданское общество».

Становление сильного демократического государства является важнейшим направлением работы в области со-

циальной модернизации, первоочередными задачами которой являются:

- формирование оптимального механизма взаимодействия органов государственного управления и местного самоуправления как с конкретными гражданами, так и с населением соответствующей территории в целом;

- создание каналов взаимосвязи территорий и регионов в процессе решения территориальных и региональных задач;

- гарантированное обеспечение (охрана и защита) конституционных прав и свобод граждан, создание оптимальных условий для осуществления ими своих законных интересов;

- регулярное оповещение граждан о своей деятельности, вовлечение их в управление делами государства и общества по всем направлениям, а также создание каналов и механизмов общественного контроля.

Роль государства, его органов и должностных лиц в этом процессе нельзя недооценивать. Отсюда и огромное значение реформ в области исполнительной власти, той, которая в наибольшей мере связана с пространством правового взаимодействия гражданина и его ассоциаций с государственным механизмом управления делами общества, которая призвана обеспечить должный уровень организации взаимодействия всех составляющих современного социума.

Государственная жизнь современной России характеризуется значительным количеством неупорядоченных и недостаточно организованных сфер. Наибольшая часть этих отношений находится в области непосредственного влияния государственного управления и опосредуется им. В этой связи представляется важной задачей определение места и роли осуществляемой административной реформы, затрагивающей вопросы всего спектра правовых отношений, имеющей непосредственный выход на государственно-правовое бытие самых разных субъектов. Следует также определиться с вопросом о возможности обеспечения качества государственной жизни посредством административной реформы, предлагающей новые стандарты оптимальных взаимоотношений субъектов публичного управления и других субъектов.

Главное состоит в достижении стабильности системы управления, единства, силы и работоспособности государственной власти.

В условиях реформы публичного сектора Россия начинает осознавать своё специфическое положение и в настоящее время совершает глобальную корректировку ценностей правовой политики, меняет свой политический курс в государственном секторе. Сама жизнь заставляет власть говорить о сильном, эффективном государстве. О необходимости укрепления государства наиболее последовательно утверждается с 2000 г. в выступлениях Президента РФ. «Настал момент отделить партийные, местные и личные амбиции от жёсткой необходимости укрепить государственность и усилить власть», – заявил он в одном из первых обращений к народу [18]. Позиции о сильном государстве заняли ведущее место в последующих ежегодных Посланиях Президента Федеральному Собранию, других его выступлениях.

Цели административно-правовой политики предполагают масштабную реформу – модернизацию. Основное место должно быть отведено параметрам государственной власти, созданию более сбалансированной системы, решению вопроса об усилении государственной власти, повышении её эффективности, статуса в жизни всего нашего общества.

Выдвинутый жизнью тезис о сильном государстве неизбежно привёл к дискуссии о приемлемости и возможности адаптации подобных политико-правовых ориентиров в правовой доктрине. Нам близка точка зрения Ю.Н. Старилова, который считает, что сильное государство, применительно к нынешнему этапу развития го-

сударственной жизни, не может не быть правовым [13, с. 228]. Справедливо утверждение на этот счёт: «...свобода и демократия не только не противостоят твёрдому государственному порядку, но и непременно предполагают его наличие» [14, с. 622].

Бесспорно, именно эта очевидная конфигурация двух, казалось бы, взаимоисключающих понятий приводит к простому выводу: они могут быть совмещены в интегративном понятии, отражающем общий вектор нацеленности современных преобразований государственной жизни с акцентом и на право, и на силу (на правовую силу, или «силу права»). Выражаясь словами В.С. Соловьева, Россия должна отказаться от «права силы» и поверить в «силу права», чтобы иметь прочный успех во всех делах: и внешних, и внутренних [19, с. 24].

Построение оптимальной пирамиды приоритетов в выработке стратегических начал правовой политики вызывает необходимость признания концепции эффективной (активной и прагматичной) государственности. Положение России в складывающихся геополитических условиях заставляет рассматривать цели построения социального и правового государства в качестве сопутствующего такому политико-правовому ориентиру как эффективная государственность, неразрывных с ней.

О.В. Мартышин, идя дальше в рассуждении о конкуренции приоритетов, отмечает: «подлинно осознанный выбор заключается не в крайностях, не в принесении демократии в жертву управлению, или наоборот, а в сочетании того и другого, в разумном определении меры демократии и бюрократического управления и их соотношении» [20, с. 70].

От того, насколько эффективно организована публичная администрация, сколь законопослушно и отлажено работают её институты, зависит качество государственной жизни. Иными словами, право как инструмент регулирования должно целенаправленно и последовательно приводить в соответствие со своими потребностями все стороны деятельности государственного аппарата, в особенности, жизненно важную и наиболее активную его часть – исполнительную власть. Это направление деятельности в правовом отношении обеспечит такие эффекты, как равенство субъектов не только перед законом, но и в процессе живого публичного администрирования, легализация различных сторон государственного управления, вытеснение теневых (негативных) проявлений государственной жизни. Самое важное – это повышение уровня законности в организации и деятельности субъектов публичного управления, придание праву более высокого статуса по сравнению с административным ресурсом и иными формами выражения воли российской бюрократии.

В конечном счёте, все способы и средства исправления глубоких деформаций современного российского правосознания связаны с необходимостью повышения качества государственно-правовой жизни. При этом многое зависит от дееспособности структур гражданского общества, от активной жизненной позиции самой законопослушной личности, её противодействия силам зла. Р. Иеринг писал: «Каждый призван и обязан подвигать гидру произвола и беззакония, где только она осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благами права, должен в свой черёд также поддерживать по мере своих сил могущество и авторитет закона; словом, каждый есть прирождённый борец за право в интересах общества» [21, с. 37].

Таким образом, самыми необходимыми условиями, открывающими перспективу преодоления деформаций правосознания, социального хаоса, на современном этапе становятся неразрывно взаимосвязанные задачи стимулирования свободы и укрепления законности. Поэтому выход в сложившейся ситуации один – крепить законность, мобилизуя на решение этой задачи и всю

правовую политику государства, и наращивая в процессе её решения дееспособность гражданского общества. Сосредоточение внимания на укреплении законности – залог успешного строительства в России как гражданского общества, так и правового государства.

Обустройство публичной власти на основе принципов правовой государственности позволит говорить о новом качестве государственной жизни. Ю.Н. Старилов в этой связи определяет линию взаимодействия административной реформы и концепции правового государства, исходя, прежде всего, из того, что «административная реформа (желали бы того или нет сами реформаторы), главным образом, должна иметь правовой аспект» [13, с. 235]. Среди прочих прямых целей реформы он называет «повышение правового качества административного нормотворчества» [13, с. 238], считая, что «именно стандарты современного правового государства должны быть положены в основу целеполагания при проведении в России административной реформы. Все элементы, этапы и всё принципиальное содержание административной реформы должны привести к укреплению правового государства, либо к ещё большему установлению признака правового государства в законодательстве, которое может появиться в результате спланированной административной реформы» [13, с. 228].

Преобразования, имеющие характер средства повышения качества именно государственной жизни, в свою очередь, вызовут изменения политического, экономического, культурного порядка и повышение качества жизни в общесоциальном смысле. Правовая и административная реформы есть неразрывное целое и наиболее очевидный шаг в направлении повышения качества государственной жизни.

В то же время, нельзя отрицать и другие, не столь радикальные способы повышения качества государственной жизни. Во-первых, имеется в виду естественный процесс совершенствования правового регулирования, например кодификация правового материала, отмена устаревших положений. Во-вторых, образование новых правовых институтов, отражающих современные потребности общественного развития. В-третьих, субъекты правовых отношений самоорганизуются, вне всякой реформы и заданий сверху. Современный процесс развития государственности в целом характеризуется более высокой степенью влияния правовых средств. Это мы наблюдаем в сфере межгосударственной интеграции, в процессе роста правового массива и возрастания частоты использования именно правового инструментария. Можно сказать, что качество государственной жизни становится индикатором развития государственности, мерилем качества правовой жизни в целом, её ценностным аспектом.

Административная реформа потому является средством повышения качества правовой жизни, что она направлена на развитие права вообще. Появление новых институтов (государственная услуга, аутсорсинг, антикоррупционные меры и т. п.), новых стандартов в области административного нормотворчества призвано усовершенствовать развитие системы российского законодательства, способствовать его системной перестройке. В этом смысле она представляет собой исключительно важное средство правового прогресса, одновременно решая проблемы продвижения правовой реформы по пути формирования правовой государственности в качестве одного из доминирующих факторов нового облика российской правовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2005. 528 с.
2. Актуальные проблемы российской правовой жизни: материалы круглого стола / под ред. А.В. Малько. Самара: Самарский филиал Московского городского педагогического ун-та, 2006. 316 с.
3. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2016. 447 с.
4. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. 354 с.
5. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
6. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т, 1998. 216 с.
7. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск: В.М. Посохин, 1914. 632 с.
8. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
9. Кульчар К. Основы социологии права. М.: Прогресс, 1981. 256 с.
10. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2004. 845 с.
11. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
12. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
13. Старилов Ю.Н. Административная реформа: к перспективе «нового государственного управления» и «эффективного государства» // Правовая наука и реформа юридического образования. Административная реформа в России: политико-правовое и управленческое измерение: сборник научных трудов. Вып. 16. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 225–261.
14. Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. 644 с.
15. Затонский В.А. Государство как субъект правовой жизни общества: вопросы эффективности: выступление на всероссийском научно-практическом «круглом столе» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Политическая и правовая жизнь в современной России: федеральный и региональный уровни // Государство и право. 2017. № 5. С. 107–113.
16. Затонский В.А. Государство – особенный, уникальный субъект правовой жизни общества: выступление на Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоправедения» на тему «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.
17. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. 400 с.
18. Путин В.В. Власть должна быть работающей // Российская газета. 2000. 19 мая.
19. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 892 с.
20. Мартышин О.В. Последние изменения политической системы Российской Федерации в контексте теории государства и права // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: материалы IV международной научно-теоретической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. С. 70–74.
21. Иеринг Р. Борьба за право: перевод с 13-го немецкого издания. М.: Феникс, 1991. 64 с.

GOVERNMENTAL LIVING OF THE SOCIETY AND ISSUE OF PROVIDING ITS QUALITY

© 2017

V.A. Zatonskiy, candidate of history sciences,
associate professor of the chair of state and legal disciplines
Volga Region Institute (the brunch) All-Russian State Juridical University
(RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice
of the Russian Federation), Saratov (Russia)

D.V. Kobyzov, Tutor of the Tactics and Common Military Subjects Department
of the 4th Air Force Faculty
Krasnodar Higher Military Pilots Air Force Academy, Balashov (Russia)

Keywords: legal life of society; governmental living of the society; quality of governmental life; powerful state; administrative reform.

Abstract: The authors of the article give conceptual and essential analysis of social reality and scientific category which is “governmental living of the society”. Being included in the legal life, the state becomes in varying degrees, legal, legitimate, legal, democratic, that is, legally, real. Outside the legal life, it becomes divorced from society a formality. Public life cannot be reduced only to the state and its structures. This is a comprehensive category, reflecting the quality status of the state-organized society, with its national-spiritual nature and specifics of the national-cultural orientation; the phenomenon of the specific historical. Public life can be presented as a functional part of a security mechanism of socio-legal life. In turn, the legal life is designed a certain way to get the state life.

As the factor having the most effective influence on the public life of modern Russia is considered administrative reform. How efficiently organized public administration, as law-abiding and efficient working of its institutions depends on the quality of public life. In other words, law as a tool of regulation has deliberately and consistently aligns with their needs all aspects of the state apparatus, especially the vital and the most active part of the Executive branch. All items, stages and all the important content is held in Russia administrative reform should lead to the strengthening of the legal state, or to further establish attributes of a legal state in the law that may occur as a result of planned administrative reforms.

АНАЛИЗ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

© 2017

*Т.А. Зограбян, аспирант
Российско-Армянский университет, Ереван (Армения)*

Ключевые слова: медицинская услуга; договор возмездного оказания медицинских услуг; существенные условия; система здравоохранения; анализ договора; правовое регулирование; законодательство; рынок медицинских услуг.

Аннотация: В данной статье выявлены и проанализированы необходимые условия договора возмездного оказания медицинских услуг, являющегося на данный момент основным официальным документом, призванным оговорить права и обязанности, регулировать гражданско-правовые отношения между медицинским учреждением (врачом) и пациентом, а также выступающим инструментом охраны прав сторон при получении и предоставлении медицинской помощи на платной основе. Анализ проведён на основе сравнения положений законодательства Республики Армения и Российской Федерации, на основе чего были выявлены некоторые пробелы, предложены дополнения и методом экстраполяции перенесены на рынок медицинских услуг Республики Армения. Содержание договора представляет собой совокупность условий, на которых достигнуто соглашение сторон. Договор в свою очередь считается заключённым только в случае достижения согласия по всем его существенным условиям. В случае договора возмездного оказания медицинских услуг выступают следующие: предмет договора, условия получения медицинских услуг, качество услуг, срок оказания услуг, порядок расчётов, права и обязанности, а также ответственность сторон. В случае несогласования хотя бы одного из последних, договор считается незаключённым и не порождает прав и обязанностей для сторон. В нынешних условиях непрерывного развития рыночных отношений и динамического прогресса в сфере медицинских услуг, закрепление данных условий по предоставлению медицинских услуг является приоритетной задачей на пути обеспечения защиты прав как заказчика, так и исполнителя услуг, а, следовательно, и прогрессивным шагом на пути становления эффективной системы здравоохранения Республики Армения и рынка медицинских услуг, в частности.

Основной ролью договора, согласно современной литературе о договорном праве, является определение и регулирование отношений сторон с указанием на пределы их возможного и должного поведения, а также последствия нарушения соответствующих условий и требований [1]. Чёткость и определённость содержания договора предопределяет особенности возникающих прав и обязанностей, возможность надлежащего исполнения сторонами обязательств и последствия их нарушения [2]. Для каждого вида договора характерны свои существенные условия, в частности для заключения договора возмездного оказания медицинских услуг необходимо достигнуть соглашения по следующим условиям: предмет договора, условия получения медицинских услуг, качество услуг, срок оказания услуг, порядок расчётов, права и обязанности, а также ответственность сторон.

Договора возмездного оказания медицинских услуг, согласно определению, предложенному нами для закрепления на законодательном уровне, представляет собой соглашение, согласно которому уполномоченный в соответствии с законодательством РА исполнитель обязуется оказать медицинскую услугу, направленную на удовлетворение потребностей заказчика по профилактике, диагностике, лечению заболеваний, постлечебной реабилитации, а также по изменению или сохранению физического состояния в эстетических и оздоровительных целях, осуществляемой в рамках медицинской деятельности профессиональным медицинским персоналом, путем непосредственного воздействия на человеческий организм или иного вмешательства в биологические и психические процессы его функционирования, а пациент обязуется содействовать оказанию услуг и оплатить их [3].

Условие, вытекающее из самой характеристики медицинских услуг и являющееся необходимой предпосылкой для медицинского вмешательства, информированное добровольное согласие пациента, означает полное осведомление пациента о медицинской интервенции в соответствии с согласованным предметом договора и получение согласия на медицинское вмешательство, прежде чем приступить непосредственно к исполнению договора. Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство является по своей правовой природе сделкой,

поэтому должно в полном объеме соответствовать положениям ГК РА. Более того, поскольку медицинские услуги обладают отличительными особенностями по сравнению с иными видами услуг, осведомлённость заказчика должна распространяться и на риск, связанный с оказанием услуги. Следовательно, помимо предоставления всей возможной на данный момент информации, полученной в результате диагностики, характеристики медицинской услуги и требований к пациенту в постлечебный (реабилитационный) период, исполнитель обязан предусмотреть вероятность причинения вреда здоровью пациента и сообщить заказчику. Поскольку, даже в случае надлежащего исполнения услуги с учётом критериев корректности исполнения услуги и предпринятием мер по предотвращению возможных сопутствующих нежелательных последствий, существует риск причинения вреда здоровью пациента. И в данном случае, с правовой точки зрения, встаёт вопрос об определении соответствия действий исполнителя стандартам оказания подобных услуг и определение ответственности за причинение вреда здоровью, в случае несоответствия. Более того, поскольку заказчик сам добровольно наделяет врача большой ответственностью, связанной с риском причинения вреда здоровью пациента, тем более ввиду возможности влияния факторов, независимых от действий врача, факт уязвимости медицинских работников в данных правоотношениях становится очевидным. Следовательно, обеспечение надлежащей осведомлённости заказчика является важнейшей обязанностью исполнителя в преддоговорных отношениях сторон, и необходимой предпосылкой для согласия заказчика на заключение договора по оказанию медицинской услуги.

Опирируя понятиями заказчик, исполнитель, и т. д., следует раскрыть субъектный состав рассматриваемого договора. Наличие сведений, которые и являются первым рассматриваемым существенным условием договора на оказание платных медицинских услуг, наряду с согласием пациента и всецелой осведомлённостью об оказываемой услуге. Итак, сторонами договора возмездного оказания медицинских услуг являются заказчик и исполнитель медицинской услуги. Интересно отметить, что субъектный состав представляется в весьма неодинаковой форме в зависимости от предмета догово-

ра. Его основными компонентами выступают стороны, принимающие на себя возникающие из договора взаимные права и обязанности, – в обобщённом виде представляющие как исполнитель медицинских услуг и заказчик; а также иные лица, выступающие как на стороне исполнителя, так и заказчика.

В лице заказчика медицинской услуги позиционируются ее получатель и плательщик. Последние совпадают в одном лице, если оплату медицинской услуги производит сам получатель, в противном случае, в отношениях выступают выгодоприобретатель и третье лицо (родственник, родитель, заинтересованное лицо или благотворительная организация), осуществляющее оплату услуги в пользу первого. Согласно определению, приведённому в Законе РА «О защите прав потребителей», потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести товары (работы, услуги), предусмотренные исключительно для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью [4]. В рамках договора возмездного оказания медицинских услуг термины «потребитель», «выгодополучатель», следует заменить термином «пациент». Согласно определению М.Р. Согомояна, приведённому в юридической энциклопедии, «пациент – лицо, которое получает профилактические, диагностические, медицинские услуги, помощь и обслуживание в медицинском или в других соответствующих организациях. Пациент имеет право на выбор врача и выбор медицинской организации, а также на профилактику, диагностику, лечение, медицинскую реабилитацию в медицинских организациях в условиях соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям, получение консультаций врачей, специалистов, облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, получение информации о своих правах и обязанностях и о состоянии своего здоровья, защиту сведений, составляющих врачебную тайну, отказ от медицинского вмешательства, возмещение вреда, причинённого его здоровью при оказании медицинской помощи и т. д.» [5]. Согласно тому же Закону РА «О защите прав потребителей», исполнитель – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, выполняющий работу или оказывающий услугу потребителю по договору [4]. Таким образом, одной из сторон договора возмездного оказания медицинских услуг всегда выступает профессиональная медицинская организация или медицинский работник. Согласно законодательству РФ: «медицинская организация – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности. В целях настоящего Федерального закона к медицинским организациям приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность» [6]. Согласно тому же закону, медицинским работником выступает физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность [6]. Данные определения являются весьма исчерпывающими на наш взгляд. Однако следует отметить, что толкование данных норм наряду с толкованием определения медицинской деятельности, не даёт однозначного ответа на вопрос регулируют ли данные нормы деятельность представителей нетрадиционной медицины (гомеопатия, акупунктура, натуропатия, лекари) и, если их деятельность считать медицинской, являются ли они медицинскими работниками, согласно определению, приведённому выше.

В законодательстве РА на данный момент аналогичные определяющие нормы прослеживаются в законопроекте «О здравоохранении» от 2005 года, прошедшего первое чтение. Согласно последнему, статьей 4 определяется медицинское учреждение как юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, или организация здравоохранения, которые имеют лицензию на осуществление медицинской помощи и обслуживания [7]. Данная норма в обязательном порядке должна конкретизировать порядок получения и орган выдающий лицензию. Далее, той же статьей даётся определение медицинского работника как физического лица, осуществляющего медицинскую помощь и обслуживание, и имеющего для этой цели соответственное образование и квалификацию [7]. По нашему мнению, данную норму следует дополнить тем, что помимо квалификации, осуществление медицинской деятельности должно входить в трудовые (должностные) обязанности лица, если он является работником медицинской организации, и являются его непосредственными функциями, если он является индивидуальным предпринимателем.

Вполне очевидно, что предметом настоящего договора является медицинская услуга, согласно определению одного из юридических источников, представляющая собой какое-либо профессиональное действие, направленное на изменение или сохранение физического или психического здоровья, с целью получения пользы ее потребителем (пациентом), в той или иной форме [8].

Законом РА «О медицинской помощи, обслуживании населения» оговорено понятие «медицинская помощь». Однако, определение понятия «медицинская услуга», наряду с такими определениями как «медицинская деятельность» и «медицинское обслуживание» законодательно не закреплены. Данные понятия оформлены в законодательствах стран с аналогичной системой здравоохранения, в подзаконных актах и ведомственных документах РА, а также в договорах на оказание платных медицинских услуг. Более того, Конституция РА 85-й статьёй устанавливает право каждого на охрану здоровья, отмечая термин «медицинская услуга»: «Каждый в соответствии с законом имеет право на охрану здоровья. Законом устанавливается перечень и порядок оказания основных бесплатных медицинских услуг» [9]. Однако, закрепление на законодательном уровне определение «медицинская услуга», наряду с иными вышеперечисленными понятиями, в Армении до сих пор не получила [10]. Исходя из этого, не имея четко оговоренного в законе определения понятий, затруднительно свободно оперировать последними, говорить об их характеристике и выделять их отличительные особенности в рамках договора. Таким образом, на сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем при правовом регулировании оказания медицинских услуг является разработка единой терминологии. Ввиду вышеизложенного, нами было предложено закрепление определения медицинских услуг в содержании Общих Положений Закона РА «О медицинской помощи, обслуживании населения» в следующей редакции: «Медицинские услуги – платные мероприятия (или комплекс платных мероприятий), осуществляемые в рамках медицинской деятельности квалифицированным медицинским персоналом, направленные на профилактику, диагностику и лечение заболеваний с целью удовлетворения потребностей граждан в поддержании и восстановлении здоровья» [3].

Одна особенность, которую необходимо учесть в процессе правового регулирования медицинских услуг, заключается в возникновении овеществленного результата наряду с неовеществленным при оказании медицинских услуг. В этом случае возникает вопрос, рассмотренный выше: как разделить результат услуги от результата работы? Мы можем привести определение С.Э. Жилинского, введившее разграничение следующим образом: «Работа –

процесс трудовой деятельности, в результате которого создается конкретная материальная ценность: построен дом и т. д. Трудовые же усилия по оказанию услуг не материализуются в каком-то новом предмете. Они лишь увеличивают стоимость уже созданных предметов, восстанавливают его утраченные свойства, удовлетворяют духовные и иные нематериальные потребности людей» [11]. Иными словами, при выполнении работ заказчику важен материальный результат, который будет принят у подрядчика по завершении работы, после оценки оговоренного качества. При оказании услуг потребителю важен эффект от услуги, ощутимая добавочная стоимость оказанной услуги, достижение желаемого результата как следствие оказанной услуги. Данные трактовки являются общими, однако есть и исключения – не всегда достижение желаемого эффекта влияет на исполнение обязательств; поскольку стороны в данных случаях могут лишь желать достижения эффекта и своими взаимосогласованными действиями попытаться приблизить его, а наиболее вероятный исход данной ситуации от воли сторон зачастую не зависит. К такому разряду договоров на оказание услуг и относится договор об оказании медицинских услуг. Подобное разграничение является одним из ряда критериев обособления договоров оказания услуг от договоров подряда. При рассмотрении широкого спектра медицинских услуг как предмета договора можно выявить смежный тип договора, определенный Д. Степановым как смешанный договор [12]. Подобный договор включает в себя, как услуги – операция, так и действия, связанные с передачей имущества в собственность – медицинские услуги по протезированию, к примеру, или в пользование.

Иной подход, с противоположной точки зрения, не пытающийся внести разграничения, а, наоборот, представить предмет рассматриваемого договора – медицинскую услугу, как комплексное явление, включающее совокупность целенаправленных действий для достижения желаемого эффекта от услуги. Согласно М.В. Кабатову, достижение в ряде случаев о вещественного результата (например, оказание медицинской помощи) связано с проведением различного рода медицинских обследований, медикаментозного лечения и составляет с ним определенное единство [13]. Следовательно, вещественный результат в некоторых договорах оказания медицинских услуг связан с большим многообразием услуг, с существованием таких комплексных услуг, оказание которых закрепляется одним договором. Суть подобного закрепления, не обеспечение пошагового исполнения охватываемого «набора» договоров, а в целом гарантировать синхронизированное исполнение единой качественной медицинской услуги.

Поскольку речь зашла о качестве медицинских услуг, отметим, что определение качества является очередной проблемой при правовом регулировании заключения договоров оказания медицинских услуг и дальнейшего разрешения споров, возникающих вокруг них [14]. Согласно ст. 448 ГК РА, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора [15]. Но, что если невозможно определенно установить предмет договора, ввиду отсутствия сведений о мероприятиях или комплексе мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и последующее лечение, имеющих сепаратный финальный эффект и отдельную цену? Очевидно, что основное существенное условие, точнее, предмет не установлен конкретным образом. Следовательно, договор в силу противоречивости ст. 448 ГК РА может быть признан незаключенным и не породить желаемых последствий для сторон.

Подобный исход становится более вероятным, ввиду того, что на сегодняшний день стандарты качества существуют далеко не на все виды медицинских услуг, одни из наличных стандартов устарели, другие нахо-

дятся в стадии разработки. Следовательно, широко распространенная ссылка в тексте договора на соответствие стандартам качества, пока ещё не закреплённым, просто не уместна. На данном этапе развития, качество определяется в соответствии с ныне распространёнными технологиями, общепринятыми методами лечения, описанными в литературе, нормативами, принятыми в практике медицинской организации, осуществляющей лечение. Для определения же качества оказанных медицинских услуг на предмет соответствия отмеченным выше «стандартам», в случае возникновения споров между врачом и пациентом, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством Республики Армения, назначается независимая медицинская экспертиза.

Очевидное условие, вытекающее из самого названия договора, и характеризующее его следующее существенное условие – возмездность. Иными словами в договоре возмездного оказания медицинских услуг необходимо закрепить цену договора. Согласно статье 440 ГК РА, исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. Также, той же статьей закрепляется, что в предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т. п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными государственными органами [16]. Одной из характеризующих черт договора возмездного оказания медицинских услуг, рассматривая последний сквозь призму стоимости услуг, является факт закрепления первоначальной (приблизительной) цены за предоставляемый объём услуг. Иначе говоря, трудно предсказать полный объём услуг необходимых для диагностирования и лечения пациента с целью получения желаемого им (заказчиком) эффекта, что может весьма весомо повлиять на общую стоимость оказываемых услуг. Что не запрещено законом, согласно статье 440 ГК РА «Изменение цены после заключения договора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором или законом. В случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена на основе условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги» [16]. Следовательно, цена должна быть установлена на уровне, принимаемом за базисный, обычно взимаемый при сравнимых обстоятельствах за аналогичные услуги. Пациент же должен быть заранее предупрежден о том, что, возможно, понадобятся дополнительные методы диагностики и лечения, и по этой причине о существенном повышении приблизительной цены медицинской услуги. Тем не менее, исполнитель не вправе навязывать пациенту оказание дополнительной услуги, предоставляемой за плату, а также оказывать подобные услуги без согласия последнего. Таким образом, учитывая важность с точки зрения доступности и удельного веса в процессе принятия решения о заключении договора, цена и порядок расчётов являются существенными условиями для договора возмездного оказания медицинских услуг, а, следовательно, должны быть полностью оговорены, согласованы и закреплены в рассматриваемом типовом договоре. В рамках рассмотрения условия возмездности следует отметить наличие в РА таких институтов как институт сооплаты и институт гаранта. Действие первого закрепляется установленным договором возмездного оказания медицинских услуг, заключаемым между медицинским учреждением и пациентом [17]. И представляет собой частичную оплату медицинских услуг со стороны заказчика, а другую часть покрывает государство в рамках гарантированных государством бесплатных медицинской помощи и обслуживания [18; 19]. Институт гаранта представляет собой весьма эффективную и получившую широкое распространение в рамках договора возмездного оказания медицинских услуг форму

обеспечения исполнения обязательств. Гарант, являясь стороной данного договора, в случае отказа заказчика, обязуется погасить обязательства последнего перед медицинским учреждением.

Следующим существенным условием для договора возмездного оказания медицинских услуг является срок исполнения. Договором должен быть оговорен срок оказания услуги, определяемый датами начала и завершения оказания услуги [20]. Однако, так же как и в случае цены, процесс достижения желаемого результата от услуги может быть пролонгирован ввиду возникновения надобности в дополнительной диагностике и/или лечении, о чём исполнитель обязан предупредить заказчика условием в договоре. Следует отметить, что действующее законодательство как РА, так и РФ, не освещает в достаточной степени сроки оказания медицинской помощи, за исключением случаев, когда помощь должна быть оказана безотлагательно. Если принять, что в случае невозможности конкретного определения срока путём толкования условий договора, следует использовать положение об исполнении обязанностей в разумные сроки, то последний следует определять в соответствии с нуждой пациента в медицинской помощи, особенностями организма пациента, действующими медицинскими стандартами и т. д. Иными словами, разумный срок оказания медицинской услуги представляет собой наикратчайшее возможное время необходимое для подготовки к проведению медицинских мероприятий, обеспечению всей совокупности условий их выполнения, для достижения, желаемого заказчиком эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2006. 800 с.
- Гражданское право. Часть первая / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юристъ, 2001. 536 с.
- Зограбян Т.А. Понятие договора возмездного оказания медицинских услуг и его характеристика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2. С. 29–33.
- Закон РА «О защите прав потребителей»: принят 26.06.2001. Гл. 1. Основные понятия // Законодательство стран СНГ. URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3625.
- Юридическая энциклопедия / под ред. С.Ш. Цагикяна. Ереван: Российско-Армянский Университет, 2017. 912 с.
- Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ: ред. от 03.04.2017. Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
- Законопроект РА «О здравоохранении». Первое чтение. Ст. 4. // Национальное собрание Республики Армения. URL: parliament.am.
- Столяров С.А. Рынок медицинских услуг: некоторые его характеристики, проблемы и аспекты управления. Барнаул: Аз Бука, 2005. 269 с.
- Конституция Республики Армения с изменениями: принята 06.12.2015 г. // Национальное собрание Республики Армения. URL: parliament.am/law_docs5/06122015.
- Зограбян Т.А. Медицинская услуга как объект предпринимательских правоотношений // Вестник Российско-Армянского университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 39–51.
- Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М.: Норма, 2007. 944 с.
- Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 16–18.
- Кабатов М.В. Возмездное оказание услуг // Гражданский кодекс РФ. Ч. 2. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 393–395.
- Нагорная С.В. Договор об оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 180 с.
- Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 29. Ст. 448.
- Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 440.
- Приказ Министра РА «Об утверждении формы договора возмездного оказания медицинских услуг». № 128, от 4.02.2011 // Национальное собрание Республики Армения. URL: parliament.am/?lang=rus.
- Приказ Министра РА «Об утверждении договора возмездного оказания медицинских услуг». № 104, от 1.02.2011 // Национальное собрание Республики Армения. URL: parliament.am/?lang=rus.
- Решение Правительства РА «О гарантированных государством бесплатных медицинских помощи и обслуживания», № 318, от 4.03.2004 // Национальное собрание Республики Армения. URL: parliament.am/?lang=rus.
- Сирик Н.В. Договор оказания медицинских услуг // ДОСМЕ: сервис публикации документов. URL: docme.ru/doc/622277/sirik_n.v.%20dogovor.

**ANALYSIS OF SIGNIFICANT CONDITIONS OF AGREEMENT
FOR COMMUTATIVE MEDICAL SERVICES PROVISION**

© 2017

T.A. Zohrabyan, post-graduate student
Russia-Armenian University, Yerevan (Armenia)

Keywords: medical service; agreement for commutative medical services provision; essential conditions; healthcare system; agreement analysis; legal regulation; legislation; medical services market.

Abstract: This article reveals and analyzes the essential terms of the agreement for commutative medical services provision, which is the main official document intended to stipulate the rights and obligations, regulate civil relations between the medical institution (doctor) and the patient, and also serve as an instrument for protecting the rights of the parties while receiving and providing medical care on a fee basis. The analysis was carried out on the basis of a comparison of the provisions of the legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation, on the basis of which some gaps were revealed, supplements were proposed and extrapolated to the market of medical services of the Republic of Armenia. The content of the agreement is a combination of the conditions upon which the parties agree. The agreement in its turn is considered concluded only in case of reaching an agreement on all its essential conditions. In the case of the agreement for commutative medical services provision, the essential conditions are: the subject of the contract, the conditions for obtaining medical services, the quality of services, the term for the provision of services, the procedure for settlements, rights and obligations, and the responsibilities of the parties. In case of disagreement of at least one of the latter, the agreement is considered not concluded and does not give rise to rights and obligations for the parties. In the present conditions of the continuous development of market relations and dynamic progress in the sphere of medical services, the consolidation of these conditions for the provision of medical services is a priority task on the way of ensuring the protection of the rights of both the customer and the service provider, and, consequently, a progressive step towards the development of an effective Healthcare system of the Republic of Armenia and the market of medical services, in particular.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ**

© 2017

*Т.А. Зограбян, аспирант
Российско-Армянский университет, Ереван (Армения)*

Ключевые слова: медицинская услуга; доступность; ценообразование; страховая медицина; рынок; здравоохранение; правовое регулирование.

Аннотация: В данной статье подчеркивается важность правового регулирования процесса ценообразования на рынке медицинских услуг. Учитывая тот факт, что цена и порядок расчётов являются существенными условиями для договора возмездного оказания медицинских услуг, ввиду своего удельного веса в процессе принятия решения о заключении договора, дальнейшее развитие механизмов регулирования является весомым шагом на пути повышения доступности услуг для населения и эффективности системы здравоохранения в целом.

В нынешних условиях стремительного развития рыночных отношений, охватившего и сферу здравоохранения, образовав рынок медицинских услуг, весьма важно обратить внимание на вопрос резонного установления цены на рынке медицинских услуг (ценообразования). Вопросы ценообразования приобретают особую актуальность в связи с расширением частного сектора в здравоохранении и государственного норматворческого регулирования методологии определения и поддержания цен на рынке медицинских услуг, как одной из наиболее важных социально-ориентированных сфер. Итак, ценообразование представляет собой процесс формирования цен, определение их уровней и соотношений, объективной основой для которых являются общественно необходимые затраты труда, которые посредством денег получают выражение в цене. Цена, в свою очередь, является составной двух компонентов: себестоимости и прибыли. Себестоимость услуг представляет собой стоимостную оценку используемых в процессе оказания услуг материалов, основных фондов, топлива, энергии, трудовых ресурсов, а также других затрат на ее производство. На рынке медицинских услуг определение объективной себестоимости является весьма затруднительным, поскольку затрачиваемые трудовые ресурсы получают свое выражение в виде эффекта на здоровье пациента. Рассмотрим пример коронарного стентирования – данная операция полностью подходит под критерии медицинских услуг, представленные выше, – стоимость данной процедуры в РА на данный момент составляет 1,1 млн драм. Является ли основной составляющей данной цены стоимостью самого стента либо труд хирурга, если последнее, то, как определяется материально-стоимостное выражение услуги по предотвращению летального исхода. Переходя к следующей составляющей – прибыли, следует определить какой уровень является балансирующим для поддержания стабильного экономического развития частного сектора здравоохранения и обеспечения доступности широкого спектра медицинских услуг для населения. Говоря о доступности, отметим, что весьма весомой составляющей эффективной системы здравоохранения, является доступность медицинских услуг. Понятие доступности можно рассмотреть с двух точек зрения – финансовой и прямой. Под последней понимается наличие вблизи медицинских учреждений (медицинский пункт, больница, поликлиника, семейный врач, амбулаторная, центр здоровья и т. п.), медицинского персонала, готовых оказать помощь нуждающемуся. Высокопрофессиональные службы третичного уровня по большей части сосредоточены в столице РА, городе Ереван, в учреждениях с высокотехнологичным оборудованием. Также, согласно исследованиям, 68,3 % врачей страны осуществляют медицинскую деятельность в столице. Следовательно, можем утверждать, что в Ереване медицинские услуги полностью доступны в прямом понимании. Иначе дело обстояло в марзах до 2010-х годов, когда люди были вынуждены ездить из марзов в столицу

для получения базовой медицинской помощи. Однако в данном аспекте наблюдаются позитивные изменения. К примеру, если 20 лет назад в стране существовала проблема доступности лечения в единственном специализированном медцентре, то сегодня в стране действует 11 центров, два из которых в регионах. Министерство здравоохранения РА поставило цель, включающую динамичное развитие и строгий контроль медицинских учреждений всех марзов. Данная политика получила наиболее интенсивное внимание, начиная с 2014 года. Первая составляющая – динамичное развитие, обусловлено увеличением государственного финансирования, повышения зарплат медицинскому персоналу, работающему в марзах, и предоставление в собственность данных учреждений профессионального оборудования, транспортных средств и иные материальные средства, необходимые для деятельности современного медицинского учреждения. Также осуществляется мониторинг деятельности данных учреждений по средствам отчётов и периодических визитов организаторов здравоохранения. Основываясь на этом, можем утверждать, что делаются основательные шаги к повышению доступности медицинских услуг в прямом понимании.

Рассмотрим понятие доступности с финансовой точки зрения. В данном случае наблюдаются некоторые проблемы, значительно снижающие уровень доступности медицинских услуг. Основываясь на статистических данных, в 2015 году основной причиной не обращения граждан за медицинской помощью являлись финансовые причины, составляющие 78 % от общего количества всех оглашённых причин [1, с. 87]. Под финансовыми причинами подразумевается комплекс взаимосвязанных причин, основными причинами которых, на наш взгляд, если рассмотреть публичный сектор, являются отсутствие достаточных средств в системе здравоохранения, отсутствие четко определенных нормативов ценообразования, надобность повышения стандартов технической оснащённости и санитарии при лицензировании, и т. д. Данная проблема является весьма многогранной, поскольку служит причиной нескольких негативных последствий: низкий уровень расходов правительства, низкий уровень зарплат, которые в свою очередь ведут к большому количеству проблем, представленных на рисунке 1, и т. д.

Как можно увидеть на рисунке, отсутствие достаточного финансирования приводит к высокому уровню цен на медицинские услуги. Ввиду высоких цен нет определённого уровня доступности списка медикаментов для населения. Причиной тому – нет государственного регулирования ценообразования и закупок на рынке фармацевтической продукции. В нынешнее время динамично развивающейся медицины и усовершенствования методов лечения, многие пациенты по-прежнему не имеют доступа к надлежащим фармацевтическим услугам. Государственные расходы на фармацевтические препараты в Армении очень низки, они составляют менее \$2

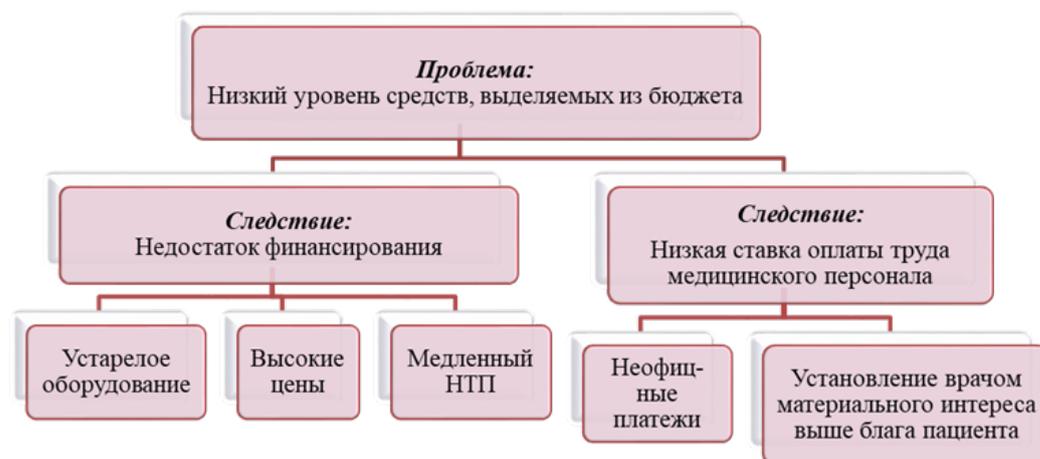

Рис. 1. Комплекс проблем, связанных с отсутствием достаточных средств

на душу населения в год. Цены на лекарства высоки и часто недоступны для большинства населения [2, с. 10]. Кроме того, введение НДС на лекарства с 2001 года привело к дальнейшему повышению цен медицинской техники оборудования в медицинских учреждениях [3, с. 3]. Средств, выделяемых из бюджета, хватает только на номинальный обширный базовый пакет (ББП), который охватывает около половины населения. В итоге наблюдается серьезный разрыв и несоответствие между прогнозами о внедрении бесплатного пакета медицинских услугах и имеющихся средств.

В данной ситуации сопровождающей проблемой является наличие устаревшего оборудования ввиду недостатка средств на закупку нового. В значительной части медицинских учреждений РА до сих пор используются советские технологии, которые, безусловно, являются качественными, но, устаревшими (начиная с рентгеновских аппаратов и анестезиологического оборудования). Однако, есть и категория медицинских учреждений, которые оснащены наиболее современным медицинским оборудованием передовых технологий (компьютерные томографы (или КТ), магнитно-резонансные томографы (или МРТ), лазеры, робототехника для дистанционных операций и т. д.). Данный явный разрыв должен быть урегулирован через государственное лицензирование медицинских учреждений, с условием соблюдения высоких стандартов, в том числе и на оснащенность оборудованием.

Другим производным недостатком средств, как основного фактора, влияющего на доступность медицинских услуг, является низкая ставка оплаты медицинского персонала. Что, в свою очередь, ведёт к таким проблемам, как повышение уровня неофициальных платежей и стимула установления врачом собственного материального интереса выше блага пациента. Тем самым, нарушая норму об общих обязанностях врачей: «Принимая профессиональные решения, врач должен исходить из соображений блага для пациента, а не из собственных материальных интересов» [4, с. 1]. Основная часть средств, выплачиваемых пациентом, представляют собой неофициальные денежные выплаты медицинским работникам, оплатой диагностических тестов, медицинских принадлежностей и лекарств. Явно просматривается пробел в регулировании и строгом государственном принуждении к поддержанию понятия «белая касса», подразумевающая осуществление всех платежей официальным путём через кассу, в то время как медицинский персонал не вступает в прямые денежные отношения с пациентом. В отличие от больничных услуг, первичная медико-санитарная помощь была объявлена бесплатной после реформы в 2006 году

и исследования показывают, что неофициальные платежи в данной сфере в настоящее время незначительны. Однако, в случае возмездного оказания медицинских услуг [5, с. 31], являющихся платными по определению и оказываемыми на основе договора, который оплачивается по цене, установленной соглашением сторон, согласно статье 440 ГК РА. Также, той же статьей закрепляется, что в предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т. п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами [6, ст. 440]. Одной из характеризующих черт договора возмездного оказания медицинских услуг, рассматривая последний сквозь призму стоимости услуг, является факт закрепления первоначальной (приблизительной) цены за предоставляемый объём услуг. Иначе говоря, трудно предсказать полный объём услуг необходимых для диагностирования и лечения пациента для получения желаемого им (заказчиком) эффекта, что может весьма весомо повлиять на общую стоимость оказываемых услуг. Что не запрещено законом, согласно статье 440 ГК РА «Изменение цены после заключения договора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором или законом» [6, ст. 440]. В подобных случаях колебания цен доступность услуг для населения может снизиться, что в значительной мере может негативно повлиять на эффективность системы здравоохранения в целом.

На данный момент наиболее прогрессивным способом повышения уровня доступности медицинских услуг является введение медицинского страхования. Основными предпосылками внедрения являются [7, с. 63]:

1) подготовка законодательной и всеохватывающей правовой основы на базе международных нормативно-правовых актов, устанавливающих права, обязанности, а также этические нормы поведения врачей и пациентов;

2) регламентация совместной деятельности страховых институтов и медицинских учреждений в целях оптимизации эффекта социальной полезности, недопущения «перепотребления» добровольного медицинского страхования (ДМС) со стороны страхователей и «недопредоставления» услуг по обязательного медицинского страхования (ОМС) со стороны страховщиков;

3) повышение качества оказываемых медицинских услуг при помощи создание системы национальных стандартов, оценки и контроля качества медицинской помощи, а также внедрение и развитие процедуры лицензирования медицинского персонала;

4) привлечение к данному процессу института страховой медицины с целью страхования ответственности за вред, причинённый здоровью пациента;

5) создание фонда финансирования технологического оснащения медицинских учреждений за счёт страховых поступлений с целью обеспечения страховщиками предоставления эффективной медицинской помощи надлежащего качества своим страхователям и развития системы здравоохранения РА в целом;

6) всесторонняя поддержка и строгое регулирования со стороны органов публичной власти.

На данный момент на рынке медицинских услуг РА действует лишь обязательный пакет медицинского страхования для государственных служащих, включающий 4 направления и обязательную базовую сумму в размере 52 тысяч драм. В рамках указанной суммы предусматривается, возмещение страховой компанией острой, неотложной, в том числе больничной медицинской помощи, которая включает также заболевания, требующие терапевтическое лечение и сердечнососудистую хирургию. Являясь государственной стратегической программой по оздоровлению нации, обязательное медицинское страхование – явный прогресс на рынке медицинских услуг, поскольку позволяет социально необеспеченным и относительно уязвимым слоям населения в любой момент получить качественные медицинские услуги, соответствующие всем стандартам. Обязательное медицинское страхование станет залогом снижения уровня смертности в стране, поскольку люди, ныне не имеющие возможность периодических обследований ввиду финансовых проблем, начнут проходить диагностирование, что выявит болезнь на ранней стадии и намного облегчит процесс её лечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Health system performance assessment in Armenia. Yerevan: World Health Organization, 2008. 47 p.
2. Tonoyan T. Health care system in Armenia: Past, present and prospects. Berlin: Technical University of Berlin, 2004. 37 p.
3. Kazarian I. Developing national drug policy in Armenia. URL: policy.hu/kazaryan/project1.html.
4. Международный кодекс медицинской этики. Принят 3-й Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации, Женева, Швейцария, в октябре 1949 года, дополнен 22-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983 года // Медицина и право. URL: med-pravo.ru/Ethics/seventh1.htm.
5. Зограбян Т.А. Понятие договора возмездного оказания медицинских услуг и его характеристика // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2. С. 29–33.
6. Гражданский Кодекс РА от 05.05.1998 г. // Официальный Вестник РА. 1998. Гл. 28. Ст. 440.
7. Зограбян Т.А. Перспективы развития системы страховой медицины в Республике Армения // Вестник Российско-Армянского университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 63–72.

LEGAL REGULATION OF PRICING OF MEDICAL SERVICES IS TO INCREASE THE AVAILABILITY

© 2017

T.A. Zohrabyan, postgraduate student
Russian-Armenian University, Yerevan (Armenia)

Keywords: medical service; availability; pricing; medical insurance; market health; legal regulation.

Abstract: This article stresses the importance of legal regulation of the pricing process in the market of medical services. Given the fact that the price and payment are essential terms for an agreement for provision of medical services, due to its specific weight in the decision-making process on the contract, further development of regulatory mechanisms is a significant step towards increasing the availability of services for the population and efficiency of the health system as a whole.

ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2017

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовский филиал института государства и права РАН, Саратов (Россия)

Е.М. Терехов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, Балаково (Россия)

Ключевые слова: правоинтерпретационная политика; правоинтерпретационная деятельность; толкование права; интерпретационный акт; интерпретационная практика; Конституционный Суд; Верховный Суд.

Аннотация: Правоинтерпретационная деятельность выступает самостоятельным видом юридической деятельности. Полноценное развитие правоинтерпретационной деятельности невозможно без исследования ее эффективности, которая выступает категорией, имеющей стратегическое значение для реализации процесса официального толкования норм права. В свою очередь, решению проблемы повышения эффективности способствует правоинтерпретационная политика, которая позволяет определить конкретные критерии, совокупность которых свидетельствует об уровне эффективности правоинтерпретационной деятельности в отдельно взятый промежуток времени.

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы эффективности правоинтерпретационной деятельности. Предлагается система критериев, среди которых: уровень профессиональной подготовки субъектов правоинтерпретационной деятельности; уровень противоречивой интерпретационной практики; количество допускаемых правоинтерпретационных ошибок; уровень восприятия интерпретационных актов; уровень актуальности интерпретационных актов. Обращается внимание на ориентацию стратегии правоинтерпретационной политики на повышение эффективности правоинтерпретационной деятельности и поддержание ее высокого авторитета, что требует определения и анализа соответствующих критериев, без которых перспективная реализация официального толкования норм права ставится под сомнение.

В условиях глобализации вслед за усложнением социально-экономической и политической жизни, усложняется и правовая жизнь общества. В рамках последней особое место занимает юридическая деятельность, которая в самом общем виде подразделяется на правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную. Среди всех ее разновидностей, правоинтерпретационный вид в отечественной правовой науке исследован меньше других. Вместе с тем с уверенностью можно сказать, что без нее невозможно качественное и результирующее правоприменение.

Постоянные дополнения и изменения в российском законодательстве, а также рост числа принимаемых нормативных правовых актов иногда приводят к увеличению неопределенности смысла отдельных положений закона, что ставит вопрос толкования права все острее.

Е.В. Васильевский абсолютно справедливо замечал, что «юрист, не знающий, как находить, толковать и применять законы, столь же беспомощен, как врач, не обретший навыка в исследовании больных и назначении лекарства» [1, с. 3].

Современная юридическая наука не содержит единого понятия правоинтерпретационной деятельности. В частности, Е.А. Попенков считает, что последняя есть «связующее звено» между формой и действием права [2, с. 9], а А.И. Рулев предлагает понимать под ней обычное толкование норм права [3, с. 4].

Под правоинтерпретационной деятельностью стоит понимать самостоятельный вид юридической деятельности, реализуемый с целью раскрытия смысла норм права государственно-властными субъектами. Это коммуникативный вид деятельности, в рамках которой субъекты не только усваивают смысл правовых предписаний для себя, но и передают его другим. Она определяет векторы необходимого правоприменения и ориентирует субъектов правоприменительной деятельности на использование закона в заданном направлении.

Для достижения заданных задач, правоинтерпретационная деятельность должна иметь систему оценок, анализируя которые можно делать выводы об ее общем состоянии. Одной из таких оценок выступает эффективность правоинтерпретационной деятельности, которая позволяет понять, насколько качественно она реализуется в конкретный промежуток времени. Эффективность пра-

воинтерпретационной деятельности, в отличие от других ее характеристик, ориентирована, в первую очередь, на исследование ее практического потенциала, а также выявление в нем конкретных граней, позволяющих судить не только о реальном положении дел в сфере официального толкования норм права, но и рассматривать отдельные его стороны. Пристальное внимание к вопросу эффективности приковано еще и потому, что она способствует развитию правоинтерпретационной деятельности, повышению роли ее юридического воздействия на общественные отношения и дальнейшему усилению ее авторитета.

Поддержание высокого уровня эффективности правоинтерпретационной деятельности сложно представить без уверенной интерпретационной политики, способной управлять формированием векторов официального толкования норм права.

Правоинтерпретационная политика – научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества, направленная на определение стратегии и тактики толкования юридических норм, на создание необходимых условий для качественной интерпретации правовых предписаний.

Правоинтерпретационная политика предполагает создание основ для определения критериев, совокупность которых позволяет судить об уровне эффективности правоинтерпретационной деятельности.

Целесообразно выделять следующие критерии эффективности правоинтерпретационной деятельности:

1. Уровень профессиональной подготовки субъектов правоинтерпретационной деятельности.

Субъекты правоинтерпретационной деятельности обладают высочайшей квалификацией в сфере права. Наиболее квалифицированный субъект во всей интерпретационной сфере юридической деятельности – органы судебной власти, что достигается не только глубокими знаниями нормативных правовых актов, но и периодически проводимой переподготовкой.

В Саратовском областном суде, в связи с изменениями в законодательстве, проводилось повышение квалификации судей по теме «Актуальные проблемы института суда присяжных», в рамках которого было тщательно проанализировано постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм УПК РФ, регули-

рующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [4], а также исследованы обзоры судебной практики по допущенным ошибкам, в том числе интерпретационным, при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей [5].

Иные субъекты правоинтерпретационной деятельности также достаточно хорошо подготовлены, что достигается не только владением информацией в сфере интерпретационной практики, но и постоянным анализом правовых позиций органов высшей судебной власти РФ.

Органы законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления, органы прокуратуры постоянно анализируют интерпретационные акты Конституционного Суда РФ, а также используют разъяснения Верховного Суда РФ в работе.

2. Уровень противоречивой интерпретационной практики субъектов правоинтерпретационной деятельности.

Так в одном случае суд разъясняет, что осмотр покупателей в магазинах охранниками является незаконным [6], поскольку последние не наделены необходимыми полномочиями, а в другом, говорит о том, что такая процедура полностью соответствует букве закона [7]. Сложно осуществлять правовое регулирование, обладая такими результатами.

3. Количество допускаемых правоинтерпретационных ошибок.

С.В. Пишина подчеркивает, что правоинтерпретационная ошибка представляет собой отступление от правил толкования, порождающее юридический результат, противоречащий критериям истинности толкования и влекущий негативные социальные и иные последствия [8, с. 137].

Исследование специфики появления интерпретационных ошибок показывает, что последние допускаются не только органами законодательной, исполнительной власти, нижестоящими судами, но и периодически встречаются в работе Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ [9, с. 38]. Это заставляет концентрировать силы на поиске причин их появления и средств их устранения.

Причины возникновения правоинтерпретационных ошибок могут заключаться в следующем: игнорирование системной связи норм права; неправильное разрешение коллизии норм различных законодательных актов; неверный выбор средств определения сущности интерпретируемой нормы; неверная интерпретация общей и специальной норм, регулирующих один предмет и т. д. [10, с. 44].

Конституционным Судом РФ при издании постановления от 3 апреля 1998 года № 10-П была допущена интерпретационная ошибка, выразившаяся в неверном определении предмета толкования. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о признании пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 ФЗ «О товариществах собственников жилья» [11] противоречащими статье 30 Конституции Российской Федерации в части установления обязательности членства в товариществе собственников жилья, без добровольного волеизъявления домовладельца [12]. Б.С. Эбзеев, не соглашаясь с итоговым выводом высшего органа судебной власти, справедливо замечает, что «этот вывод является результатом неадекватного истолкования Конституционным Судом нормативного содержания как статьи 30 Конституции Российской Федерации, так и проверявшихся им норм Федерального закона» [13].

4. Уровень восприятия интерпретационных актов.

Сложности в восприятии актов толкования норм права обусловлены качеством интерпретационной юридической техники и искусством ее использования. Они могут заключаться в непонимании положений отдельных актов толкования норм права, что вызывает потребность в дополнительном разъяснении уже изданного интерпретационного акта.

Конституционный Суд РФ 12 октября 1998 года вынес постановление № 24-П, которым положение пункта 3 статьи 11 Закона РФ от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» признано соответствующим Конституции РФ в той части, что обязанность юридического лица по уплате налога прекращается уплатой им налога. Также обращено внимание на то, что прекращение обязанности налогоплательщика – юридического лица по уплате налога лишь с момента поступления соответствующих сумм в бюджет, допускающее, таким образом, возможность повторного взыскания с налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов, противоречит смыслу законодательства [14].

Министерство РФ по налогам и сборам обратилось в Конституционный Суд РФ с целью разъяснения вышеуказанного интерпретационного акта, поскольку возник вопрос, возможно ли использование разъяснений высшего органа судебной власти в отношении недобросовестных налогоплательщиков, а именно, может ли налоговая обязанность считаться исполненной при формальном списании денежных средств со счета налогоплательщика в банке, если данные суммы фактически не перечисляются в бюджет по причине отсутствия денег на расчетном счете налогоплательщика – юридического лица, а также по причине отсутствия денежных средств на корреспондентском счете банка, при формальном зачислении их банком на счета налогоплательщика. Конституционный Суд РФ в определении от 25 июля 2001 года дополнительно разъяснил, что выводы, изложенные в постановлении от 12 октября 1998 года № 24-П касаются исключительно добросовестных налогоплательщиков, что вызывает обязанность органов государственной власти осуществлять контроль за исполнением налоговой обязанности в предусмотренном законом порядке, проводить проверку добросовестности налогоплательщиков и банков, в случаях установления признаков недобросовестности, обеспечивать охрану интересов государства [15].

5. Уровень актуальности интерпретационных актов.

Актуальность интерпретационных актов означает степень их соответствия смыслу действующего законодательства, достигаемая путем внесения необходимых изменений (дополнений) в их тексты либо их обновления в связи с утратой юридической силы изданных ранее разъяснений. Актуальность актов толкования норм права должна поддерживаться тем субъектом правоинтерпретационной деятельности, который их издает.

А.В. Мадьярова приходит к выводу, что «разъяснения Верховного Суда РФ представляются эффективными как официальная судебная доктрина, ориентир для судей в процессе правоприменения и фактор повышения научно-практического уровня квалификации судейского корпуса» [16, с. 10]. Развивая данную мысль, стоит отметить, что актуальность интерпретационных актов не достигается сама собой, формально, их принятием. Важно своевременно вносить в них изменения (дополнения), а в необходимых случаях и вовсе обновлять их путем издания новых разъяснений и утратой юридической силы ранее устаревших.

Содержание актов толкования права может меняться – в одни вносятся изменения (дополнения), другие вовсе отменяются. Это может быть вызвано как изменением законодательства, существенной сменой правовой позиции по смыслу отдельно взятых норм права, так и обратной силой интерпретационного акта.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2005 года № 26 сказано, что для поддержания единообразия судебной практики и защиты прав граждан, пострадавших вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, «пересмотр решения или иного судебного постановления, вынесенного до принятия указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации, не исключается, даже если в связи с истечением срока на обжалование утрачена возможность его отмены, изменения или вынесения нового постановления судом надзорной инстанции» [17].

Разумеется, что в таких ситуациях устаревшие разъяснения не могут быть актуальными, что существенно снижает их эффективность (практическая значимость в устаревших интерпретационных актах утрачивается полностью) и вызывает потребность в их обновлении.

Таким образом, становится очевидно, что стратегия правоинтерпретационной политики направлена на повышение эффективности правоинтерпретационной деятельности и поддержание ее высокого авторитета, что требует определения и анализа соответствующих критериев, без которых перспективная реализация официального толкования норм права ставится под сомнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьяковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М.: типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. 152 с.
2. Попенков Е.А. Юридическая техника правоинтерпретационной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 20 с.
3. Рулев А.И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.
4. О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23; с изм. на 22.12.2015 г. // Российская газета. 2005. 2 декабря.
5. Завершена стажировка судей районных судов по теме «Актуальные проблемы института суда присяжных» // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. URL: oblsud.sar.sudrf.ru.
6. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 13.01.2015 г. № 33-25/2015 // Ульяновский областной суд. URL: uloblsud.ru.
7. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Кировского областного суда от 14.07.2016 г. № 3168/2016 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. URL: oblsud.kir.sudrf.ru.
8. Пишина С.В. Правоинтерпретационные ошибки. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 176 с.
9. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 4. Интерпретационная юридическая практика. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. 137 с.
10. Бочарникова Н.А. Административная ошибка: правовое содержание, значение и основные направления преодоления. Воронеж: Научная книга, 2013. 191 с.
11. О товариществах собственников жилья: федеральный закон от 15.06.1996 г. № 72-ФЗ // Российская газета. 1996. 26 июня.
12. «О товариществах собственников жилья» в связи с запросом Советского районного суда города Омска: постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.1998 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года» // Российская газета. 1998. 15 апреля.
13. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеева «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года «О товариществах собственников жилья» в связи с запросом советского районного суда города Омска» // Российская газета. 1998. 15 апреля.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»» // Российская газета. 1998. 20 октября.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»» // Российская газета. 2001. 1 августа.
16. Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. 26 с.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 26 «О вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» // Российская газета. 2005. 28 декабря.

**LAW-INTERPRET POLICY AS A FACTOR OF INCREASING
THE EFFECTIVENESS OF PRAVOINTERPRETATION ACTIVITY**

© 2017

A.V. Malko, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation, director
Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Saratov (Russia)
E.T. Terekhov, candidate of legal sciences, associate professor of the department of State and legal disciplines
Balakovo Branch of Saratov State Law Academy, Balakovo (Russia)

Keywords: law-interpret policy; law-interpret activity; interpretation of law; interpretative act; interpretative practice; Constitutional Court; Supreme Court.

Abstract: Law-interpret activity is an independent type of legal activity. A full-scale development of the law-interpretation activity is impossible without a study of its effectiveness, which is a category of strategic importance for the implementation of the process of official interpretation of the law. In turn, the decision of the problem of increasing efficiency is promoted by the law-interpretation policy, which allows defining specific criteria, the totality of which indicates the level of effectiveness of the right-interpretative activity in a single period of time.

The article examines some aspects of the problem of the effectiveness of the law-interpretation activity. A system of criteria is proposed, among which: the level of professional training of subjects of the law-interpretation activities; the level of conflicting interpretation practices; the number of legal interpretations allowed; level of perception of interpretative acts; level of relevance of interpretative acts. Attention is drawn to the orientation of the strategy of the right-interpretational policy to improve the effectiveness of the law-interpretation activity and to maintain its high authority, which requires the definition and analysis of the relevant criteria, without which a promising implementation of the official interpretation of the law is called into question.

В.В. Мамонов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное право»
А.А. Фомин, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное право»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург (Россия)

Ключевые слова: юридическое образование; национальная безопасность; государственно-правовой механизм.

Аннотация: В статье обосновывается целесообразность изучения в рамках магистерских программ по направлению подготовки «Юриспруденция» государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Особое внимание уделяется исследованию структуры и содержания учебного курса «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации» (уровень магистратуры).

Системный кризис, переживаемый российским обществом, актуализирует внедрение в структуру высшего юридического образования учебного курса «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации». Такие тенденции социального развития, как экономическая стагнация, этнорелигиозная напряженность, аксиологическая дезориентация, идеологическая конфронтация, являясь сегодня предметом тревоги официальных властей, острых политических дискуссий, научных изысканий, обуславливают необходимость восприятия на всех этапах образовательного процесса подготовки юристов (бакалавриат, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации) вопросов правового обеспечения национальной безопасности в качестве ключевой стратегической задачи.

Противоречивость процессов, вызванных кардинальной модернизацией структурных и функциональных взаимосвязей политической и экономической системы, предполагают качественно обновленный взгляд на принципы и средства обеспечения личной безопасности, защиты национальных интересов и реализации национальных приоритетов, в совокупности образующих механизм обеспечения национальной безопасности. К сожалению, осуществляемые реформы во многом не приводят к ожидаемым результатам и более того, порождают побочные негативные явления и процессы: доминирование в инструментарии, имеющегося в распоряжении государства и используемого при обеспечении национальной безопасности, административно-командных мер над правовыми, нарушения прав человека, рост (или, как минимум, сохранение в прежних масштабах) уровня преступности в стране, коррупции, проявлений экстремизма и т. п. Национальная безопасность выступает основополагающим направлением правотворческой [2, с. 46–64] и правоприменительной политики [3, с. 6–13] как внутри страны, так и на международной арене, что требует новых методологических и технико-юридических подходов к правовой регламентации национальной безопасности.

Вот почему сегодня так востребованы высококвалифицированные юристы в области правового обеспечения национальной безопасности, отличающиеся конкурентоспособностью, компетентностью, адекватным своим должностным обязанностям уровнем правовой культуры и правосознания, фундаментальностью знаний, свободой владения навыками нормотворческой, правоохранительной, правоприменительной, экспертно-консультативной юридической деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности. Без специализированной подготовки профессионалов (а уровень магистратуры гарантирует как раз получение такого рода знаний, умений и навыков) невозможно добиться совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти и должностных лиц, отвечающих за обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Несмотря на изучение в рамках магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» ряда

фундаментальных аспектов национальной безопасности остается потребность в специализированном изучении ее правовой теории посредством внедрения в учебный процесс магистерского курса «Правовые основы национальной безопасности РФ», гарантирующего обучающемуся целостный научно обоснованный подход к комплексному представлению о правовом регулировании сферы национальной безопасности. Правовая теория безопасности является проблемно и предметно ориентированной концепцией, синтезирующей на научной основе тех разделов гуманитарных, естественных, технических наук, которые посвящены исследованию сущности, содержания, приоритетов, способов и средств обеспечения национальной безопасности, с практикой законотворчества и правоприменительной деятельности [1, с. 246].

Несмотря на то, что сегодняшний уровень теоретической разработанности в юриспруденции и нормативно-правовой регламентации стратегии национальной безопасности базируется на «единстве общегуманистической сущности философии, права, экономической теории, социологии, политологии, географии и других наук» [4, с. 3–4], у юридической концепции безопасности человека, общества, государства существуют свои особенности, общие и специальные закономерности. В ситуации, когда перечень угроз и их источников внутри страны, с одной стороны, и самому Российскому государству на международном пространстве, с другой, очень быстро и, к сожалению, постоянно увеличивается, эффективно механизм обеспечения национальной безопасности не может функционировать без надлежащего правового обеспечения.

Понимание этой зависимости отражено, в частности, в абз. 4 п. 6 качественно обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 608, где в качестве содержания обеспечения национальной безопасности называются политические, военные, организационные, социально-экономические, информационные, правовые и иные меры, направленные на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, обеспечение информационной безопасности определяется как «осуществление взаимозависимых правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационно-технологических угроз и ликвидации последствий их проявления» (п. 2). В п. 3 ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» среди направлений деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению безопасности называется правовое регулирование в области обеспечения безопасности.

Отрыв экологической, экономической, военной, международной, технической и других составляющих безопасности от юридической, в известной мере даже игнорирование последней в пользу «политической целесообразности» преодоления опасностей и угроз вне рамок «правового поля», в свою очередь, представляет угрозу безопасности граждан и государства, поскольку является источником произвольной интерпретации и злоупотреблений [5, с. 77–87]. Юридическая составляющая в общем контексте безопасности – одна из основных критериев оценок эффективности обеспечения безопасности. С помощью права закрепляются унифицированные, единые для всех субъектов правоотношений безопасности критерии, основания и пределы деятельности по обеспечению безопасности, устанавливается допустимый с точки зрения общепризнанных мировой цивилизацией ценностей механизм обеспечения безопасности национальных интересов в экономической, политической, криминальной, военной, информационной, экологической, техногенной и иных областях.

Магистерский курс «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации» направлен на освоение обучающимися основных понятий, применяемых в сфере обеспечения национальной безопасности («национальная безопасность», «национальные интересы», «национальные приоритеты», «государственно-правовой механизм обеспечения безопасности» и т. д.), объектов и субъектов правоотношений безопасности, принципов обеспечения национальной безопасности, основных функций и полномочий органов государства, местного самоуправления и институтов гражданского общества, образующих систему обеспечения безопасности, т. е. всего комплекса связанных с обеспечением национальной безопасности вопросов. Необходимость такого детального изучения правовой регламентации национальной безопасности диктуется сложностью деятельности органов власти и общественных организаций, ответственных за выработку и реализацию правовых актов в сфере национальной безопасности, их высокой «ценой» для граждан, страны, мирового сообщества [6, с. 140–169].

В рамках магистерского учебного курса «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации» предполагается изучение международно-правовых и внутригосударственных средств обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, регулируемых ими правоотношений и юридически значимых последствий их ненадлежащего применения. Объектом изучения в рамках учебной дисциплины выступает национальная безопасность как целостное явление государственно-правовой действительности. Предметом изучения магистрантов станут: закономерности законодательного закрепления и применения международных и внутригосударственных средств обеспечения национальной безопасности; их понятие, признаки и классификация мер безопасности; сравнительно-правовой анализ государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности в России и за рубежом; основания, пределы и принципы обеспечения национальной безопасности. Магистерский учебный курс нацелен на изучение проблемных аспектов правового обеспечения экономической, энергетической, продовольственной, технологической, транспортной, экологической, антинаркотической безопасности в Российской Федерации, демографической безопасности и безопасности национального здоровья в современной России, контртеррористической безопасности, военной безопасности, безопасности в сфере культурной идентичности, межнациональных отношений и информационной безопасности в Российской Федерации, в том числе критериев оценки и методики определения целесообразности и эффективности реализации средств обеспечения национальной безопасности в современной России.

В качестве примерного содержания учебного курса «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации» можно предложить следующий набор тем.

Тема 1. Теоретико-методологические основы правовой теории национальной безопасности.

Тема 2. Система национальной безопасности: элементы и механизмы.

Тема 3. Общепризнанные принципы и нормы международного права как основа обеспечения национальной безопасности в современном мире.

Тема 4. Глобализация как фактор эволюции правового обеспечения национальной безопасности.

Тема 5. Механизмы дестабилизации социально-политической обстановки в стране и мире и способы их нейтрализации.

Тема 6. Международно-правовые механизмы обеспечения глобальной и региональной безопасности.

Тема 7. Правовые основы национальной безопасности зарубежных стран.

Тема 8. Основные элементы государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности России.

Тема 9. Основы теории правовых мер безопасности.

Тема 10. Современные проблемы и основные направления совершенствования механизма обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации.

Тема 11. Правовое обеспечение экономической, энергетической и продовольственной безопасности в Российской Федерации.

Тема 12. Правовое обеспечение технологической, транспортной и экологической безопасности России.

Тема 13. Правовое обеспечение антинаркотической безопасности и безопасности национального здоровья в России.

Тема 14. Правовое обеспечение контртеррористической безопасности в Российской Федерации.

Тема 15. Правовое обеспечение безопасности в сфере культурной идентичности, межнациональных отношений и информационной безопасности в Российской Федерации.

Тема 16. Правовое обеспечение нравственной безопасности в современной России.

Тема 17. Правовое обеспечение религиозной безопасности на современном этапе.

Тема 18. Правовые основы военной безопасности РФ.

Тема 19. Правовое обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах.

В конкретизированном виде предметную область изучения дисциплины «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации» составляют:

- закономерности возникновения, изменения и прекращения правоотношений безопасности;
- причины и правовые механизмы возникновения противоречий и конфликтов, юридический анализ кризисных ситуаций;
- природа и содержание прав и свобод граждан в сфере обеспечения национальной безопасности;
- юридические средства обеспечения национальной безопасности, их классификация;
- международно-правовые основы обеспечения стабильности и безопасности в мире;
- основные направления государственно-правовой политики использования и развития политических, экономических, военных и иных ресурсов для защиты национальных интересов и достижения национальных приоритетов.

Обзор существующих образовательных практик магистерских программ показывает, что на сегодняшний день в отечественном юридическом образовании вопросы международных и внутригосударственных правовых основ обеспечения национальной безопасности изучаются фрагментарно, при отсутствии концептуального подхода, комплексного научного анализа.

Особо следует отметить в контексте обеспечения национальной безопасности необходимость внедрения в образовательный процесс изучение религиозного фактора. Проявление религиозной нетерпимости и фанатизма во многом определяют состояние и тенденции безопасного развития общественно-политической ситуации по всему миру, в том числе и в современной России. Плодятся деструктивные религиозные объединения, деятельность которых создает угрозу причинения вреда жизни, здоровью и имущественным интересам граждан. В результате на фоне религиозной нетерпимости усиливаются социальные противоречия, растет преступность, личность оказывается незащищенной от давления, оказываемого со стороны потенциально опасных религиозных объединений. В связи с этим государство должно создать такие барьеры, в том числе правовые, чтобы обеспечить стабильность в обществе и безопасные условия для существования и гармоничного духовного развития личности.

Вопросы законодательного закрепления и осуществления в правоприменительной деятельности мер обеспечения национальной безопасности относятся к числу малоизученных проблем юриспруденции, отсутствуют четкие представления о методологии их исследования и методики преподавания в образовательном процессе, нет единства подходов в трактовках содержания и объема понятийно-категориального аппарата в сфере обеспечения национальной безопасности. На изучение названных и ряда других проблемных аспектов регламентации и реализации международно-правовых и внутригосударственных средств обеспечения национальной безопасности и направлено внедрение в учебный процесс

по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» магистерского курса «Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации».

Статья подготовлена в рамках «Проекта-победителя» Грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебов И.Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования. СПб.: СПбУ МВД России, 2000. 261 с.
2. Исаков Н.В., Мазуренко А.П. Принципы и приоритеты современной российской правотворческой политики // Правотворческая политика в современной России. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 46–64.
3. Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1. С. 6–13.
4. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. 240 с.
5. Фомин А.А. Правовое образование, правосознание и юридическая безопасность: проблемы взаимообусловленности в современном обществе // Право и образование. 2005. № 3. С. 77–87.
6. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве. Теория. История. Практика. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2002. 246 с.

THE MASTER COURSE “LEGAL BASES OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION”: RELEVANCE, STRUCTURE, CONTENT

© 2017

V.V. Mamonov, doctor of jurisprudence, professor, professor of chair of “Constitutional law”
St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg (Russia)

A.A. Fomin, doctor of jurisprudence, professor, professor of chair of “Constitutional law”
St. Petersburg State Economic University, St. Petersburg (Russia)

Keywords: legal education; national security; state legal mechanism.

Abstract: The article proves the expediency of studying within master programs for the direction of preparation “Jurisprudence” of the state legal mechanism of ensuring national security of the Russian Federation. Special attention is paid to the research of the structure and content of the training course “Legal bases of national security of the Russian Federation” (level of magistracy).

А.В. Мусеев, преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: административная ответственность; субъект административной ответственности; должностное лицо; индивидуальный предприниматель; правосубъектность.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности административной ответственности индивидуальных предпринимателей, выявлены проблемы в правовом регулировании и сделан вывод о необходимости включения в действующий Кодекс РФ об административных правонарушениях отдельной статьи, определяющей особенности административной ответственности индивидуальных предпринимателей.

Одним из важнейших элементов административно-правового статуса индивидуального предпринимателя является административная ответственность. Анализ норм КоАП РФ, который не выделяет индивидуальных предпринимателей в качестве самостоятельных особых субъектов административной ответственности, в отличие, например, от должностных (ст. 2.4 КоАП РФ) и юридических лиц (ст. 2.10 КоАП РФ), позволяет сделать вывод об отсутствии у них самостоятельной правосубъектности как у участников административно-деликтных отношений.

Индивидуальные предприниматели, будучи субъектами предпринимательской деятельности, безусловно, являются субъектами административной ответственности. Однако многие статьи Особенной части КоАП РФ предусматривают ответственность для субъектов предпринимательской деятельности, при этом указывая в санкциях лишь граждан, должностных и юридических лиц. Статья 3.5 «Административный штраф» среди лиц, к которым применяется данный вид административного наказания, также не называет индивидуальных предпринимателей. Подобное положение дел объясняется существованием примечания к ст. 2.4 КоАП РФ, согласно которому, «лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившие административные правонарушения, несут административную ответственность как должностные лица».

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 г. № 2 указано на то, что при решении вопроса о привлечении к административной ответственности индивидуального предпринимателя необходимо руководствоваться примечанием к статье 2.4 КоАП РФ. Далее поясняется, что, если административное правонарушение не связано с предпринимательской деятельностью, индивидуальный предприниматель несет ответственность как гражданин» [1].

Таким образом, при совершении ряда административных правонарушений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, индивидуальные предприниматели привлекаются к административной ответственности за эти правонарушения как должностные лица.

Представляют интерес статьи КоАП РФ, в тексте которых четко говорится о субъектах противоправного деяния – организациях и индивидуальных предпринимателях. Однако в санкции таких статей речь идет лишь о должностных лицах и юридических лицах без упоминания индивидуального предпринимателя. Например, как видно из ст. 5.51 КоАП РФ, в самом составе правонарушения говорится о совершении правонарушения организацией или индивидуальным предпринимателем, а в санкции этой же статьи наказание в виде штрафа предусмотрено только для должностных и юридических лиц. Таким образом, наличие парадоксальная ситуация, обусловленная существованием примечания к ст. 2.4 КоАП РФ о приравнивании индивидуальных предпринимателей к должностным лицам. Думается, что намного логичнее было бы и в составе правонарушения, и в санкциях указывать одинаковых субъектов ответственности.

Примечательно, что большинство статей главы 14 КоАП РФ, посвященной административным правонарушениям в области предпринимательской деятельности, также предусматривают ответственность только для должностных и юридических лиц. И лишь некоторые содержат санкции специально для индивидуальных предпринимателей (например, ст. ст. 14.1.2, 14.1.3, 14.25, 14.46.1). При этом размер применяемого к ним административного штрафа значительно превышает размер штрафа за аналогичное правонарушение, совершенное гражданами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя.

Стоит также отметить, что в других главах Особенной части КоАП РФ индивидуальный предприниматель упоминается в качестве самостоятельного субъекта административной ответственности, отличного от физического, должностного или юридического лица (например, ст. ст. 5.51, ч. 3 ст. 6.25, ч. 3 ст. 6.29, ст. ст. 6.33, 7.23.3, ч. 7 ст. 7.32, ст. ст. 9.5.1, 11.15.1, 11.15.2, ч. 10 ст. 12.21.1, ч. 5 ст. 13.15 КоАП РФ).

Если проанализировать нормы Особенной части КоАП РФ на предмет соотношения индивидуальных предпринимателей с должностными лицами в качестве субъектов ответственности за различные категории административных правонарушений, то можно выделить несколько групп составов административных правонарушений.

В первую группу следует включить составы правонарушений, в которых происходит «подмена» субъектов правонарушений и субъектов ответственности. В данной группе составов гипотезы закрепляют противоправные деяния индивидуальных предпринимателей, а санкции предусматривают ответственность для должностных лиц. Примерами таких составов являются, например, ч. 1 ст. 7.23.3, ч. 1 ст. 14.5, ст. ст. 14.12, 14.13, 14.56, 14.60, 15.12, 19.7.5-1 КоАП РФ.

Вторая группа составов административных правонарушений представлена нормами, в которых субъект правонарушения и субъект ответственности совпадают (и в гипотезе, и в санкции говорится об индивидуальном предпринимателе). Например, ч. 2, 3 ст. 9.5.1, ч. 10 ст. 12.21.1, ст. 14.1, ст. 17.8.1 КоАП РФ.

Третью группу образуют составы, отграничивающие индивидуальных предпринимателей от должностных лиц. В них предусмотрена ответственность отдельно и для должностных лиц, и для индивидуальных предпринимателей (ст. 6.33, ч. 2 ст. 7.23.3, ч. 7 ст. 7.32, ст. 11.15.1, ст. 11.15.2, ч. 5 ст. 13.15, ст. ст. 14.1.2, 14.1.3, 19.7.1).

В четвертую группу входят составы правонарушений, которые называют в качестве субъекта ответственности только должностных лиц. При этом, исходя из смысла противоправного деяния, совершить его может только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Пятая группа составов охватывает те, в которых субъектами правонарушения и субъектами ответственности выступают только юридические лица и индивидуальные предприниматели, без какого-либо упоминания о должностных лицах [2, с. 33].

Исходя из приведенной классификации, можно сделать вывод о преобладании в КоАП РФ третьей группы названных составов административных правонарушений, отграничивающих индивидуальных предпринимателей от должностных лиц. Следовательно, можно говорить о необоснованности приравнивания индивидуальных предпринимателей к должностным лицам в вопросах несения административной ответственности, тем более что в тексте КоАП РФ индивидуальные предприниматели неоднократно используются в качестве самостоятельных субъектов административной ответственности.

Следует согласиться с В.В. Кизиловым в том, что нахождение индивидуального предпринимателя в категории субъекта административной ответственности «должностное лицо» недопустимым [3, с. 323]. Действительно, согласно ст. 2.4 КоАП РФ, должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. Предпринимательскую деятельность, осуществляемую индивидуальным предпринимателем, вряд ли можно назвать служебными обязанностями. Тем более нельзя ставить индивидуальных предпринимателей (пусть даже в вопросах ответственности) в один ряд с судьями, военнослужащими, иными государственными служащими и должностными лицами.

Отдельно следует выделить нормы КоАП РФ, предусматривающие возможность привлечения индивидуальных предпринимателей к административной ответственности на равных основаниях (в части назначения наказания) с юридическими лицами. В частности, такая возможность устанавливается главами 16 и 18 КоАП РФ (примечание 1 к статье 16.1 и примечание к статье 18.1). Так, согласно примечанию 1 к ст. 16.1 КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные главой 16 данного Кодекса, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица. Тем самым, как поясняется в Определении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 1031-О-О [4], с учетом специфики таможенных правоотношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, отделены от должностных лиц. Следовательно, для субъектов предпринимательской деятельности за нарушения в этой сфере предусматривается единый режим административной ответственности.

Таким образом, КоАП РФ предусматривает возможность несения индивидуальными предпринимателями административной ответственности и как должностным, и как юридическим лицом. Подобное отношение законодателя к индивидуальному предпринимателю как субъекту административной ответственности порождает немало правоприменительных проблем, связанных с правильной квалификацией противоправного деяния и применением норм КоАП РФ к индивидуальному предпринимателю-правонарушителю.

В целях совершенствования законодательства об административных правонарушениях в части административной ответственности индивидуальных предпринимателей представляется необходимым главу 2 КоАП РФ дополнить специальной статьей, определяющей особенности административной ответственности индивидуальных предпринимателей. В эту же статью необходимо включить норму, приравнивающую ответственность индивидуальных предпринимателей и лиц, незарегистрированных в качестве таковых, но фактически осуществляющих предпринимательскую деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2003 г. № 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 3.
2. Ерохина Т.В., Казаросян З.М. Некоторые особенности правового положения индивидуального предпринимателя // Право и экономика. 2016. № 4. С. 33–34.
3. Кизилов В.В. Проблемы правоприменения статьи 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в отношении индивидуального предпринимателя // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 321–324.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 1031-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Березовского Анатолия Алексеевича на нарушение его конституционных прав примечаниями к статье 16.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURS

© 2017

A.V. Moiseev, lecturer of the chair “Constitutional and administrative law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: administrative responsibility; subject of administrative responsibility; official; individual entrepreneur; legal personality.

Abstract: In the article features of administrative responsibility of individual entrepreneurs are considered, problems in legal regulation are revealed, and a conclusion is made about the necessity to include a separate article determining the peculiarities of administrative responsibility of individual entrepreneurs in the current Administrative Code of the Russian Federation.

А.М. Мусеев, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Криминалистика»
Донбасская юридическая академия, Донецк (ДНР)
С.Н. Шестов, кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент»
Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», Севастополь (Россия)

Ключевые слова: общественное документирование; органы государственной и судебной власти; объективность; достоверность; юридический документ; адекватность восприятия.

Аннотация: Рассмотрены аргументационные свойства общественного документирования. Оно определено как деятельность по сбору и фиксации сведений о фактах, составляющих событие общественного значения, а также о сопутствующих ему обстоятельствах. Существенными признаками такого документирования являются субъект – независимая общественная организация, а также использование специальных знаний. В ее состав входят лица с высоким моральным авторитетом. Специальные знания применяют в ходе документирования для обработки и систематизации источников информации. Благодаря таким качествам, результат документирования может использоваться для обоснования решений в сфере государственного управления, а также в судопроизводстве. В статье реализован подход с позиций науки коммуникативной прагматики. Показано, что материалы такого документирования следует ориентировать на восприятие государственными и судебными органами, общественностью. Адресаты документирования распределены на: 1) государственные и судебные органы; 2) широкий круг общественности. Показано, что адресаты первого типа могут научными методами проверять объективность и достоверность представленных материалов. Адресаты второго типа воспринимают результаты документирования по их эмоциональным характеристикам. Поэтому субъект документирования должен ориентировать результат своей деятельности на логический способ восприятия, но не исключать и эмоциональные критерии, какие присутствуют у общественного адресата. Аспект адресата связан с категорией оценки в материалах документирования. Оцениванию подвергаются как сами материалы, так и адресат предоставляемых ему результатов. Их аргументированность сводится к обоснованию достоверности и объективности полученных результатов. Прагматический подход обеспечивает доступность специальных знаний, применяемых в ходе документирования. Предложена форма юридического документа для универсализации восприятия материалов различными адресатами. Профессиональную помощь в оформлении материалов документирования могут оказать судебные эксперты.

ВВЕДЕНИЕ

В самоопределившемся государстве Донецкая Народная Республика возникает проблема оценки происходящих событий, как международными наблюдателями, так и отечественными органами государственной власти. Внимание общественности привлекают такие факты и явления, как переход предприятий под государственное управление, переориентация производства на новые сырьевые рынки, изменения в политике, связанные с санкционными ограничениями; различного рода проявления экономического и социального реформаторства и другие. В условиях международного и социального конфликта, их документирование производят общественные структуры [1]. Результат их деятельности учитывается государственными органами при принятии управленческих решений, а также может стать поводом для судебного рассмотрения правонарушений [2]. Понятием «документирование» обозначаем систему действий, осуществляемых общественным субъектом по сбору и фиксации сведений о фактах, составляющих данное событие, а также об обстоятельствах, сопутствующих ему. Субъектом документирования событий является общественная комиссия. Она объединяет социально активных граждан, деятелей науки и иных лиц, заслуживших высокий моральный авторитет. Благодаря своему составу, такая комиссия способна обеспечить требуемые качества достоверности результатов своей деятельности [3]. Их она адресует органам государственного управления, а также общественности. Результат ее деятельности учитывается ими при принятии решений в сфере управления народным хозяйством, экономики, социального развития.

Информационные источники подвергаются специальным исследованиям в ходе документирования. Цель таких исследований – проверка объективности полученных материалов, а также их систематизация [4]. Поэтому результаты общественного документирования могут

приниматься как достоверные органами государственного управления, судебными органами, в том числе и международной юрисдикции, а также широкой общественностью.

Информационный обмен, происходящий между общественным субъектом, с одной стороны, и государственными и общественными структурами – с другой, обозначают понятием коммуникации. Исследование вопросов информационного обмена входит в предмет науки коммуникативной прагматики. Однако до настоящего времени не было уделено должного внимания научному рассмотрению информационных параметров коммуникации между указанными сторонами.

Целью данного исследования является разработка рекомендаций общественному субъекту по оформлению материалов документирования, с учетом условий адекватного восприятия содержащейся в них информации государственными и общественными структурами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общественная комиссия осуществляет документирование независимо от органов власти и общественно-политических структур. Она возлагает на себя проведение исследования разнообразных явлений экономики и общественной жизни, самостоятельно взаимодействует с органами государственного управления, а также с общественностью, СМИ. Это продиктовано отсутствием работоспособной системы документирования общественно-значимых событий; противостоянием в экономической и социально-политической сферах; низким качеством отображения в СМИ реальных общественных событий; «моральным износом» многих государственных структур, формирующих общественное мнение и обосновывающих необходимость принятия тех или иных управленческих решений [5]. Таким образом, общественная комиссия обладает всеми чертами самосто-

тельности, характерными для общественных структур социального государства, поскольку оно заинтересовано во взаимовыгодном сотрудничестве с общественными институтами и структурами [6, с. 38]. Работа такой комиссии осуществляется в условиях противодействия со стороны заинтересованных политических сил и государственных инстанций. По нашим наблюдениям, это проявляется, например, в попытках внедрить сфальсифицированные или искаженные данные в материалы документирования. В современных условиях жесткого политического противостояния возникла потребность в усовершенствовании процедур, направленных на получение полной, объективной и достоверной информации о происходящих в экономической и в социальной сфере процессах, событиях и явлениях.

Взаимодействие общественной комиссии с органами государственного управления и судебными органами, а также с общественностью рассматриваем с позиций науки коммуникативной прагматики. Материалы общественного документирования, в результате проведенных специальных исследований, отвечают критериям объективности и достоверности. К акту, составленному общественной комиссией по результатам документирования приложены первичные носители информации, такие как, например, фото-, видео- и другие документы, вещественные следы события. Такие материалы неизбежно содержат оценочные суждения и иные сообщения, сформированные членами общественной комиссии. Поскольку материалы основаны на результатах специальных исследований, то форма предоставления информации в них должна обеспечивать адекватность ее восприятия адресатом, не владеющим специальными знаниями.

К предмету коммуникативной прагматики относят отношения субъектов, которые воспринимают и используют в коммуникации определенную знаковую систему [7, с. 66]. Эта наука изучает различные способы воздействия адресанта (того, кто формирует сообщение в процессе коммуникации) на адресата (того, кто воспринимает и понимает сообщение) [8, с. 80; 9, с. 231]. Основы коммуникативной прагматики сформировал Т. Ван Дейк. По его мнению, эта отрасль науки способна пояснить явление коммуникации посредством концептуальной системы коммуникантов, их сознания, объема знаний о предмете коммуникации, а также через представления, оценки, предпочтения, фоновые знания адресата [7, с. 323]. Таким образом, адресатный аспект приобретает значение в плане эффективности взаимодействия между общественным субъектом, с одной стороны, и органами государственного управления, судебными органами, общественными организациями, общественностью – с другой.

По мнению ученых, взаимодействие субъектов может рассматриваться как обмен информационными актами [10; 11, с. 319]. Оценочные суждения, формируемые в материалах документирования, отображают собственное отношение общественного субъекта к событию, явлению или факту. Функциональная сущность оценочных суждений определена тем, что оценочное значение трактуется как отношение субъекта к оцениваемому объекту, к его определенной стороне, признаку, аспекту [12, с. 54]. Оценка рассматривается учеными как способ познания объекта. Она используется для построения собственной картины мира. Заметим, что картина события, формируемая у субъекта документирования, неизбежно остается неполной и противоречивой, относительно реальной действительности. Однако значение такой картины события состоит в том, чтобы она стала дополнением к тем воззрениям, установкам или убеждениям, которые сложились у представителей государственной и судебной власти, у общественности, кому адресованы материалы документирования.

В процессе познавательной деятельности объект оценивается по различным основаниям. Но результат оценки

определен и характеристиками субъекта оценки, такими как его предпочтения, мировоззрение, представление об окружающем мире. При этом оценка предоставляется на основании либо рациональных суждений, либо чувств, предпочтений, потребностей субъекта оценки. В этом проявляется ее субъективность.

Таким образом, следует признать, что в материалах документирования всегда содержится субъективная составляющая, выраженная оценочными суждениями относительно элементов документируемого объекта. Обращаем внимание, что представленная в материалах документирования оценка может формироваться по двум направлениям: 1) оценка самого содержания материалов, собранных в процессе документирования; 2) оценка адресата, воспринимающего их.

Рассмотрим оценку, которую формирует субъект документирования относительно содержания его материалов. Ученые отмечают, что оценка далеко не всегда сводится только к частному основанию «хорошо/плохо», а адресат зачастую осуществляет комплексный охват поступающей информации [13, с. 8]. Действительно, применение результатов документирования в деятельности государственных и судебных органов, а также различных общественных структур требует учета всей совокупности фактов и обстоятельств документируемого события. Поэтому рекомендуем общественному субъекту формировать по комплексу оснований оценку события, а также его фактов и обстоятельств.

Теперь рассмотрим оценку адресата в структуре сообщения, поступающего от общественного субъекта. Следует еще раз подчеркнуть, что субъективный элемент в материалах документирования обусловлен интеллектуально-эмоциональным отношением субъекта оценки к документируемому объекту. Вместе с тем, аспект адресата проявляется и в том, что результаты документирования не могут не содержать такого отношения к нему самому. В любом случае, форма и содержание информационного сообщения зависят от параметров адресата, таких, как его статусно-правовые, морально-этические, психологические и другие свойства. В определенном смысле адресат становится объектом оценки, поскольку от него зависит выбор формы оценочных суждений в тексте документа, отображающего результаты документирования. Таким образом, констатируем двойную роль адресата во взаимодействии с общественным субъектом: адресат воспринимает материалы документирования, содержащие оценку фактов и обстоятельств документируемого события, и, одновременно, в этих материалах неизбежно присутствует и аспект оценки самого адресата субъектом документирования.

Реакция адресата на информационные сообщения, исходящие от общественного субъекта, зависит как от их логического смысла, так и от эмоциональной насыщенности материалов документирования. Это означает, что аспект адресата в этих материалах проявляется модальностью предоставляемого текста [14; 15]. Современное понимание модальности базируется на воззрениях отечественных ученых [16; 17; 18, с. 26]. В нашем случае, общественный субъект, в первую очередь обеспечивает объективные характеристики документируемого события, однако, одновременно он должен учитывать, кому адресованы эти сообщения, поскольку в их адекватном понимании заинтересован именно он. Принимая во внимание, что у адресата отсутствуют специальные знания, а общественный субъект использует их для объективизации материалов документирования, то полученные результаты он стремится представлять в определенном виде. Наиболее приемлемым для всех адресатов видом представления результатов документирования является общепринятая в официальном документообороте форма.

Мы распределяем материалы документирования по адресатам: 1) государственные и судебные органы, они

способны проверять объективность и достоверность материалов научными методами; 2) широкий круг общественности – может воспринимать их по эмоциональным характеристикам, т. е. по модальности. Материалы документирования преимущественно ориентированы на логический способ восприятия информации государственными и судебными органами. Однако не могут исключать и эмоциональные критерии восприятия, какими руководствуются представители общественности. Считаем, что по этой причине в материалах документирования необходимо использовать официальную форму их представления. Таковой для акта общественного документирования предлагаем форму юридического документа. По общим правилам в нем указывают реквизиты общественной комиссии, персональные данные его членов и проводивших исследование специалистов. Акт общественного документирования может быть снабжен иллюстрациями и приложениями, которые отображают исходные материалы для исследования (фотоснимки и видеозаписи, опросные листы, данные наблюдений и экспериментов, вещественные доказательства и т. п.), а также промежуточные результаты. По нашим наблюдениям, аналогом такого документа является заключение судебного эксперта [19, с. 136–138]. Поэтому рекомендуем привлекать судебных экспертов для консультирования при составлении акта общественного документирования. Благодаря своим профессиональным знаниям, они окажут помощь в оформлении материалов, чтобы эти документы были доступными для восприятия представителями государственных и судебных органов. А достаточная иллюстративность таких материалов облегчит их восприятие и для широкого круга лиц, не владеющих специальными знаниями. Выполненный в такой форме акт общественного документирования может приобрести статус судебного доказательства.

Изучая указанный аспект материалов документирования, логичным будет рассмотреть и совместную оценочную деятельность общественного субъекта и адресата. По этому поводу обратимся к работам ученых, исследовавших кооперативный принцип коммуникативного взаимодействия [13, с. 170]. Он базируется на социально зафиксированных презумпциях [20]. Этот принцип обеспечивает не только адекватную передачу информации, но и оптимальные действия по ее восприятию. По нашему мнению, следование этому принципу означает единство целей общественного субъекта и адресата – получить адекватное, объективное и достоверное представление о фактах и событиях общественной жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, учет аспекта адресата при составлении акта по результатам документирования означает направленность акта общественной комиссии на адекватное восприятие: а) государственными и судебными (в том числе международными) органами; б) общественными организациями; в) широким кругом общественности.

Аспект адресата связан с категорией оценки в материалах документирования. При этом, общественный субъект применяет оценочный подход как к содержанию этих материалов, так и к их адресату.

Адресат документирования содержит в своей структуре фоновые знания, а также мировоззрение, установки, предпочтения. Специальные знания не входят в прагматическую структуру адресата, поэтому общественный субъект обязан обеспечить доступную форму представления результатов проведенных специальных исследований. Учет аспекта адресата в материалах документирования сводим к формулированию оценочных суждений. Универсальной для материалов документирования определяем форму юридического документа.

В указанном аспекте, предлагаем привлекать специалистов из числа судебных экспертов для помощи общественной комиссии в составлении акта общественного документирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 250–261.
2. Моисеев А.М., Жигулин А.М. Документирование военных преступлений: взаимодействие его субъектов с международными судебными инстанциями // Правопорядок: история, теория, практика: научно-практический журнал. 2016. № 2. С. 31–37.
3. Моисеев А.М., Панько Н.А. Документирование, событие, специальные исследования: содержание и соотношение понятий // Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. Вып. 3. Донецк: ДЮА, 2017. С. 113–122.
4. Моисеев А.М., Панько Н.А., Шестов С.Н. Специальные знания в документировании общественных событий. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 269 с.
5. Моисеев А.М., Шестов С.Н. Общественный субъект в социальном государстве // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы научно-практической конференции. Донецк: ДонАУИГС, 2017. С. 102–103.
6. Грязнова В.Н. Стратегические основы взаимодействия власти с институтами гражданского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 5. С. 36–41.
7. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. Киев: Брама, 2004. 336 с.
8. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність. Киев: Нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. 392 с.
9. Бацевич Ф.С. Вступ до лінгвістичної генології. Киев: Академія, 2006. 247 с.
10. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 2002. С. 229–253.
11. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики. Киев: Академія, 2004. 344 с.
12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
14. Виноградов В.В. Русский язык (грамматические учения о слове). М.: Наука, 1947. 784 с.
15. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13–23.
16. Колшанский В.Я. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94–98.
17. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
18. Ткачук В.М. Категорія суб'єктивної модальності. Тернопіль: Підручники й посібники, 2003. 240 с.
19. Моїсєєв О.М. Експертні технології: теорія формування і практика застосування. Харків: Апостіль, 2011. 424 с.
20. Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Методологические предпосылки формирования теории правовых презумпций // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 18–31.

THE PUBLIC DOCUMENTATION: ASPECT OF REPRESENTEE

© 2017

A.M. Moiseev, Doctor of Juridical Science, Professor, The Head of the Department of Criminalistics
Donbass Law Academy, Donetsk (DPR)

S.N. Shestov, Candidate of Economic Science, Associate Professor
Institute of Economics and Law (branch)
ETUE HPE "Academy of Labour and Social Relations", Sevastopol (Russia)

Keywords: public documentation; public and judicial authorities; objectivity; credibility; legal document; adequacy of perception.

Abstract: The argumentative properties of public documentation have been considered. It has been defined as an activity on collection and recording of information about the facts that constitute an event of social significance, as well as its attending circumstances. The significant signs of such documentation are the subject – an independent public organization, as well as the use of special knowledge. It consists of individuals with a high level of moral authority. The special knowledge is used in the process of documentation for processing and systematization of information sources. Thanks to such qualities, the result of documentation can be used to justify decisions in the sphere of state administration, as well as in judicial proceedings. In the article the approach from the perspective of science of communicative pragmatics has been implemented. It has been shown that the materials of such documentation should be oriented towards perception by the public and judicial bodies, and the public. The representees of documentation have been divided into 1) state and judicial bodies; 2) a wide range of the public. It has been shown that representees of the first type can verify the objectivity and credibility of the submitted materials by scientific methods. The representees of the second type perceive the results of documentation and their emotional features. Therefore, the subject of documentation should orient the result of its activity towards a logical way of perception, but should not exclude the emotional criteria that the public representee has. The aspect of the representee is connected with the evaluation category in the materials of documentation. Both materials and representee whom the results are presented are exposed to be assessed. Their argumentativeness is reduced to substantiate the credibility and objectivity of the obtained results. The pragmatic approach ensures the availability of special knowledge used during the documentation. The form of the legal document for universalization of perception of materials by the various representees has been suggested. The forensic experts can provide professional assistance in the preparation of documentation materials.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОРОДА И СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

© 2017

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: древнерусское право; городское право; городские общины; источники права.

Аннотация: Городское право в русских землях XIII–XV вв. обладало уникальными особенностями, которые практически не изучены в историко-юридической науке. В данной статье обозначены некоторые особенности взаимоотношений городских общин и сельской округи в контексте своеобразия русского национального городского права, его отличий от европейских аналогов. Сельская округа являлась объектом эксплуатации для древнерусских городов, с которой сначала собиралась «дань», позднее – целая система сборов, и в этом смысле характер отношений городских и сельских общин соответствовал феодальной эксплуатации, но следует заметить, что это значение городской общины как коллективного феодала до сих пор в достаточной степени не изучено. Особое внимание уделяется сосуществованию целой системы общин, находившихся в различных отношениях зависимости от главной городской общины, члены которых обладали разным правовым статусом. В целом делается вывод, что распространение власти древнерусской городской общины на прилегающую сельскую местность можно рассматривать в качестве отличительной особенности русского городского права, которая не находит аналога в европейских системах городского права.

Пространство Западной и Восточной Европы в период XIII–XV вв. представляло собой сложный и разнообразный мир, пронизанный множеством связей, значительная часть которых до сих пор не изучена в достаточной степени. Одни территории были густозаселенными, на других редкие поселения разделяли огромные пространства, одни общества отличались сложной стратификацией, другие только вступили на путь распада родоплеменных отношений, интенсивность контактов и связей между разными общинами также различались. Богатство и разнообразие обществ в этом огромном мире не мешает проследить действие закономерностей, затронувших – хотя в разной мере и нередко специфичным образом – каждый его уголок.

Одним из таких общих процессов было возникновение и последующий рост городских поселений средневекового типа, с их особенностями материальной и духовной культуры. Для историков права наибольший интерес представляет одно из проявлений этого процесса, получившее название «городское право». При этом исследования городского права традиционно ориентированы практически исключительно на западноевропейские города, игнорируя аналогичные процессы, определявшие эволюцию древнерусских городов и ту специфику, которую обрело городское право в русских землях. С другой стороны, само понятие «русские земли» уже предполагает выделение нескольких регионов, различавшихся по особенностям социально-экономической и политико-правовой организации, в связи с чем, правовые нормы, действовавшие в рассматриваемый период, к примеру, в Пскове, существенно отличались от правовых норм, действовавших в Ростове. Присущий средневековью правовой партикуляризм в полной мере проявляется здесь своё действие, но не препятствует решению исследовательских задач, а только лишь корректирует алгоритм исследовательской работы. С одной стороны, историк права располагает обстоятельно разработанной теорией европейских моделей городского права (магдебургского, любекского, готландского, гамбургского и др.), в рамках которых выявлены характерные особенности и тенденции эволюции городского права. С другой стороны, в древнерусских городских общинах рассматриваемого периода складывались правовые нормы, составившие особую подсистему древнерусского права, которая на сегодняшний день недостаточно изучена, не выявлен круг источников, на которых она основывалась и из которых выростала, не раскрыты её особенности и пути эволюции. Решение этих задач и сопоставление

полученных результатов с уже существующими теоретическими схемами европейского городского права составляет актуальную научную проблему.

В отечественной историографии начало изучению городского права было положено в XIX в., но и в дореволюционный период, и в советское время большинство исследователей подходило к городскому праву как к явлению европейского средневековья, не пытаясь выявить его отечественный аналог. Кроме того, в исследованиях преобладал исторический, а не историко-юридический взгляд на предмет. Долгое время исследовательская работа велась в рамках европоцентристского подхода, который ограничивал работы исключительно европейским городским правом (А.К. Дживелегов, Г. Белов, К.А. Иванов и др.). Фундаментальные издания в этом же направлении принадлежат советской исторической науке (А.А. Сванидзе, С.М. Стам, А.Л. Ястребицкая, В.В. Стоклицкая-Терешкович и др.), однако и в этот период исследовалось европейское городское право. В конце XX – начале XXI вв. усиливается внимание исследователей к историко-юридическим аспектам проблем городского права (А.Л. Рогачевский, Л.И. Глухарева, О.Б. Квачадзе и др.). Наряду с этим в отечественной историографии существует богатая традиция изучения городских республик Северо-Западной Руси (И.Д. Мартысевич, Н.Л. Подвигина, Е.А. Рыбина, В.Л. Янин, Ю.Г. Алексеев, О.В. Мартышин, О.В. Кузьмина и др.), но в них городское право не выделяется как самостоятельная подсистема и не изучается в таком качестве. В результате оказываются смешанными нормы городского права и других подсистем феодального права отдельных русских земель. В целом, несмотря на отсутствие системного подхода к постановке проблемы выявления и изучения такой подсистемы древнерусского права как городское право, в современной исследовательской литературе все отчетливее озвучивается необходимость разрешения этой научной проблемы [1, с. 63–66].

Изучение древнерусского города начинается с раскрытия его отношений с сельской округой, из которой он вырастает и в сложных взаимоотношениях с которой сосуществует в последующем.

В отечественной историографии существовали разные подходы к этой проблеме. Странники рассмотрения города как элемента системы феодальных поземельных отношений, подчеркивали, что город выступал в отношениях с сельской округой как «феодалная организация» в полном соответствии с феодальными социально-экономическими отношениями: «Если городу как коллективно-

му сеньору принадлежала примыкающая к нему сельская округа, он осуществлял эксплуатацию крестьян своей округи (так было, например, в Италии)» [2, с. 96].

Этот подход сельская подтверждается источниками. Действительно, сельская округа являлась объектом эксплуатации для древнерусских городов, с которой сначала собиралась «дань», позднее – целая система сборов. В качестве объекта эксплуатации население сельской округи выступает, например, в договорных грамотах Новгорода с князьями. Именно в силу такого рода отношений для Новгорода важно, чтобы князь подтвердил обязательство не «выводить» сельское население в свои земли, не принимать «закладников» и не ставить их в другие отношения зависимости: «А из Бежиц ти людии не выводити въ свою волости, ни изы инои волости новгородской, ни грамоть давати, ни закладниковъ приимати ни твои княгынн, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ: ни смерда, ни купчины» [3, с. 27–28]. Приобретение определенного объема личной власти над этими категориями населения, превращение их в зависимых лиц от князя или его слуг означало, что они выполняли службы и платили сборы уже не городской общине, а князю, и на их возвращении под власть городской общины настаивали её представители при заключении договорных грамот: «А холопы, и должники, и поручники выдавати по исправе. А кто будетъ закладень позороваль ко мне, а жива въ Новгородской волости, техъ всехъ отступил ся есмь Новгороду» [4, с. 14]. Очень показателен термин, который встречается в приведённом выше отрывке текста («позоровать») и который напрямую связывает положение жителей сельской округи с более поздней категорией зависимых людей – «изорников».

Характер отношений «город – сельская округа» в этом смысле вполне соответствовал феодальной эксплуатации, но следует заметить, что это значение городской общины как коллективного феодала до сих пор в достаточной степени не получило отражения в соответствующих изменениях в теоретической модели структуры класса феодалов.

Наиболее уместные термины для определения сельской округи в реалиях средневековой Руси – «волость» и «область». Волости часто упоминаются в источниках права, обозначая сельскую местность, прилегающую к городскому центру. Иногда в летописях встречается и термин «область», который обозначает сельскую местность, противопоставляемую городам – например: «...и много попустишиа области ихъ, а града ни единого не взяша» (1145 г.) [5, с. 7].

На тесную связь древнерусских городских центров и «волостей» указывалось целым рядом исследователей, опиравшихся как на письменные источники, так и на данные археологов [6, с. 243–245; 7, с. 26–27; 8, с. 33; 9, с. 50–51]. Именно из прилегающих волостей вырастает город, сохраняя тесную связь с этой сельской местностью.

Поэтому неслучайно сельская округа городской общины воспринималась её членами как пространство «своих», не относилась к «чужой земле». Это понимание явственно прослеживается в 17–18 статьях Псковской Судной грамоты: в 17-й ст. речь идёт о чужеземцах, приехавших из других городских общин («...чужой земли приехав или под пожар за неделю или по грабежу...»), которым противопоставляются люди из «волости» – тоже не члены городской общины Пскова, но не являющиеся «чужими» («А кто по волости ходит ... а имет искати тако же соблюденн...») [10, с. 333].

В плане подсудности Псков, пригороды и сельская округа также объединяются Псковской Судной грамотой в одно целое (ст. 34): «А у которого псковитина у какова учинитя тагба в Пскове или на пригороди, или в сели на во(ло)сти, ино явить старостам, или околным сусedom...» [10, с. 335]. Аналогично и в других статьях – например, в ст. 80: «А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру...» [10, с. 339]. По-

казательно, что в европейских городских хартиях сфера действия городских судов обычно определялась чертой города, не распространяясь на прилегающую сельскую местность (например, из хартии, данной Оксфорду в 1156 г.: «Кроме того, нам угодно, чтобы они держали все вышеозначенные вольности, привилегии, обычаи и свои держания с правом соки и саки, правом взимать рыночные пошлины, разбирать тяжбы и судить воров и преступников, пойманных в пределах города [выделено мною – Ю.О.]» [11, с. 41–42].

Отнесение к «своим», однако, не означало равного правового статуса с горожанами, членами городской общины. По летописям известны случаи, когда летописец подчеркивает, что для организации похода были собраны военные силы со всей «земли»: «а на зиму иде Всеволод на Суздаль ратью, и вся Новгородская область...» [5, с. 4], «Потом же Святослав Ольгович совокупи всю землю Новгородскую и брата своего Глебка, идоша на Псков прогонити Всеволода...» [5, с. 6]. Это отличается от обычного летописного описания военного похода, в составе участников которого указываются княжеская дружина и городское ополчение, но ополчение сельской округи здесь выступает в качестве третьего элемента, далеко неоднородного с другими двумя.

На пространстве прилегающей округи выделялись правовым статусом своих горожан пригороды – более мелкие городские общины, находившиеся в зависимости от главной городской общины. Их жители обладали особым правовым статусом, их права не уравнивались с правами членов главной городской общины, а сами пригороды также находились в отношениях зависимости, имевшей различные проявления. Значимой формой зависимости было обязательство предоставлять военную и политическую помощь. Например, подготавливая смещение Всеволода в 1136 г., новгородцы действовали совместно с жителями Пскова и Ладоги: «Новгородци призваша Псковичъ и Ладожан, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода...» [5, с. 5].

Распространение власти древнерусской городской общины на прилегающую сельскую местность можно рассматривать в качестве отличительной особенности русского городского права. В Европе только в некоторых случаях мы находим такое же положение, во многих случаях, напротив, сфера полномочий городских властей строго ограничивается зоной городской черты, как это, к примеру, фиксировалось в Кульмской грамоте и, соответственно, в городах кульмского права. Как подчеркивают исследователи, из подсудности городских судов исключались дела о происшествиях, «случившихся на территориях, прилегающих к замкам (в городах, где они имелись), а также на всех общественных дорогах (в том числе и водных, к которым относилась Висла)» [12, с. 213–220].

Совсем другую картину мы видим в источниках русского городского права. Например, для международных договоров Новгорода обычным элементом является подробная регламентация взаимоотношений иностранных купцов с лоцманами и перевозчиками на порогах, определение особенностей судебных разбирательств над преступниками, пойманными далеко за пределами городской общины, но в сфере её ведения (например, «а поймут вора между Коглингом и Ладогой...») [13, с. 59] и т. п. Аналогичные правовые нормы [14, с. 60–66] можно найти в договорах смоленской городской общины и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукин П.В. Средневековый Новгород как коммуна? Итальянские параллели // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 63–66.
2. Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западно-европейского города периода развитого феодализма // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 91–101.

3. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326–1327 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 14. 409 с.
4. Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296–1301 гг. Грамота тверская // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 4. 409 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 372 с.
6. Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975. С. 250–265.
7. Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 23–30.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Ленинградский университет, 1980. 127 с.
9. Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Весь мир, 2013. 232 с.
10. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 432–437.
11. Средневековый город // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1949. Т. 59. С. 41–42.
12. Забашта А.С. Хелмское (Кульмское) право как система городского права // Наука и современность. 2011. № 13-3. С. 213–220.
13. Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде 1269 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 31. 409 с.
14. Договор («правда») Смоленска с Ригию и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М.: Госюриздат, 1953. С. 54–57.

ABOUT SOME FEATURES OF RELATIONSHIP OF THE CITY AND RURAL THE DISTRICT IN THE OLD RUSSIAN LAW

© 2017

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law and international law
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: Old Russian law; city law; city communities; sources of law.

Abstract: The city law in Russian lands of the 13–15th centuries had unique features which are almost not studied in historical jurisprudence. In this article some features of relationship of city communities and rural the district in the context of an originality of the Russian national city law, its differences from the European analogs are designated. Rural districts was the object of operation for the Old Russian cities with which at first “tribute” gathered, later – the whole system of collecting, and in this sense the character of the relations of city and agricultural communities corresponded to feudal operation, but it is necessary to notice that this value of city community as collective feudal lord still is sufficiently not studied. Special attention is paid to coexistence of the whole system of the communities which were in various relations of dependence on the main city community, and members of which had different legal status. In general the conclusion is drawn that distribution of the power of Old Russian city community on the adjacent rural zone can be considered as distinctive feature of the Russian city law which does not find an analog in the European systems of the city law.

С.Б. Поляков, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; кассационная инстанция; обязанность; механизм реализации санкции.

Аннотация: В статье обращается внимание на явление судебной практики, непредсказуемо противоречащее законодательству. Приводится судебное решение по конкретному юридическому делу, показывающее применение норм права в полной противоположности к ясным, не допускающими различное толкование либо усмотрение правоприменителя предписаниями закона. Одобрение такого правоприменения приобретает непреодолимую законную силу после вынесения судьей Верховного Суда РФ постановления об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (надзорной жалобы – в арбитражном судопроизводстве) без рассмотрения по существу всех доводов кассационной жалобы и без указания мотивов их отклонения. Приводятся доказательства типичности таких нарушений процессуального закона (п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, п. 5 ст. 308.6 АПК РФ).

Конституционный Суд РФ регулярно выносит определения о соответствии Конституции РФ п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, отождествляя обязанность и ответственность, что соответствует понятию позитивной юридической ответственности. Непрерывающийся поток жалоб на неконституционность этих положений закона говорит о том, что проблема только усугубляется. В статье обосновывается, что решение названной проблемы законности возможно только путем конкретизации «старых» понятий юридической ответственности, но не новыми дефинициями юридической ответственности, в пределах которых судьям сущее беззаконие превращается в разумное по какому-нибудь пригодное для этого правопониманию. Предлагаются варианты решения проблемы, исходя из понимания юридической ответственности как реализации санкции и необходимости вывода об отсутствии юридической ответственности (безответственности) при выявлении отсутствия санкций и/или механизма их реализации за неисполнение обязанностей или несоблюдение запретов.

ВВЕДЕНИЕ

Об изменении судебной практикой действительного содержания норм права, созданных законодателем, обращается внимание в нашей науке. Приводятся примеры того, как судебными актами по конкретным делам либо постановлениями высших судов, обобщающих правоприменительную практику, создаются предписания, противоположные содержащимся в законе [1–4]. Крайняя форма судебного антизаконодательства – немотивированное оставление в силе (отказ в удовлетворении кассационных жалоб) судебных актов по конкретным делам, в которых нормы права применены в противоположном закону смысле. Совокупность таких неотменных актов превращает отдельные идентичные факты применения нормы, которые при законной силе судебного акта нельзя в силу ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (обязательность судебных постановлений) считать незаконными, в правило, противоположное нормам, содержащимся в законе. В процессуальном законе предусмотрены обязанности судей кассационных инстанций по проверке доводов жалоб и мотивировке своих выводов, но нет неотвратимого механизма реализации санкций за их неисполнение.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Неуникальный пример судебной практики.

Приговором Дзержинского райсуда г. Перми от 09.02.2016 К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (хищение прав требования на имущество Завода, руководителем юридической службы которого он работал), оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, отказано в удовлетворении гражданского иска на сумму обвинения в хищении.

Постановлением Верховного Суда РФ от 10.10.16, в котором указано на отсутствие факта хищения и всех признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, кассационные жалобы К. и Завода с одинаковыми позициями направлены для рассмотрения в президиум Пермского краевого суда, постановлением которого от 11.11.2016

отменено апелляционное определение от 25.04.2016, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным определением от 21.12.2016 приговор отменен полностью, уголовное дело со ссылкой на ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ возвращено прокурору г. Перми для устранения препятствий к его рассмотрению судом. В нем для отмены в полном объеме приговора и возвращения уголовного дела прокурору фактическими основаниями были указаны только два обстоятельства:

- 1) завод должен быть признан потерпевшим;
- 2) необходимо выполнить указания прокуратуры Дзержинского района от 2014 г., которая отказалась утверждать обвинительное заключение и указала на отсутствие преступления в предъявленном обвинении, что полностью совпало с постановлением Верховного Суда РФ от 10.10.16.

В судебных заседаниях президиума Пермского краевого суда от 11.11.2016 и апелляционной инстанции 14–21.12.2016 надлежащие представители Завода участвовали, подробно изложили свою позицию об отсутствии события преступления и просили вынести оправдательный приговор К. Тем более устранимым в судебном заседании апелляционной инстанции было решение вопроса о юридической правоте между позицией прокуратуры Дзержинского района в 2014 г., поддержанной тогда же заместителем прокурора Пермского края, полностью соответствующей постановлению Верховного Суда РФ от 10.10.16, и позицией прокуратуры Пермского края, занятой в апелляционных инстанциях по делу. Никаких препятствий для решения этого спора между прокуратурами именно судом, а не прокуратурой, закон (в том числе ст. 237 УПК РФ) не содержит.

Постановлением судьи Пермского краевого суда от 27.01.2017 и постановлением судьи Верховного Суда РФ от 02.05.2017 отказано в удовлетворении кассационных жалоб защиты К. на апелляционное определение от 21.12.2016. В них нет никакой оценки доводам о том, что:

- в апелляционном определении от 21.12.2016 нет ссылки на ст. 237 УПК РФ и на обстоятельства, соответствующие ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ;
- апелляционным определением от 21.12.2016 отменен вступивший в законную силу приговор по оправда-

нию К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, и в части отказа в удовлетворении гражданского иска, заявленного Территориальным управлением Федерального агентства по управлению имуществом в Пермском крае, при отсутствии кассационного обжалования приговора в этой части и, более того, при отказе прокурора в судебном заседании апелляционной инстанции в декабре 2016 от апелляционной жалобы в части оправдательного приговора;

– утверждение постановления судьи Пермского краевого суда от 27.01.2017 о том, что отмена оправдательного приговора не ухудшает правовое положение К., лишает его гарантий, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, и не имеет смысла без ухудшения его положения;

– прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных статьей 254 УПК РФ, является безусловным основанием для отмены апелляционного определения, в этом деле:

а) п. 1 ст. 254 УПК: отсутствие заявления потерпевшего является безусловным основанием для прекращения дела в силу п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;

б) п. 2 ст. 254 УПК: отказ обвинителя от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

В результате вопреки буквальному содержанию закона (ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ, ч. 7 ст. 246, п. 4 ч. 1 ст. 27, п. 1 и 2 ст. 254, п. 1 ч. 2 ст. 389.17, ч. 1 ст. 389.24) для дела К., а может быть, и на будущее для других дел созданы предписания (текст закона дополнен частицей «не», придающей ему противоположное созданное судебными постановлениями значение):

1) применение ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ возможно без ссылки на конкретные положения ст. 237 УПК РФ;

2) полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства не влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 УПК РФ;

3) уголовное преследование в отношении обвиняемого не прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению;

4) суд не прекращает уголовное дело в судебном заседании:

а) в случаях, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пунктах 3–6 части первой, в части второй статьи 24 и пунктах 3–6 части первой статьи 27 УПК РФ;

б) в случае отказа обвинителя от обвинения в соответствии с частью седьмой статьи 246 или частью третьей статьи 249 настоящего Кодекса;

5) прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных статьей 254 УПК РФ, не является основанием отмены или изменения судебного решения в любом случае.

Такие предписания – прямое следствие того, что суд не привел мотивов отклонения доводов кассационной жалобы защиты К., в результате чего его уголовное преследование бесконечно продолжается.

Пункт 5 ст. 401.10 УПК РФ предусматривает, что постановление судьи об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции должно содержать мотивы, по которым отказано в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Аналогичное правило содержится в п. 5 ст. 383 ГПК РФ для суда кассационной инстанции по гражданским делам, в п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ для суда кассационной инстанции по административным делам, в п. 5 ст. 308.6 АПК РФ для суда надзорной инстанции в арбитражном судопроизводстве

(далее положения КАС РФ и АПК РФ не рассматриваются). Причем в этих положениях закона не содержится обязанность судьи кассационной инстанции указать все доводы кассационной жалобы и на каждый из них привести фактические и/или юридические мотивы для отказа в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [5]. Поэтому формально не является нарушением этой обязанности то, что указываются только те доводы, жалобы, которые можно более или менее аргументированно отклонить, а неопровержимые остаются без оценки.

В ст. 401.15 УПК РФ и в ст. 387 ГПК РФ основания для отмены судебных постановлений в кассационном порядке сформулированы оценочной формулировкой «существенные нарушения норм материального и процессуального права». В постановлении от 05.02.2007 № 2-П Конституционный Суд РФ не усмотрел неконституционности в том, что в ст. 387 ГПК РФ основание для отмены судебных постановлений сформулировано приведенной оценочной формулировкой, но в то же время конкретизировал это понятие в п. 5 резолютивной части постановления применительно к возможности пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Однако практически любое нарушение закона судом на основании этой оценочной формулировки может быть признано несущественным для отказа в судебной защите. Следовательно, в ст. 401.10 и 401.15 УПК РФ, ст. 383 и 387 ГПК РФ установлено, что обязанный субъект (судья) по своему усмотрению определяет объем и условия исполнения установленной для него законом обязанности.

Эти предписания об обязанности судьи, рассматривающего кассационную жалобу, не являются завершенными логическими нормами, поскольку ни в УПК РФ, ни в ГПК РФ не содержится ясных санкций за неисполнение этой обязанности и порядка их реализации. Часть 3 ст. 401.8 УПК РФ предусматривает, что Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалоб, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции. Однако это крайне редко работающий инструмент. Во всяком случае, жалоба К. на явное отсутствие в судебных постановлениях фактических оснований для применения к нему меры пресечения, ухудшающей его положение, при удовлетворении его кассационной жалобы президиумом Пермского краевого суда показательно была оставлена без удовлетворения бессодержательным письмом заместителя председателя Верховного Суда РФ от 19.01.2017. Надзорный порядок предусматривается для крайне ограниченного круга постановлений (ст. 412.1 УПК РФ, ст. 391.1 ГПК РФ).

Поэтому п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ являются неопределенными по своим правовым последствиям предписаниями, исполняемыми произвольно по усмотрению обязанного лица, для которого не установлена юридическая ответственность. Это взгляд юриста, для которого нет юридической ответственности, если нет санкции за неисполнение обязанности или за несоблюдение запрета и/или реального механизма ее реализации.

Но с точки зрения приверженцев позитивной юридической ответственности, для которых достаточно наличия обязанности или запрета для уверенности в их добровольной реализации, никаких дефектов в законодательстве нет. На этой же позиции стоит и Конституционный Суд РФ, который регулярно выносит определения о соответствии Конституции РФ п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ.

Так, в СПС «КонсультантПлюс» обнаружено 31 определение за 2015–2016 годы и 7 определений за часть 2017 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалоб, в которых заявители указывали на неопределенность п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, соответственно, 25 и 9 – на неопределенность п. 5 ст. 383 ГПК РФ, позволяющую, как было в их делах, судьбе кассационной инстанции в решении, выносимом по результатам изучения в предварительном и единоличном порядке поступившей кассационной жалобы, уклоняться от изложения содержащихся в ней доводов, а также от приведения мотивов, по которым эти доводы отвергаются. В этих определениях Конституционный Суд РФ указывал, что оспариваемые законоположения как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, не могут расцениваться в качестве нарушающих права заявителя. Так в определении Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1260-О сказано: «Кроме того, согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются (Постановление от 3 мая 1995 года № 4-П; определения от 8 июля 2004 года № 237-О, от 25 января 2005 года № 42-О, от 12 ноября 2008 года № 1030-О-О, от 22 января 2014 года № 55-О, от 29 марта 2016 года № 610-О, от 23 июня 2016 года № 1175-О, от 29 сентября 2016 года № 1812-О, от 20 декабря 2016 года № 2760-О и др.)». Как замечает относительно таких определений М.Ш. Пацация, указание КС РФ на содержащуюся в п. 5 ст. 383 ГПК РФ презумпцию обоснованности соответствующего отказа не дает ответа на вопрос о том, каким образом могут быть защищены права соответствующих лиц, если эта презумпция явно оспорима [5].

Правоприменительная практика, хотя бы по делам лиц, обратившихся в Конституционный Суд РФ (количественный показатель), и в деле К. свидетельствует о регулярном неисполнении судами обязанности, предусмотренной п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, т. е. еще как допускается «отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений». Немало публикаций о немотивированности судебных постановлений, в конечном итоге кассационных инстанций, оставляющих без оценки доводы сторон по делу и их кассационных жалоб [6–10].

Сама по себе обязанность судей в пользу заявителей, конечно, не нарушает их прав, корреспондирующих обязанности. Тем более что в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» напоминается: «В постановлении об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судьбе, по смыслу пункта 5 статьи 401.10 УПК РФ, надлежит ответить на доводы жалобы, представления, в которых оспариваются законность приговора, определения, постановления суда, и указать мотивы принятого решения». Их права нарушает неисполнение обязанности судей кассационной инстанции.

Отсутствие неуклонного механизма реализации санкций за это лишает указанные обязанности юридического характера, т. е. принудительной и неотвратимой силы государственной власти. В компетенции не только Конституционного Суда РФ, что он подчеркивает в большинстве определений по указанным вопросам, но и любого другого органа государства нет правомочий на

безукоснительную реализацию п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ. Но довод заявителей об отсутствии механизма реализации санкции за неисполнение указанной обязанности в решениях Конституционного Суда не рассматривался, что вполне вписывается в понятие позитивной юридической ответственности. Именно на этой платформе Конституционный Суд РФ утверждает о наличии юридической ответственности судебной власти и о надлежащем обеспечении прав граждан на эффективный кассационный пересмотр судебных актов.

В этом вопросе – момент практической значимости дискуссий о понятии юридической ответственности. Неозримое множество точек зрения о том, что такое юридическая ответственность (систематизированных Д.А. Липинским [11]) продолжает пополняться [12; 13]. Что можно найти в них для ответа на вопрос о последствиях неисполнения юридической обязанности судьями кассационной (в арбитражном процессе – надзорной) инстанции?

Для того, кто считает, что юридическая ответственность – это реализация санкции [14; 15], очевидно отсутствие юридической ответственности судебной власти ввиду отсутствия механизма реализации санкций за неисполнение обязанностей, предусмотренных п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ. «Между санкцией и ответственностью существует определяющая прямая (без санкции нет ответственности; нормативная конструкция последней обусловлена видом санкции) и жесткая обратная связь: если правонарушители не несут ответственности, санкция становится декларативной, чисто абстрактной угрозой. Нет смысла и даже вредно устанавливать санкции, если не определен порядок их применения либо они не применимы или не применяются» [16].

Именно эта позиция, а не успокоенность установлением позитивной ответственности или чем-то еще добровольным будирует искать выход из конечности инстанции ответственности в судебной системе. Например, путем создания специальных коллегий по правонарушениям судебной власти вне системы судов из ученых юристов для проверки наличия в постановлении судьи Верховного Суда РФ мотивированных возражений на все доводы кассационной жалобы и соответствие их закону и актам высших судов, с применением в отсутствие таковых праввосстановительных санкций: возложение обязанности на суд надзорной инстанции рассмотреть дело в порядке надзора [17]. Если суд присяжных, в котором «не юристы» решают вопрос о доказанности факта, считается прогрессивной формой правосудия, то почему правоведа не смогут для пользы правосудия дать формально-юридический анализ текстов кассационных жалоб и судебных актов по их рассмотрению, не предвешая вопрос по существу дела, а только устанавливая факт наличия или отсутствия ответа на доводы жалобы.

Возможны и иные варианты. В соответствии с принципами взаимной ответственности личности и государства (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), прямого действия Конституции РФ (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и обязанностью государства обеспечить судебную защиту прав и свобод человека (ст. 18, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) жалобы в Конституционный Суд РФ о неисполнении обязанности, предусмотренной п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, могут направляться Конституционным Судом РФ в Верховный Суд РФ для рассмотрения дела в кассационном порядке, если при формальном анализе (без проверки указываемых фактических обстоятельств) кассационной жалобы и постановления об отказе в ее удовлетворении выявлено, что в последнем нет выводов относительно юридически значимых доводов жалобы.

ВЫВОДЫ

1. Неисполнение обязанности рассмотреть все доводы кассационных и надзорных жалоб и дать мотивиро-

ванную оценку каждому (п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, п. 5 ст. 308.6 АПК РФ) имеет массовый характер, что порождает судебную практику, непредсказуемо противоречащую законодательству, и размывает правовую систему России.

2. Конституционный Суд РФ уходит от решения проблемы ссылками на определенность в законе обязанности судьи кассационной инстанции. Не замечать отсутствие последствий ее неисполнения позволяет понимание юридической ответственности в «позитивном» смысле.

3. Признание названной проблемы и поиск ее решения возможны при понимании юридической ответственности как реализации санкции и констатации отсутствия юридической ответственности (безответственности) при выявлении отсутствия санкций и/или механизма их реализации за неисполнение обязанностей или несоблюдение запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.В. Позиция Пленума Верховного Суда РФ по применению Ст. 256 УК РФ изменена в пользу браконьеров // Второй Пермский конгресс ученых-юристов: материалы Международной научно-практической конференции. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. С. 292–293.
2. Гонцов Н.И., Реутов В.П. О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 10–22.
3. Реутов В.П. Юридические коллизии в постановлениях пленумов высших судебных органов Российской Федерации: понятие и виды // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 283–289.
4. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // LEX RUSSICA. 2015. № 3. С. 28–42.
5. Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 55–57.
6. Осин В.В. Есть ли в России судебный надзор? // Адвокат. 2008. № 3. С. 42–63.
7. Султанов А.Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 11–14.
8. Гривков О.Д., Шичанин А.В., Шмырков С.В. Усиление тенденции немотивированности судебных актов в России // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 22–29.
9. Султанов А.Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспоримости в судах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 221–231.
10. Султанов А.Р. Мотивированность судебного акта как требование стандартов справедливого правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 25–30.
11. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 357 с.
12. Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.
13. Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 3–6.
14. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. 208 с.
15. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юридическая литература, 1982. 173 с.
16. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Моск. ун-та, 1981. 239 с.
17. Поляков С.Б. Юридическая ответственность государства. М.: Юридический мир, 2007. 431 с.

ANTI-LEGISLATION AS THE RESULT OF THE JUDICIAL POWER IRRESPONSIBILITY

© 2017

S.B. Polyakov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Chair of the Theory and History of State and Law
Perm State National Research University, Perm (Russia)

Keywords: legal liability; cassation institution; obligation; sanction realization mechanism.

Abstract: In the article, the attention is given to the court practice event that unpredictably contradicts the legislation. An example of the court's decision in relation with a specific case is given, which demonstrates the application of the legal norms in direct contradiction to the clear legal provisions not allowing for a different interpretation or for the legislator's discretion. This application of law gains an insuperable legal approval when the Judge of the RF Supreme Court makes a decision to refuse to transfer the cassation appeal to the cassational court (and the supervisory appeal – to the arbitration court) with no examining the merits of the cassation appeal arguments and not giving the reasons for the dismissal of the appeal. The typical character of such breaches of the procedural law is proved (Item 5 of Article 401.10 of the RF Criminal Procedural Code, Item 5 of Article 383 of the RF Civil Procedural Code, Item 5 of Part 2 of Article 324 of the RF Administrative Procedure Code).

The RF Constitutional Court regularly makes decisions on the compliance of Item 5 of Article 401.10 of the RF Criminal Procedural Code and Item 5 of Article 383 of the RF Civil Procedural Code with the RF Constitution, equating the obligation and the liability, and this complies with the positive juridical liability notion. The never ceasing stream of complaints about the unconstitutionality of these law provisions is an evidence of the problem growing worse. The article justifies the supposition that the solution for this legacy problem is found exceptionally in the concretizing the “old” notions of the legal liability, but not in the new definitions of the legal liability which within their boundaries give a chance to the actual lawlessness to turn to a reasonable phenomenon based on some suitable understanding of law. The variants have been proposed for solving the problem based on the understanding of the juridical liability as the realization of the sanction and the necessity to make a conclusion about the absence of the juridical liability (irresponsibility) when revealing the absence of sanctions and/or the mechanism of their realization for the failure to follow the obligations and non-observance of prohibitions.

© 2017

П.А. Румянцев, кандидат юридических наук, заместитель директора института права по развитию
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: форма государства; Древний Рим; военная диктатура; буржуазная революция; протекторат; Конфедерация США; бонапартизм; вече; Земские соборы; самодержавие; дуалистическая монархия; советское государство; диктатура пролетариата.

Аннотация: В статье осуществляется изучение исторических аспектов преобразований форм государственности в России и зарубежных странах. За основу исследования изменений элементов формы государства в зарубежных странах берется трансформация, происходившая в Древнем Риме, Англии в период перехода из средневековья к Новому времени, Соединенных Штатах Америки при осуществлении борьбы за независимость, а также Франции в революционный и послереволюционный период. Автор показывает, что преобразования происходили в связи с необходимостью реагирования на изменение социально-экономических и политических условий функционирования общества. Делается вывод о том, что в основном осуществлялась трансформация формы правления: она могла изменяться с монархической на республиканскую и наоборот, а также приобретать смешанные черты. Зачастую при этом менялся и политический режим, однако это могло происходить и в рамках существования одной формы правления. Автор полагает, что апробация некоторых моделей государственного устройства в дальнейшем становилась образцом для создания подобных отношений в других государствах. В статье доказывается уникальность развития формы российской государственности, при выборе элементов которой в процессе эволюции были задействованы практически все их варианты. Автором раскрывается, что в различные периоды в нашем государстве основополагающим становилось монархическое или республиканское правление, взаимоотношения с регионами строились на началах классического и децентрализованного унитаризма или федерализма, а методы осуществления власти изменялись от демократических и авторитарных, до тоталитарных.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Для постижения такого сложного социального института, как государство, в теоретико-правовой науке особое внимание уделяется изучению его формы. Однако в отечественных и зарубежных научных кругах не сложилось единого, общепризнанного учения о том, что такое форма государства. Существуют различные точки зрения, разные подходы к определению понятия и элементов формы государства. Во многих странах государственные формы имеют свои особенности, характерные признаки, которые по мере общественного развития наполнялись новым содержанием, обогащаясь во взаимосвязи и взаимодействии.

В период становления демократического общества в России проблема теории и практики развития формы государства становится особенно острой. Актуализация идеи построения правового государства в нашей стране обусловила необходимость более пристального изучения и исследования различных аспектов формы государства. Тем более что политико-правовая мысль богата идеями и концепциями, а непосредственный исторический опыт становления и движения формы государства интересен практическими находками. Без знания слабых и сильных сторон данного процесса невозможно сколь-нибудь серьезная проработка проблем, связанных с организацией и осуществлением власти.

Проведение исторических параллелей, выявление положительных и отрицательных черт генезиса государства необходимо с целью моделирования перспектив его дальнейшего развития и определения оптимального варианта государственной формы. А изучение проблем, возникающих при взаимодействии высших органов государственной власти, во взаимоотношениях центра и регионов, при использовании в управленческой деятельности различных методов и способов властвования, не только дает оценку характеру происходящих в государстве и обществе перемен, но и позволяет осуществить своевременное реформирование в данной сфере, что в целом обуславливает актуальность темы работы.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Анализ источни-

ковой базы показывает, что исследователи в последние годы крайне мало внимания уделяют изучению исторического развития формы государства, хотя современные отечественные и зарубежные представители юридической и исторической науки, такие как А.Л. Бредихин, Д.А. Липинский, В.Г. Медведев, И.В. Нетушил, Н.Д. Полоньска-Василенко, Л. Фридман, Р.Л. Хачатуров и др.

касались отдельных аспектов заявленной в настоящей статье проблематики.

Формирование целей статьи (постановка задания). Представляется необходимым более подробно проанализировать особенности становления государственности в зарубежных странах, охарактеризовать российские модели построения государственности в контексте исторического генезиса формы государства.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. История формирования и развития зарубежных стран изобилует многочисленными примерами создания разнообразных форм государственности, в связи с чем целесообразно рассмотреть те из них, чьи элементы обладали определенной степенью своеобразия.

Одним из государств, в течение всего срока существования которого происходило периодическое изменение формы государства, был Древний Рим. При этом уже официальная историческая периодизация древнеримского государства показывает, что изменению в основном подвергалась форма правления. В первом, Царском, периоде Древний Рим был сформирован как монархическое государство, главной особенностью которого стала выборность царя (рекса). Эта верховная государственная должность была пожизненной, но до прихода к власти Тарквиниев не наследственной, что предполагало проведение избирательных процедур после кончины монарха. Монархическая власть в Древнем Риме была ничем не ограничена, даже при наличии сената и народных собраний царь, согласно обычаю, мог действовать по собственному усмотрению [1, с. 46].

Примерно в 509 г. до н. э. после свержения последнего Тарквиния в Древнем Риме произошел переход к республиканской форме правления, которая также имела свои особенности. В республиканский период верховная власть плавно перетекала из одного органа в другой: первоначально руководство делами римского государства

было сосредоточено в сенате, затем произошло усиление власти магистратов, которые стали неограниченными правителями. В разгар демократических тенденций уже народные собрания признавали себя компетентными в решении каких угодно дел. Тем не менее, даже тогда не прекращалось формальное подчинение народных собраний магистратам, находившимся, в свою очередь, под фактическим влиянием сената. В результате получилось такое государственное устройство, которое представлялось Полибию достойной удивления смесью монархического, аристократического и демократического начал [2, с. 84–85].

Несмотря на то, что большую часть республиканского периода осуществление государственной власти происходило на основе демократических традиций, начавшиеся в I в. до н. э. в Древнем Риме беспорядки и откровенный террор по отношению к аристократии, вынудили общество к поддержке диктаторского режима. В эпоху военных диктатур произошла централизация государственной власти с одновременным лишением представительных органов большей части полномочий. Диктатор Корнелий Сулла получил свой титул от сената на неограниченный срок с целью «издания законов и устройства государства» [3, с. 53]. Власть стала осуществляться откровенно авторитарно-тоталитарными методами, предусматривавшими массовые репрессии в отношении противников установившегося режима. Диктатура фактически ознаменовала собой окончание периода республиканского правления. В середине I в. до н. э. Гай Юлий Цезарь был провозглашен пожизненным народным трибуном, цензором, верховным жрецом и пожизненным диктатором, что дало ему возможность объединить в своих руках полномочия всех высших магистратов Древнего Рима. В результате заговора с целью возвращения к республиканскому строю диктатор был убит, однако общество при выборе между формами правления отдало предпочтение сильной единоличной императорской власти.

В период Римской империи форма государства также претерпела определенные изменения. Разделение периода на два этапа – принципат и доминат – придало форме правления Древнего Рима некоторые характерные черты. Преемник Цезаря Октавиан Август не решился на официальное введение монархического правления, предпочтя занять все высшие должности посредством выборов. В 27 г. до н. э. такое объединение полномочий при сохранении республиканских государственных и правовых институтов по существу установило новый имперский строй под названием принципат. Император считался как бы первым гражданином среди равных, потому что юридически свои прерогативы правителя получал от римского народа.

Сложная общественно-экономическая ситуация, сложившаяся в Древнем Риме в III в. н. э., привела к очередным новациям в системе государственного управления и изменениям формы государства. Представители западных провинций в сенате выдвигали предложение о необходимости перехода к федеративному территориальному устройству. Однако необходимость предупреждения социального взрыва требовала усиления самодержавной власти. С приходом к управлению государством в 284 г. императора Диоклетиана началась эпоха домината. Его особенностью стало разделение империи сначала на две части – западную и восточную – под управлением августов, а затем дополнительное деление каждой из них еще на две части под управлением цезарей. В связи с этим монархическая форма правления, будучи первоначально двоевластной, преобразовалась в тетрархию. Особенно стало и то, что доминат в отличие от классической монархии не предусматривал наследственную передачу власти. Это вынуждало августов еще при жизни делать попытки назначения преемников: усыновлять цезарей или назначать на эти должности собственных детей [4,

с. 103]. Естественно, при разделении империи на четыре части ни о какой федерализации уже не могло быть и речи, Древний Рим до завершения своего существования так и остался унитарным государством.

Таким образом, история древнеримского государства показывает, что преобразования его формы происходили в связи с необходимостью реагирования на изменение социально-экономических и политических условий функционирования общества. При этом неизменной оставалась только форма территориального устройства. Форма правления трансформировалась с монархической на республиканскую и наоборот, приобретала смешанные черты; политический режим также в определенные периоды характеризовался и как демократический, и как авторитарный, и даже близкий к тоталитарному в эпоху военных диктатур. Такой набор и соединение в разных вариантах элементов формы государства придавали ей определенное своеобразие.

В период Средневековья формы государства в зарубежных странах характеризовались фактической однотипностью: монархическая форма правления, унитаризм и авторитарные методы осуществления власти. Ситуацию изменил переход от феодальных отношений к буржуазным, осуществленный революционным путем. Одной из первых к изменению формы правления пришла Англия в XVII в. При этом в процессе преобразования формы государства проявлялись и некоторые особенности. В частности, введенный в стране в декабре 1653 г. протекторат олицетворял переход от монархической формы правления к республиканской, и четко определялось, что лорд-протектор не диктатор, а первый слуга республики. Тем не менее, отношения в сфере осуществления государственной власти были выстроены не демократически, а на авторитарных началах, поскольку представлявший собой военного диктатора Кромвель имел огромные законодательные и исполнительные полномочия, а также право роспуска парламента, чем юридически пользовался для осуществления единоличного правления [5, с. 155].

Однако английское общество, созревшее для восприятия демократических тенденций, после смерти Кромвеля приняло решение вернуться к монархическому правлению, ограниченному парламентом, и формированию конституционной монархии, которая также имела определенные особенности. К ним можно отнести соправление Вильгельма и Марии Оранских, введение института ответственности правительства перед парламентом, контрасигнатуры и создание системы сдержек и противовесов, при реализации которой теоретически король мог использовать право вето и в случае конфликта между парламентом и кабинетом министров распустить один из этих органов. Такие новации для европейской государственности дополнялись влиянием Англии на заморские территории. Оставаясь унитарным государством, Англия пыталась управлять многочисленными государственными образованиями, находившимися на других континентах. Но отдельные из них стремились выйти из под монархического контроля, что привело к созданию американской государственности.

Борьба за независимость от английской короны привела к образованию на американском континенте достаточно уникальной формы устройства под названием конфедерация. Представлявшая собой союз штатов, объединившихся против английской метрополии, конфедерация Соединенных Штатов Америки до сих пор вызывает споры у ученых по поводу своего статуса. Большинство считает, что «Статьи конфедерации и вечного союза между штатами» являются международно-правовым договором, но есть и отдельные мнения о том, что это американский конституционный акт [6, с. 85; 7, с. 23]. Тем не менее, сохранение суверенности штатов и возможность их выхода из союза дает основание предпола-

гать о том, что конфедерация США не являлась формой государственного территориального устройства.

После окончания войны за независимость от Англии, в 1787 г. конвентом была принята Конституция США. Радикально и либерально настроенные делегаты конвента, представившие северные штаты, выступали за установление демократической республики и разделение власти на ветви, что являлось залогом предотвращения авторитаризма. Настроенные консервативно южане хотели бы видеть США конституционной монархией английского типа. Компромиссом при определении формы американской государственности стал отказ конвента от обсуждения вопроса отмены рабства. Главной особенностью стало федеративное устройство государства, при котором штаты получали достаточно широкую компетенцию [8, с. 178]. Фактически это был первый мировой опыт становления федеративных отношений. Конституция США закрепила положение о том, что штаты могут иметь свое законодательство при приоритете федеральных актов и формировании республиканских основ управления. Таким образом, апробация федеративного устройства в США в дальнейшем стала образцом для создания подобных отношений между центром и регионами в других государствах.

Определенные особенности имело изменение формы государства и во Франции. Начало французской буржуазной революции в 1789 г. ознаменовало череду преобразований как в структуре государственного управления, так и в методах его осуществления. Первоначальное ограничение королевской власти в виде установления конституционной монархии, в 1792 г. привело к передаче верховного управления революционному Конвенту, а затем захвату власти Робеспьером и его сторонниками. Якобинская диктатура проводилась в худших традициях древнеримской и характеризовалась массовыми казнями граждан, не согласных с таким режимом. Тоталитарные методы управления страной продолжались около года и завершились казнью главных руководителей якобинского клуба с переходом власти к Директории.

Республиканская форма правления сохранялась вплоть до 1799 г., когда к власти путем переворота пришел Наполеон Бонапарт. Бонапартистская диктатура представляла собой абсолютистское монархическое правление, осуществляемое авторитарным путем. Реставрация династии Бурбонов после поражения Наполеона от коалиции в 1814 г. была осуществлена с ограничением власти императора Людовика XVIII Законодательным корпусом, однако требования населения о либерализации общественных отношений привели в 1848 г. к переходу к республиканской форме правления. Избранный президентом страны Луи-Наполеон Бонапарт в 1852 г. осуществил очередной государственный переворот и возвращение к монархическому и фактически диктаторскому правлению. Особенность нового бонапартизма состояла в сочетании методов военно-полицейского террора с политическим лавированием между рабочим классом и буржуазией [9, с. 57]. Неудачные военные действия Наполеона III, унижительное поражение от прусской армии и обременительные условия мирного договора привели в 1870 г. к новой революции, провозглашению республики и окончательной ликвидации монархической власти. В столице Франции даже произошла передача верховного управления Совету Парижской коммуны, заявившему о необходимости федерализации государства, что так и не было реализовано. С ликвидацией Парижской коммуны вопрос об изменении формы территориального устройства уже не поднимался. История развития французской государственности показала, что при строительстве политических институтов были использованы как монархические, так и республиканские основы с периодическим изменением формы правления и методов осуществления власти, но в отличие от

Древнего Рима преобразования формы государства во Франции произошли в период, составивший менее одного века.

Таким образом, в зарубежных странах применялись формы государства, объединяющие разнообразные элементы: монархическое и республиканское правление могло осуществляться с учетом мнения населения, самодержавно или тиранически. Несмотря на предпочтение к унитаризму, существовали и государства, построившие отношения со своими территориями на федеративной основе. Это показывало, что выбор элементов формы государства имеет прямую зависимость от социальной, экономической и политической ситуации, а также состояния общественных отношений.

Российские модели построения государственности также имели свои особенности, что вызывает необходимость рассмотрения исторических аспектов преобразования элементов формы государства в России, начиная с истоков создания российской государственности. Сформировавшееся в IX–XI вв. государство Киевская Русь по форме правления являлось раннефеодальной монархией, в которой верховная власть, сосредоточенная в руках великого князя, передавалась по наследству. Она считалась ограниченной, поскольку князь зависел от своего ближайшего окружения – советов князей и бояр, старейшин и епископов, которые могли существенно влиять на государственную политику. Великий князь обычно осуществлял высшие законодательные, исполнительные, судебные и военные полномочия. Примерно к X в. относится упоминание о вече, которое также являлось органом, ограничивавшем власть князя. Оно решало не только вопросы войны и мира, но и избирало князя.

Освобождение от власти Киева и феодальная раздробленность, связанная с вторжением в государство Золотой Орды, привели не только к отделению друг от друга удельных княжеств, но и к преобразованию моделей государственного устройства в некоторых из них. Выгодное экономико-географическое положение Новгорода и Пскова стало причиной появления в этих княжествах обеспеченного сословья – боярства, формировавшего верховную власть, отличную от раннефеодальной монархии [10, с. 52]. В образованных боярских феодальных республиках высшим органом власти считалось городское вечевое собрание, которое рассматривало важнейшие вопросы внутренней и внешней политики: объявление войны, заключение мира, избрание таких должностных лиц как посадник, князь, архиепископ, тысяцкий, изгнание князя в случае нарушения им договора.

Власть князя ограничивалась не только вечевым органом на основе особого договора – ряда, но и посредством разделения полномочий между ним и посадником в судебной и военной сферах. По сути, князь выступал всего лишь высшим назначаемым должностным лицом, подконтрольным боярской аристократии. Тем не менее, наличие вечевых органов на разных уровнях территориальной организации республик и гласное проведение собраний позволяло городскому населению следить за их ходом и создавало видимость осуществления власти на демократических началах.

Объединение удельных княжеств и централизация русского государства, начавшаяся к XIV в., привели к изменению его формы. Государственный строй Московского царства стал характеризоваться как самодержавный с боярской аристократией. Великий князь мог издавать распоряжения законодательного характера, назначать на высшие государственные должности, выступать в качестве высшей судебной инстанции. Боярская дума не имела отдельной от царя компетенции и была постоянным совещательным органом при государе, однако ее роль в осуществлении государственной власти была чрезвычайно велика. Она выступала в роли законодательного, распорядительного и контрольного учреждения, была

высшей административно-апелляционной инстанцией, а также занималась управлением Москвой.

С появлением в середине XVI в. еще одного государственного органа – Земского собора – форма правления в Московском царстве изменяется на сословно-представительную монархию. Земский собор являлся общегосударственным собранием с участием представителей различных сословий для решения важнейших вопросов государственной жизни. Как законодательно-совещательный орган Земский собор разрешал вопросы войны и мира, избрания на царство, принятия законов. Поскольку за весь период соборы созывались около десяти раз, фактически власть царя ими не ограничивалась [11, с. 48]. В основном она осуществлялась авторитарным путем, за исключением второй половины срока правления Ивана Грозного, режим осуществления власти которого оценивается как тиранический.

Прекращение созыва Земских соборов в конце XVII в. привело к усилению царской власти и формированию абсолютизма, характеризовавшегося сосредоточением всей власти в руках монарха. В течение всего XVIII в. не предпринималось серьезных попыток ограничения власти царя и функционального разделения компетенции между высшими органами управления. Только в начале XIX в. стали появляться предложения о необходимости реформирования самодержавного строя [12, с. 62–66; 13, с. 287–298]. Однако они так и остались проектами, хотя Александр II был наиболее близок к изменению самодержавной формы правления на монархию, ограниченную представительным органом. План преобразований им был уже согласован, 4 марта 1881 г. предполагалось его обсуждение и утверждение в совете министров, но за три дня до этого император был убит [14, с. 295].

Несмотря на присоединение к Российской империи в XIX в. таких территорий как Финляндия, Польша, государств Закавказья и др., перехода к федеративному устройству также не произошло, более того осуществлялись попытки ликвидации автономии некоторых регионов. Если в Финляндии, ради сохранения контроля над которой требовалось несколько децентрализовать власть, была восстановлена деятельность представительного финского органа – сейма и дарована конституция, то в отношениях с Польшей и Грузией произошло сворачивание автономии и деятельности прежних органов власти, прекращение унии и протектората в пользу русского правления.

Революция 1905 г. в России резко обострила проблему реформирования политической и правовой системы, поставила самодержавие перед необходимостью собственной трансформации. Основные законы 1906 г. предусматривали введение смешанной формы правления и исходили из дуализма исполнительной и законодательной власти, представляя собой «именно подлинную конституцию» [15, с. 537]. Сам Николай II признавал, что «дарует конституцию, решительным противником которой он был и продолжал оставаться» [16, с. 38–39]. Форма правления подверглась изменению и стала сочетать элементы конституционной системы и традиционных институтов дореформенной монархии. Особенностью дуалистической монархии стало то, что законодательная власть в ней принадлежала императору и парламенту, исполнительная – императору и министрам, а судебная – Правительствующему сенату [17, с. 157]. Однако старые недостатки системы властвования наложившись на конфликты между законодательной и исполнительной ветвями власти, что предreshило частый роспуск Государственной Думы, и, как следствие, сохранение самодержавных методов осуществления власти [18, с. 61].

Возникшая в стране в феврале 1917 г. революционная ситуация вынудила Николая II отречься от престола, а его брата Михаила отказаться от принятия верховной власти до выбора Учредительным собранием новой формы правления. Однако уже в сентябре 1917 г. Времен-

ное правительство охарактеризовало существовавшую к тому моменту форму государства как демократическую республику. С самого начала февральской буржуазной революции стали появляться предложения о федерализации страны. Так, в Украине выступали за ее автономию в федеративной Российской державе [19, с. 462], проект управления Кубанской республикой подготовили и кубанские казаки [20, с. 53]. И хотя Временным правительством официально был взят курс на сохранение «великой и неделимой» России, практика упразднения генерал-губернаторских постов в Закавказье и Туркестане и передача властных полномочий в руки представителей местных сообществ способствовала децентрализации и сепаратизму в регионах страны.

Октябрьская революция 1917 г. привела государственность к переходу к новым формам. По формальным признакам советское государство было построено как парламентская республика, поскольку высшим органом власти признавался Съезд Советов (впоследствии – Верховный Совет СССР). Однако реально это была социалистическая республика с конституционным закреплением ведущей роли представительных органов власти и руководящей роли правящей коммунистической партии, единством государственного механизма, отрицанием системы разделения властей, подотчетностью и формированием исполнительных органов власти представительными.

Оценивая характер советской федерации, помимо спорного федеративного начала, Е.Ю. Мелешкина отмечает ее асимметричность, чему свидетельствовало, например, членство в ООН двух из пятнадцати союзных республик: Украины и Белоруссии [21, с. 110]. Своеобразие федеративного устройства было и в том, что по п. 26 Договора об образовании СССР 1922 г. республики имели право свободного выхода из его состава, что в итоге выступило одним из оснований провозглашения республиками суверенитета в начале 1990-х гг.

Политический режим, сложившийся в СССР, периодически претерпевал определенные изменения. С осени 1917 г. им стала диктатура пролетариата, «власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, ... не связанная никакими законами» [22, с. 216]. После ухода В.И. Ленина с политической арены началось утверждение режима личной власти И.В. Сталина, что привело к формированию новой вариации большевистского режима. В период НЭПа диктатура большевизма еще не носила законченного тоталитарного характера [23, с. 20], однако его дальнейшая ликвидация и централизация всех сфер деятельности обусловили формирование тоталитарного политического режима, всецело контролирующего общество посредством карательного аппарата [24, с. 48].

Послесталинский период характеризовался политическим режимом, сочетавшим в себе попытки демократизации политической системы и децентрализации управления, осуждение нарушений законности и властного произвола с жестким подавлением массовых выступлений трудящихся, что до середины 1980-х гг. придавало ему авторитарные черты [25, с. 5]. Начиная с реформ М.С. Горбачева вплоть до распада СССР в политическом режиме наряду с авторитарными стали проявляться и демократические тенденции, делая его авторитарно-либеральным [26, с. 7].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, исследование исторических аспектов применения различных форм государства показало, что в плане эволюции государственности Россия является уникальной. В большинстве зарубежных стран при выборе элементов формы государства не задействовались практически все их варианты, как это происходило в нашей стране. Действительно, постоянное изменение социально-экономических и политических условий существования российского общества вынуждало власть реформиро-

вать государственный механизм. В связи с этим в различные периоды в нашем государстве основополагающим становилось монархическое или республиканское правление, взаимоотношения с регионами строились на началах классического и децентрализованного унитаризма или федерализма, а методы осуществления власти изменялись от демократических и авторитарных, до тоталитарных. Такой исторический опыт имеет важное значение для дальнейшего развития отечественной государственности, поскольку позволяет учитывать последствия выбора элементов формы государства, на долгие годы сохранившиеся в памяти российского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самохина Г.С. Древний Рим: основные аспекты политико-правового развития. Петрозаводск: ПГУ, 2004. 219 с.
2. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей: в 2 т. Т. 1. Государственное устройство Рима до Августа. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. 704 с.
3. Медведев В.Г. Сулланская «конституция» // История государства и права. 2014. № 13. С. 52–63.
4. Султыгов А.Х.А. Трансформация и деструкция древнеримского государств и народа // Вестник Российской нации. 2015. Т. 2. № 40. С. 96–125.
5. Соколов А.Б. Английская революция в освещении новейшей зарубежной историографии: от гражданских войн к республике и протекторату // Известия Смоленского государственного университета. 2008. Т. 1. С. 146–158.
6. Матвиенко А.С. Особенности процесса территориальной консолидации государств Европы и США // Сравнительные правовые и политические исследования. 2014. Т. 2. № 1. С. 83–88.
7. Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Основание федеративного государства в США (Историко-государствоведческий очерк) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 20–31.
8. Фридман Л. Американская правовая культура и федерализм // Полис. 1992. № 4. С. 176–178.
9. Кошелева Е.А. Луи-Наполеон Бонапарт: политический мыслитель и социальный реформатор. СПб.: СПбГЭУ, 2011. 231 с.
10. Антропов А.И. Государственное управление в Киевской Руси и русских землях в период феодальной раздробленности // Мир экономики и права. 2010. № 5. С. 47–55.
11. Шайрян Г.П. Ограничивали ли Земские соборы царскую власть российских самодержцев? // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6. С. 43–49.
12. Вольф С.П. Проекты государственного устройства П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева: опыт прошлого и настоящего в перспективе будущего // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 2. С. 62–66.
13. Сперанский М.М. План государственного преобразования // Закон. 2009. № 5. С. 287–298.
14. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Московский университет, 1964. 513 с.
15. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь, Полиграфресурсы, 1995. 444 с.
16. Мальшева О.Г. Государственная Дума в системе власти Российской империи : автореф. дис. ... д-р истор. наук. М., 2001. 59 с.
17. Дарчиева С.В. Вопросы государственного устройства и Государственная дума Российской империи в начале XX в. // Власть. 2015. № 7. С. 153–157.
18. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 2009. 224 с.
19. Полонська-Василенко Н.Д. История Украины. Киев: Либидь, 1992. 592 с.
20. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М.: Европа, 2007. 288 с.
21. Мелешкина Е.Ю. Советский эксперимент: между имперскими и государственными формами // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8. № 4. С. 100–124.
22. Ленин В.И. Сочинения. 4 изд. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 28. 536 с.
23. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.
24. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. В 3-х ч. СПб.: БГТУ, 2004. 313 с.
25. Яковлев А.Н. Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 5–15.
26. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь Мир, 2001. 272 с.

HISTORICAL PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF THE STATE FORM

© 2017

P.A. Rumyantsev, candidate of legal sciences, Deputy Director of law Institute for Development Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: form of state; Ancient Rome; military dictatorship; bourgeois revolution; protectorate; The US Confederation; Bonapartism; *veche*; Zemsky Sobors; autocracy; dualistic monarchy; the Soviet state; dictatorship of the proletariat.

Abstract: The article studies the historical aspects of the transformation of forms of statehood in Russia and foreign countries. The transformation that took place in Ancient Rome, England during the transition from the Middle Ages to the New Time, the United States of America in the struggle for independence, as well as France during the revolutionary and post-revolutionary period, is taken as a basis for studying the changes in the elements of the form of the state in foreign countries. The author shows that the changes occurred in connection with the need to respond to changes in the socio-economic and political conditions of the functioning of society. The conclusion is made that basically the transformation of the form of government was carried out: it could change from monarchical to republican and vice versa, and also acquire mixed features. Often, the political regime also changed, but this could also happen within the framework of the existence of one form of government. The author believes that the approbation of certain models of the state structure in the future became a model for the creation of similar relations in other states. The article proves the uniqueness of the development of the form of Russian statehood, when selecting the elements of which in the evolution process, almost all of their variants were involved. The author reveals that in different periods in our state the monarchical or republican rule became fundamental, the relations with the regions were based on the principles of classical and decentralized unitarism or federalism, and the methods of exercising power changed from democratic and authoritarian ones to totalitarian ones.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ И НЕОДНОКРАТНОСТЬ
КАК ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ**

© 2017

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: административная преюдиция; неоднократность; преступлений против личности; административное наказание.

Аннотация: Одной из основных тенденций современной российской уголовной политики является расширение института административной преюдиции. Об этом свидетельствует тот факт, что за последние шесть лет в Особую часть Уголовного кодекса РФ были включены качественно новые составы преступлений, установившие ответственность за общественно опасные деяния при наличии административной преюдиции, либо видоизменены отдельные виды преступлений, которые уже нашли отражение в российском уголовном законодательстве. В связи с этим мы можем наблюдать увеличение числа научных публикаций, в которых исследуются различные аспекты института административной преюдиции, в том числе анализируются вопросы, связанные с целесообразностью внедрения данного института в уголовное законодательство. Отдельные авторы рассматривают административную преюдицию как признак возрождения института неоднократности, существовавшего в отечественном уголовном праве до 2003 года. Другие ученые значительное внимание уделяют толкованию конкретных уголовно-правовых норм, содержащих признаки административной преюдиции, поскольку формулируются данные признаки законодателем в ряде составов преступлений по-разному.

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов, связанных с особенностями уголовной ответственности за преступления против личности с признаками административной преюдиции и неоднократности. Основной акцент сделан на анализ содержательных элементов четырех уголовно-правовых норм раздела VII УК РФ. Именно институт преступлений против личности сохранил один состав преступлений (ст. 154 УК РФ), в котором признак неоднократности был сформулирован еще до 2003 года. Здесь же одним из первых (в 2011 году) появился состав преступлений «новой формации», в котором нашли отражение признаки административной преюдиции (ст. 151.1 УК РФ).

Внедрение института административной преюдиции в российское уголовное право, с одной стороны, демонстрирует продвижение концепции гуманизации уголовного законодательства посредством перевода преступных деяний в разряд административных правонарушений (декриминализация деяний).

Так, в ст. 116 УК РФ до 3 июля 2016 г. устанавливалась ответственность за побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [1] в главу 16 раздела VII Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2] была включена новая статья 116. 1, закрепившая ответственность за совершение действий, указанных в диспозиции ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию. Сама же ст. 116 УК РФ, после последних изменений в 2017 году, предусматривает ответственность за побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль только при наличии двух альтернативных специальных мотивов – хулиганский побуждений либо «экстремистского» мотива [3].

Также Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [1] за счет указания на административную преюдицию, как условие наступления уголовной ответственности, была видоизменена ст. 157 УК РФ, в которой ранее говорилось о злом уклонении от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Учитывая вышеуказанные изменения, лица, которые до 3 июля 2016 года были привлечены к уголовной ответственности или осуждены по ст. 116 и ст. 157 УК РФ, подлежали освобождению от уголовной ответственности или наказания (если вступивших в законную силу приговор суда в отношении осужденного не был исполнен) по данным статьям [4].

Вместе с тем административная преюдиция может выступать способом ужесточения уголовной ответственности (криминализации деяний). Применительно к преступлениям против личности это связано с включением в УК РФ на основании Федерального закона от 21.07.2011 г. № 253-ФЗ [5], направленного на усиление контроля продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, нормы, установившей ответственность за розничную продажу несовершеннолетним данной продукции (ст. 151.1).

В целом составы преступлений с административной преюдицией в настоящее время содержатся в четырех разделах УК РФ из шести (за исключением разделов, в которых сосредоточены преступления против военной службы, против мира и безопасности человечества).

В научной литературе административная преюдиция трактуется как средство гармонизации положений уголовного и административно-деликтного права, так и более четкого разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений [6, с. 137].

С.А. Маркунцов и О.С. Одоев пишут о том, что административная преюдиция, является по существу средством «трансформации» неоднократно совершенных административных проступков в правонарушение качественно иного типа – преступление [7, с. 28].

Ряд авторов, например, Ю.П. Соловей, видят в административной преюдиции одно из средств одновременного предупреждения как административных деликтов, так и преступлений [8, с. 63].

Е.А. Жарких отождествляет административную преюдицию с термином административно-правовой рецидив, указывая на то, что этот институт объединяет несколько видов рецидива, отличающихся способом описания и последствиями. В одних случаях повторное совершение правонарушения лишь усиливает административное наказание, в других – порождает основание для уголовной ответственности. Следовательно, второй вид административно-правового рецидива правонарушений непосредственно граничит с уголовно-наказуемым деянием и обуславливает трансформацию административной ответственности в уголовную [9, с. 24].

Необходимо отметить, что среди ученых есть противники существования института административной преюдиции в уголовном праве. Так за исключение данного института выступают А.Г. Безверхов [10, с. 48–53], Н.Ф. Кузнецова [11, с. 6], А.Е. Якубов [12, с. 51], Е.В. Овечкина [13, с. 50–53], Г.В. Ямышева [14, с. 71], Д.С. Чикин [15, с. 17]. Они видят в административной преюдиции смешение признаков преступления и административного правонарушения.

Е.К. Антонович и А.Л. Осипов акцентируют внимание на том, что в настоящее время отсутствует офи-

циальное толкование данного института, несмотря на то, что он не является чем-то новым для российского права, поскольку предусматривался и в советском уголовном законодательстве. Законодатель лишь излагает административную преюдицию в диспозициях отдельных статей УК РФ, примечания к которым раскрывают содержание данного элемента состава преступления [16, с. 26]. В этой связи как справедливо пишет А.В. Козлов, для предотвращения ошибки законодателя требуется разработка (и желательно в небольшие сроки) научных основ (уголовной политики и юридической техники) ее использования в российском уголовном законодательстве [17, с. 42].

Отсутствие единой концепции законодателя в части понимания института административной преюдиции проявляется в том, что конструктивные признаки ряда уголовно-правовых норм с административной преюдицией сформулированы по-разному, что вызывает сложности при их толковании и применении на практике.

Так, применительно к ст. 151.1 УК РФ, законодатель указывает на признак неоднократности, то есть розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Аналогично положениям ст. 151.1 УК РФ сформулировано понятие административной преюдиции и в ст. 157 УК РФ.

А вот в ст. 116.1 УК РФ, в отличие от ст. ст. 151.1 и 157 УК РФ, отсутствует признак неоднократности. Кроме того, законодатель не указывает на нанесение побоев в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Соответственно возникает вопрос: Несет ли лицо уголовную ответственность за побои по ст. 116.1 УК РФ в случае, если административное наказание за ранее нанесенные побои была погашена? Из положений ст. 4.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [18] следует, что лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Поэтому при погашении срока административного наказания лицо не может нести уголовную ответственность ни по ст. 116.1 УК РФ, ни по ст. ст. 151.1, 157 УК РФ. В этой связи указание на «период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» в ст. 151.1 и ст. 157 УК РФ лишено какого-либо правового смысла и только отягощает данные нормы.

Необходимо отметить, что среди преступлений против личности есть еще один состав преступления, который предусматривает признак неоднократности. Речь идет о ст. 154 УК РФ, в которой установлена ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи. Однако в отличие от ст. ст. 151.1 и 157 УК РФ никаких разъяснений относительно понимания признака неоднократности в ст. 154 УК РФ, не содержится, что требует подробного анализа данного вопроса.

Неоднократность является конструктивным элементом ст. 154 УК РФ с периода существования одноименного института, упраздненного Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ [19]. Следовательно, если опираться на положения ст. 16 УК РФ, действовавшей до 8 декабря 2003г., то неоднократность по ст. 154 УК РФ должна подразумевать под собой совершение двух и более преступлений, предусмотренных данной нормой. Но ст. 16 УК РФ и, соответственно, неоднократность как вид множественности преступлений исключены из уголовного законодательства. Как в таком случае трактовать данный признак ст. 154 УК РФ с учетом совре-

менных реалий? Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к положениям ч. 2 ст. 180 УК РФ. Здесь говорится о неоднократном незаконном использовании предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара. В соответствии с п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 26.04.2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», по отношению к ч. 2 ст. 180 УК РФ неоднократным признается совершение два и более раза незаконного использования предупредительной маркировки в отношении товарного знака или наименования места происхождения товара, не зарегистрированных в Российской Федерации [20]. Иными словами, Пленум Верховного Суда в очередной раз, проигнорировав положения действующего УК РФ, фактически создал правовую норму, в которой воспроизвел положения института неоднократности. То же самое можно сказать о положениях п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.14 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [21], где содержится рекомендация при квалификации по ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ учитывать судимость за совершение лицом в возрасте до восемнадцати лет аналогичных деяний. Ранее автором данной статьи была высказана позиция, что это противоречит положениям ч. 1 ст. 18 УК РФ [22, с. 88].

Таким образом, если приведенные разъяснения Пленума ВС РФ применить к ст. 154 УК РФ, то неоднократность в данном случае следует трактовать как совершение двух и более раз фактов незаконного усыновления (удочерения) детей, передач их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи. Но поскольку это противоречит положениям действующего уголовного законодательства, то целесообразно ст. 154 УК РФ откорректировать за счет признака административной преюдиции, поскольку в ст. 5.37 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью. В этом случае неоднократность по ст. 154 УК РФ будет рассматривать как повторное совершение перечисленных в диспозиции данной нормы действий лицом, ранее подвергнутым административному наказанию.

Правда обращает на себя внимание такое упущение законодателя при формулировке ст. 5.37 КоАП РФ как отсутствие отсылки к уголовному законодательству. При том, что в таких составах правонарушений как «Побои» (ст. 6.1.1 КоАП РФ), «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции» (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ), «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» (ст. 5.35.1 КоАП РФ) такая отсылка есть.

Учитывая вышеизложенное и в целях унификации признаков рассмотренных преступлений против личности, необходимо внести следующие изменения и дополнения в УК РФ:

1. Ст. 116.1 УК РФ изложить в следующей редакции: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, если это деяние совершено неоднократно».

Дополнить данную норму примечанием следующего содержания:

«Нанесением побоев или совершением иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115

Уголовного кодекса Российской Федерации, если это деяние совершено неоднократно, признается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние».

2. Ст. 154 УК РФ дополнить примечанием следующего содержания:

«Незаконными действиями по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенными неоднократно, признается совершение незаконных действий по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние».

3. Из примечаний к ст. ст. 151.1 и 157 УК РФ исключить слова «в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

Кроме того, необходимо внести следующие изменения в КоАП РФ:

Ст. 5.37 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
3. Федеральный закон от 07.02.2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
4. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года): утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
5. Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
6. Харлова М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 136–143.
7. Маркунцов С.А., Одоев О.С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6. С. 28–31.
8. Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 56–63.
9. Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23–26.
10. Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.
11. Кузнецова Н.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2003. № 1. С. 3–19.
12. Якубов А.Е. Декриминализация и обратная сила уголовного закона // Вестник Московского государственного университета. 1997. № 11. С. 51–56.
13. Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5. С. 50–53.
14. Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–79.
15. Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23. С. 17–18.
16. Антонович Е.К., Осипов А.Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1. С. 26–34.
17. Козлов А.В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1. С. 42–50.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
19. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: ред. от 07.12.2011 // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.14 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/.
22. Савельева О.Ю. Ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в разъяснениях Верховного Суда РФ // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1. С. 85–90.

**ADMINISTRATIVE PREYUDITION AND NOT MOMENTARINESS
AS SIGNS OF CRIMES AGAINST THE PERSONALITY**

© 2017

O.Yu. Savelyeva, candidate of legal Sciences,
Professor of the Department of Criminal law and process
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: administrative preudition; not momentariness; crimes against the personality; administrative punishment.

Abstract: One of the main tendencies of modern Russian criminal policy is expansion of institute of an administrative preudition. Testifies that fact to it that for the last six years the Special part of the Criminal code of the Russian Federation included qualitatively new structures of crimes which established responsibility for socially dangerous acts in the presence of an administrative preudition or separate types of crimes which already found reflection in the Russian criminal legislation are altered. Due to it we can observe increase in number of scientific publications in which various aspects of institute of an administrative preudition are investigated, including the questions connected with expediency of introduction of this institute in the criminal legislation are analyzed. Certain authors consider an administrative preudition as a sign revival of the institute of not momentariness existing in domestic criminal law till 2003. Other scientists pay considerable attention to interpretation of the concrete criminal precepts of law containing signs of an administrative preudition as these signs by the legislator in a number of structures of crimes differently are formulated.

The present article is devoted to research of the questions connected with features of criminal liability for crimes against the personality with signs of an administrative preudition and not momentariness. The main emphasis is placed on the analysis of substantial elements of four criminal precepts of law of the section VII of the criminal code of Russian Federation. The institute of crimes against the personality kept one structure of crimes (Art. 154 of the criminal code of Russian Federation) in which the sign of not momentariness was formulated till 2003. Here the structure of crimes of "a new formation" in which signs of an administrative preudition (Art. 151.1 of the criminal code of Russian Federation) found reflection appeared one of the first (in 2011).

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ МАТЕРИАЛОВ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРОК НА ПРИМЕРЕ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ И ИНТЕРНЕТА

© 2017

П.А. Самойлов, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академия управления МВД России, Москва (Россия)

Ключевые слова: правовые основания; обоснованность принятия решений; мошенничества с использованием средств сотовой связи; место совершения преступления; территориальная подследственность.

Аннотация: В статье на примере мошенничеств с использованием средств сотовой связи рассматриваются актуальные проблемы и ошибки правоприменительной практики при направлении по территориальности материалов проверки, а также пробелы в вопросах правового регулирования принятия данного процессуального решения. Автор дает характеристику исследованиям по данной проблеме, проводит анализ законодательства, регулирующего вопросы определения места совершения преступления, окончания преступления, наличия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, а также правоприменительной практики. Делается вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов часто совершают ошибки при толковании понятий «место окончания преступления», «место снятия денежных средств» и «место регистрации номера телефона». Автор определяет место совершения преступления при осуществлении мошенничества посредством сотовой связи или банковских операций через Интернет, в том числе, когда преступников было несколько или совершались разные последовательные действия, а также при краже банковской карты или переводе денежных средств со счета потерпевшего на счет преступника. Основное внимание в статье уделяется изучению оснований для направления материалов проверки по территориальности. Автор делает вывод о том, что законодательством не регулируются вопросы передачи материалов доследственной проверки по территориальности и предлагает внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс.

Актуальной проблемой, стоящей перед ОВД России, является обоснованность принятия решений о направлении материалов проверки по территориальности. Данная проблема связана как с неоднозначностью трактовки уголовно-правовых норм, так и с несовершенством уголовно-процессуальной регламентации данного решения.

Наиболее ярко обозначенная проблема проявилась в свете появления нового вида преступной активности – мошенничеств с использованием средств сотовой связи, технологий онлайн-банка и Интернет-ресурсов. В рамках ведомственного контроля, прокуратурой и судами регулярно выявляются факты неправильного применения норм УПК РФ, неоднозначные трактовки положений руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и ведомственных нормативно-правовых актов при принятии решений о направлении материалов проверки по рассматриваемому виду преступлений по территориальности. В результате чего решения о направлении материалов по территориальности признаются необоснованными. Такая ситуация существенно препятствует реализации принципа уголовного процесса, установленного ст. 6.1 УПК РФ о соблюдении разумных сроков судопроизводства (есть факты когда от момента написания заявления до возбуждения дела проходит более полутора лет).

Указанные вопросы неоднократно исследовались в научных работах [1–4], однако выводы и предложения, высказанные рядом ученых нельзя признать достаточными, поскольку проблема рассматривается либо лишь в срезе квалификация деяния или определении места совершения преступления по уже возбужденному уголовному делу; либо предлагаются алгоритмы действий, упрощающие процедуру принятия решения о возбуждении уголовного дела, но носящие организационный характер и не затрагивающие нормы материального и процессуального права.

В целях детального, всестороннего и объективного рассмотрения данной проблемы был проведен анализ действующего федерального законодательства, межведомственных и ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих уголовно-правовые и процессуальные вопросы определения места совершения преступления, окончания преступления, наличие достаточных оснований для возбуждения уголовного дела и другие аспекты рассматриваемой проблемы, в том числе изучена сложившаяся в ОВД РФ правоприменительная практика.

В соответствии со ст. 159 УК РФ мошенничество есть хищение чужого имущества или приобретение права на

чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [5]. По признакам объективной стороны мошенничество представляет собой преступление с материальным составом, тем самым в соответствии со ст. 29 УК РФ обязательным для квалификации оконченного преступления является наличие трех признаков: деяния, причинно-следственной связи и наступления общественно-опасных последствий. При отсутствии последствий (то есть когда денежные средства не переводились) действия виновных лиц (звонок по телефону, в ходе которого потерпевший вводится в заблуждение) следует квалифицировать как покушение на преступление.

Основным проблемным моментом при проведении проверки в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ по заявлениям о совершении рассматриваемых видов мошенничеств является определение места совершения преступления и момента окончания преступления, причем эти два различных понятия зачастую путаются и подменяются.

Наиболее часто в качестве оснований при направлении материалов по территориальности указываются положения п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление) в соответствии с которым мошенничество признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного лица или других лиц и они получили возможность (в зависимости от потребительских свойств имущества) пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. При этом исполнителями по материалам игнорируется ключевое слово данного абзаца Постановления – «в зависимости от потребительских свойств имущества» [6]. А ведь существуют объективные особенности по моменту окончания преступления в мошенничествах, где имущество представляет собой денежные средства на банковских или иных счетах и другое имущество (в том числе и наличные деньги, зачисленные на электронный счет уже в ходе совершения преступления).

Четкое определение момента окончания преступления, когда предметом преступного посяательства являются денежные средства на банковских счетах граждан или в иной безналичной форме, содержится в п. 12 Постановления. С учетом того, что платежи на территории России могут осуществляться путем безналичных расчетов, с момента поступления денежных средств на счет, используемый мошенниками, они получают возможность

пользоваться и распоряжаться денежными средствами (в том числе совершать покупки, расчеты, снятие). Следовательно, преступление следует считать оконченным с момента поступления денежных средств на счет мошенников, при этом факт последующего снятия денежных средств со счета и место где эти деньги были сняты значения для уголовно-правовой квалификации и уголовно-процессуального определения территориальной подследственности не имеют, поскольку безналичные операции с картами и счетами могут осуществляться в любом месте.

Установление места снятия денежных средств без сомнения имеет значение для раскрытия преступления и, безусловно, подлежит установлению, но зачастую место снятия денежных средств определяется сотрудниками дознания и следствия как место окончания преступления, в результате чего материалы проверки органами расследования необоснованно возвращаются в орган дознания для установления места съема денежных средств и направления материала по территориальности, а органы дознания поступают в соответствии с полученной рекомендацией. В данной ситуации налицо ошибка в трактовке пунктов 4 и 12 вышеуказанного Постановления путем подмены понятий. В Постановлении разъясняется уголовно-правовой аспект – момент, с которого мошенничество считается оконченным, а не место совершения или окончания преступления. Таким образом, указанные пункты Постановления не могут являться основанием для направления материала проверки по мошенничеству с использованием средств сотовой связи по территориальности и ссылка на них в постановлениях, оформляющих решение недопустима.

Еще более ошибочным основанием при направлении материалов по территориальности является установление места регистрации карт, на которые переводились денежные средства, абонентских номеров, с которых звонили потерпевшим и т. д. Звонок на телефон потерпевшего и использование банковского счета может производиться в любом регионе и любым лицом вне зависимости от места оформления абонентского номера или банковского счета, регистрации по месту жительства лица, на которого оформлен счет или абонентский номер, используемые мошенниками. Тем самым направленные материалы проверки по месту регистрации номеров телефонов, счетов или лиц не имеет под собой никакой правовой основы.

Подводя промежуточный итог необходимо еще раз отметить, что рассмотренное Постановление никак не регулирует вопросы определения места совершения преступления, места производства предварительного расследования и тем более не может указываться в качестве основания для направления материала проверки по территориальности. Данные вопросы регламентируются только УПК РФ (место производства расследования) и УК РФ (место совершения преступления как признак объективной стороны).

Вопросы территориальной подследственности регламентируются ст. 152 УПК РФ. Анализ положений указанной статьи и правоприменительной практики позволяет выявить 3 основных проблемных момента в трактовке и применении данных норм:

1. По общему правилу предварительное расследование проводится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. В норме УПК РФ четко указан только один обязательный признак объективной стороны – деяние, место наступления последствий не указано, а, следовательно, не имеет значения, где были обналичены денежные средства либо с ними произведены еще какие-то действия. Акцент не случайно делается на понятие деяния, поскольку в большинстве случаев именно оно отражает суть преступления и следы, которые необходимо зафиксировать в ходе собирания доказательств. По преступлениям с материальным составом,

к которым относится мошенничество, особенность состоит лишь в том, что необходимо четко определить деяние, в результате которого наступили общественно-опасные последствия. Следовательно, применительно к мошенничествам посредством сотовой связи или банковских операций через Интернет, местом совершения преступления будет местонахождение лица, осуществлявшего обман потерпевшего посредством телефонного разговора, в результате которого потерпевший переводит денежные средства на счет мошенников, либо местонахождение лица, которое через онлайн-банк осуществило перевод денежных средств со счета потерпевшего на другой счет. В случаях, когда преступников было несколько или совершались разные последовательные действия, объединенные одним умыслом, важно точно определить после каких действий (слов, обещаний и т. д.) потерпевший поверил мошенникам и перевел денежные средства (причинно-следственная связь), потому что местом совершения преступления будет местонахождение лица, совершившего такие действия.

Немного иначе ситуация обстоит с кражами. Если преступник в ходе совершения кражи расплачивается картой потерпевшего, поступившей в его распоряжение, или снимает деньги со счета, то местом совершения преступления и местом, где преступление окончено (в данном случае территориально они совпадают и с моментом окончания преступления) будет место совершения указанных действий. При этом необходимо обратить внимание, что если преступник снимает деньги в разных местах, то по смыслу норм УК РФ о дящемся и продолжаемом преступлении, совершаемом с единым умыслом на снятие денежных средств, местом окончания преступления (соответственно и местом где должно осуществляться предварительное расследование) будет место, где осуществлялось последнее снятие денежных средств. Исключением из этого правила являются ситуации, когда в ходе кражи денежные средства переводятся со счета потерпевшего на счет, используемый преступником. В этой ситуации по смыслу указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда преступление будет считаться оконченным с момента поступления денежных средств на счет, используемый преступником, а местом совершения преступления будет место, где лицо производило манипуляции по переводу денежных средств (по IP устройства, через которое осуществлялся доступ в Интернет или местонахождению банкомата, терминала, которые использовал преступник).

2. Нормы ч. 2 ст. 152 предусматривает исключение из общего правила территориальной подследственности, которое наиболее часто неправильно применяется в качестве основания при принятии решений о направлении по территориальности материалов проверки по фактам телефонных мошенничеств. В соответствии с указанной нормой если преступление начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления. Данное правило регулирует место производства расследования по дящимся и продолжаемым преступлениям (например, захват заложников), а также по некоторым преступлениям с материальным составом, общественно-опасные последствия по которым наступают в результате совокупности различных по времени (месту) действий одного или нескольких лиц.

В ситуации с мошенничествами, совершенными с использованием средств сотовой связи (при безналичных переводах), нет возможности четко определить место начала и окончания преступления, есть только место совершения деяния (обмана или введения в заблуждение по телефону или посредством Интернета), а будет ли преступление оконченным (в соответствии с п. 12 Постановления) зависит от того, переведет ли потерпевший деньги на счет и поступят ли они на счет мошенников. С момента поступления денег на счет преступление уже

считается окончанным. Соответственно данная норма к ситуации с сотовыми мошенничествами (при безналичных переводах) неприменима. Тем не менее, положения указанной статьи как раз и используется на практике как основание для передачи материала по территориальности. Например, преступники звонили потерпевшему из города Н., потерпевший перевел деньги на счет мошенников, которые обналичили их в городе М., следовательно, преступление начато в г. Н, окончено в г. М., значит в г. М. и нужно направлять материал. Такой пример, как уже отмечалось, является неправильной трактовкой норм УК РФ и нарушением норм УПК РФ, поскольку преступник получил возможность пользоваться денежными средствами с момента зачисления их на счет – преступление уже считается окончанным, факт снятия денежных средств значения для квалификации преступления и определения места его совершения не имеет.

Необходимо отметить, что рассмотренный пример определения места совершения преступления по месту совершения деяния по мошенничествам, совершенным с использованием средств сотовой связи, распространяется только на ситуации, где денежные средства поступают на счет преступников. В ситуациях, когда потерпевший передает денежные средства в руки мошенников (или же скидывает с окна, оставляет в указанном преступниками месте) с учетом п. 4 Постановления действует правило определения места окончания преступления в соответствии с нормой ч. 2 ст. 152 УПК РФ. То есть мошенничество считается окончанным с момента получения возможности распоряжаться денежными средствами (признак объективной стороны – наступление общественно опасных последствий). Следовательно, в рассматриваемой ситуации преступление будет окончанным с момента получения денег виновным лицом или подельником, а местом окончания преступления будет место получения денежных средств вне зависимости от местонахождения лица, совершившего действия по введению в заблуждение потерпевшего. В данном случае нет никакого противоречия между рассмотренными выше положениями Постановления и нормами УПК РФ. Постановление определяет момент времени окончания мошенничества, а УПК РФ определяет место производства расследования с учетом места совершения преступления. И опять-таки нет противоречий между ч. 2 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ, поскольку получение денежных средств – это тоже деяние, но с акцентом на то, что именно в результате него и наступили общественно-опасные последствия.

Необходимо отметить, что самым важным моментом является то, что нормы ст. 152 УПК РФ регулируют вопросы территориальной подследственности возбужденных уголовных дел, а не материалов проверки. В УПК РФ (в том числе в ст. 145 УПК РФ) вообще нет четкой регламентации вопросов передачи материалов проверки по территориальности. Единственный нормативно-правовой документ, в котором определен порядок направления материала по территориальности, это совместный приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, Минюста России № 253, ФСБ России № 780 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» п. 31 которого устанавливает, что, если в ходе проверки будет установлено, что материал подлежит передаче в другой орган по территориальности, выносится постановление, о передаче по подследственности. То есть уголовно-процессуальная практика пошла по пути, когда применяется п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ (направление по подследственности) по аналогии с территориальной подсудностью (ст. 32 УПК РФ). Однако в указанной норме ст. 145 УПК РФ содержится ссылка на ст. 151 УПК РФ, которая определяет только ведомственную, родовую, альтернативную и специальную подследственность, и не говорится о территориальной. Таким образом, при передаче материала по территориальности используется теоретическое, а не

нормативное понятие территориальной подследственности, которого нет в ст. 151 УПК РФ. Соответственно возникает вопрос в принципе об обоснованности направления материалов проверки по территориальности.

С учетом норм ст. 152 УПК РФ об определении места производства предварительного расследования уголовных дел и принципа публичности в целом, вполне понятна логика законодателя, согласно которой первоочередное значение имеет возбуждение уголовного дела и проведение по нему неотложных следственных действий, и только после этого определение территориальной подследственности.

Эта же мысль прослеживается и при анализе других норм УПК РФ, регламентирующих порядок проведения проверки и основания для принятия решений по заявлениям и сообщениям о преступлениях. В соответствии со ст. 144 УПК РФ органы дознания, дознаватель, следовательно, обязаны провести проверку по сообщению (заявлению) о преступлении и с учетом компетенции принять по нему решение. При этом словосочетание «с учетом компетенции» не предусматривает целенаправленную работу, ориентированную на установление места совершения преступления и направления материала по территориальности, а предусматривает, что в первую очередь необходимо принять все доступные меры к установлению факта совершенного преступления и оснований для возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 140 УПК РФ. При наличии поводов и оснований для возбуждения уголовного дела его необходимо возбудить и принять неотложные меры к его раскрытию. Компетенция в указанной норме также подразумевает предварительную квалификацию преступления, а, следовательно, определение формы предварительного расследования и ведомственной подследственности (как раз эти вопросы в первую очередь и регламентируются нормами ст. 151 УПК РФ).

Именно нормы ст. 144 и 140 УПК РФ должны иметь первоочередное значение – быть основой при принятии решения по материалам проверки, в том числе и по фактам мошенничества с использованием средств сотовой связи. В целях реализации указанных положений УПК РФ, временно исполняющим обязанности Министра внутренних дел России генерал-полковником полиции А.В. Горовым было издано распоряжение от 13.07.15 № 1/5562. В соответствии с данным распоряжением, при поступлении заявления о мошенничестве с использованием средств сотовой связи, территориальный орган обязан провести проверку по заявлению и при наличии поводов и оснований к возбуждению уголовного дела, в случае установления в ходе расследования точного места совершения преступления, уголовное дело подлежит направлению по подследственности в соответствии со ст. 152 УПК РФ [7, с. 137]. Следует отметить, что данное распоряжение исполняется ОВД России не в полном объеме и не в соответствии с его смысловым содержанием, а зачастую просто используется как основание для возврата материала в территориальный орган ОВД, в который первоначально поступило заявление. В связи с этим «решения о возбуждении уголовных дел принимались спустя значительное время после их возвращения из других регионов» [8, с. 4286]. Отмечаются случаи направления материалов в другие территориальные ОВД и для сокрытия преступлений [9].

Необходимо отметить, что указанное распоряжение не подменяет УПК РФ, а имеет целью упорядочить работу по материалам проверки, стимулировать ОВД России в полном объеме проводить проверку по заявлениям и принимать по ним решения о возбуждении уголовного дела. Установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела по мошенничествам с использованием средств сотовой связи достаточно просто – необходимо получить сведения о движении денежных средств по

карте потерпевшего либо установить факт зачисления (передачи) денежных средств или другого имущества виновным лицам.

Определенную сложность в определении оснований для возбуждения уголовного дела представляют ситуации, когда мошенники, разместив на Интернет сайте информацию о продаже какого-либо товара, указывают номер счета (абонентский номер КИВИ кошелек и другие), на который необходимо перевести денежные средства в оплату покупки, тем самым вводят потерпевшего в заблуждение путем злоупотребления доверием, обещающая через определенный срок доставку товара. В этом случае не всегда удается достоверно и в короткие сроки установить, имело ли место мошенничество или же нарушение договорных обязательств, регулируемое нормами гражданского права. Определенные разъяснения по данному вопросу есть в указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда № 51. Так в п. 3 Постановления указано – «злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, предоплаты за поставку товара, если оно не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)». Далее в п. 5 Постановления отмечается – «В случаях, когда лицо получает чужое имущество, не намереваясь при этом исполнять обязательства, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии умысла, направленного на хищение путем мошенничества, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке». Применительно, к мошенничествам с использованием средств сотовой связи и Интернет ресурсов о наличии такого умысла могут свидетельствовать прекращение деятельности сайта (создание подложного сайта известной компании), на котором размещалось объявление, использование абонентских номеров, оформленных на подставных лиц, длительный срок неисполнения обязательств и другие.

Анализируя материалы проверки по мошенничествам с использованием средств сотовой связи необходимо отметить еще одну норму, на которую необоснованно ссылаются сотрудники ОВД при направлении материалов по территориальности, – это уже упомянутый совместный приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, Минюста России № 253, ФСБ России № 780 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений». В пункте 7 раздела 3 приложения к данному приказу указано, что в случае, если не представляется возмож-

ным определить место совершения преступления, оно подлежит учету по месту его выявления [10]. Данный пункт в постановлениях о передаче по территориальности часто указывается как основание для возвращения материала в ОВД, где было зарегистрировано заявление. Но Положение о едином учете преступлений рассматривает лишь вопросы их регистрации и учета, а не порядок и место где должно быть возбуждено уголовное дело и проводится предварительное расследование. Данные вопросы в соответствии с законодательством РФ должны регламентироваться только УПК РФ, что предполагает необходимость детальной проработки, в том числе и на законодательном уровне, вопроса об основаниях для направления материалов проверки по территориальности, вне зависимости от вида совершенного преступления.

С учетом приведенных рассуждений весьма актуальным является вопрос о необходимости законодательно регулирования механизма и оснований для принятия решения о направлении материалов проверки по территориальности как самостоятельного вида уголовно-процессуальных решений по материалу проверки, а соответственно внесение изменений в ст. 145 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качановский А.С. Квалификация телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 5. С. 50–53.
2. Лукинов А.С. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9. С. 43–44.
3. Францифоров Ю.В. Определение места совершения телефонного мошенничества // Законность. 2016. № 2. С. 51–53.
4. Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
7. Черепанова Л.В. Определение места производства предварительного расследования по уголовным делам о хищениях денежных средств, совершаемых в сфере компьютерной информации // Алтайский юридический вестник. 2016. № 15. С. 134–138.
8. Яджин Н.В., Егоров В.А. Определение территориальной подследственности при рассмотрении сообщения о преступлениях, совершенных с использованием средств сотовой связи // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 13. С. 4286–4290.
9. Тютюник Р.Н., Новопашин Р.Р. Передача сообщения о преступлении по территориальной подследственности как способ укрытия преступления // Законность. 2015. № 9. С. 34–37.
10. О едином учете преступлений: совместный приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, Минюста России № 253, ФСБ России № 780 от 29.12.2005 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

**THE QUESTION OF BASEMENTS OF PREPROSECUTORIAL EXAMINED
CONTENTS' DIRECTION ON TERRITORIALITY BASED ON EXAMPLES
OF FRAUD USING MOBILE COMMUNICATIONS' MEANS**

© 2017

P.A. Samoylov, post-graduate
Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Moscow (Russia)

Keywords: legal grounds; validity of decision-making; wire fraud; place of performance of preliminary investigation; crime scene; territorial jurisdiction.

Abstract: In the article actual problems and mistakes of law enforcement practice are considered based on the examples of fraud using mobile communications' means with direction of examined contents on territoriality, and also problems of statutory regulation's questions of such procedural judgement's acceptance. The author gives a description of the research on this issue, analyzes the legislation governing the location of the crime, the end of the crime, the existence of sufficient grounds for initiating a criminal case, as well as law enforcement practice. It is concluded that law enforcement officers often make mistakes in interpreting the concepts of "crime scene", "cash-out" and "phone number registration". The author determines the place of commission of the crime in the conduct of fraud by means of cellular communication or banking operations through the Internet, including when there were several criminals or various consecutive actions, as well as when the bank card was stolen or the money was transferred from the victim's account to the account of the offender. The main attention in the article is given to the study of the grounds for sending verification materials on territoriality. The author concludes that the law does not regulate the issue of transfer of materials pre-investigation verification of territoriality and proposes amendments to the Code of Criminal Procedure.

Н.Н. Ткачёва, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданский процесс»
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: представитель; адвокат; высшее юридическое образование; состязательность; гражданский процесс; защита нарушенных прав.

Аннотация: Отношения между гражданами и организациями, возникающие из семейных, жилищных, трудовых, социальных, нередко заканчиваются конфликтом интересов, который возможно разрешить только специальным способом – с помощью подачи искового заявления в суд. Попадая в специфическую среду, некоторые граждане теряются в хитросплетениях и тонкостях процессуальных азов, что приводит к негативному результату – проигрышу дела. Помочь стороне реализовать в полной мере свои процессуальные права может только квалифицированный представитель, знающий законы, разбирающийся в процессуальных особенностях и ориентирующийся в правоприменительной практике.

Целью исследования стало изучение вопроса о необходимости участия представителя по каждому гражданскому делу, в целях повышения качества, эффективности и доступности судебной защиты в Российской Федерации. Исследование проводится через призму одного из основополагающих принципов гражданского судопроизводства – принципа состязательности, реализация которого в целом зависит от сторон. Реализация данного принципа невозможна в полной мере, если у стороны нет представителя, который мог бы доступным языком донести до гражданина какие действия (подать ходатайство о проведении экспертизы, вызвать свидетеля, уточнить иски требования и т. д.) необходимо совершить для своей защиты и обоснования позиции по делу.

В работе изучены мнения ученых, практических работников, а также простых граждан по вопросу о введении обязательного требования к кандидату в представители по гражданским делам – высшего юридического образования. Одни полагают, что только лицо, имеющее такое образование вправе быть представителем, другие напротив, считают, что оно не гарантирует квалифицированной защиты в суде. Проведен анализ судебной практики, обоснована необходимость участия представителя по гражданским делам. Сделан вывод об обязательном наличии у лица, выступающего в качестве представителя по гражданским делам, высшего юридического образования.

Эффективная судебная система является показателем любого развитого государства, поскольку именно в судебном порядке осуществляется защита нарушенного или оспоренного права граждан или организаций. В Российской Федерации в последние годы ведется плодотворная работа в области совершенствования судебной системы. Одним из знаковых событий является разработка концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая призвана унифицировать процессуальные нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ с учетом принятия Кодекса административного судопроизводства РФ, в том числе института судебного представительства [1].

При рассмотрении гражданского, административно-го, или арбитражного дела, граждане имеют право вести свои дела лично или через представителей. В большинстве европейских стран только адвокаты могут представлять интересы граждан и организаций в судах – Португалии, Голландии, Дании, Греции, Германии, Испании, Франции и других, в Республике Гонконг, Корея, Тайвань, поскольку адвокатская монополия является показателем развитой правовой культуры и правовой системы государства [2]. Мировая тенденция свидетельствует не об ограничении права граждан на свободу выбора в представителе, т. е. обращении к юристу или адвокату, а о естественной, нормальной системе оказания юридических услуг квалифицированными специалистами, имеющими юридическое образование, характерной развитому обществу.

Бесспорно, что участие представителя по гражданским делам важно, а по некоторым категориям дел необходимо. Тем, не менее, отметим, что современное состояние института представительства в России не в полной мере отвечает современным тенденциям и не всегда гарантирует реализацию конституционного принципа состязательности и соответственно защиту нарушенного права. Особенно остро проявляется данная проблема в том случае, когда речь идет о договорном представительстве.

Необходимо ли участие представителя по каждому гражданскому делу и должен ли он иметь юридическое образование – это вопросы, на которые необходимо получить ответ и соответствующее законодательное разрешение.

Судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основании межотраслевого принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ [3] и ч. 1 ст. 12 ГПК РФ [4]. Принцип состязательности призван обеспечить полноту представления фактического и доказательственного материала, необходимого для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела [5, с. 29].

Обращаясь в суд, граждане полагают, что судебная защита будет эффективной, если гражданское дело станет рассматриваться опытным, компетентным судьей [6, с. 171]. Научные исследования, посвященные проблемам объективного и справедливого судебного разбирательства, свидетельствуют о ведущей роли суда при отправлении правосудия, о его ответственности при принятии решения. Однако, как верно отметил В.Г. Пономарев, суды не стремятся устанавливать абсолютную и объективную истину при рассмотрении гражданских дел, не проявляют должной активности в сборе доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора [7, с. 158]. В связи с этим, справедливое судебное разбирательство не всегда зависит исключительно от суда, который ограничен в своей деятельности искомными требованиями, их обоснованностью и подверженностью определенными доказательствами. Первоочередная роль принадлежит не суду, а сторонам или представителю, действующему в интересах своего доверителя. Исключительное право, принадлежащее сторонам распоряжаться процессуальными правами, подавать иски, заявления истцу или встречный иск ответчиком, представлять доказательства, заявлять ходатайства в профессиональных руках представителя – все это рычаги, влияющие на начало, развитие и конечный результат судебного разбирательства.

Однако стороны не всегда могут в полной мере воспользоваться всеми процессуальными правами, предо-

ставленными законом. Справедливым представляется мнение Г.А. Ожеговой, которая считает, что при всей значимости принципов практическая их реализация в настоящее время имеет глубокие изъяны, в целом, негативно влияющим на авторитет отечественной судебной системы [8, с. 69]. Часто, одной из причин, по которой принцип состязательности не в полной мере реализуется сторонами, является непонимание смысла происходящего в судебном заседании.

Судебное заседание осуществляется в строго определенном процессуальном порядке (ст. 154–193 ГПК РФ). Судья, в силу возложенных на него законом обязанностей, ведет процесс, используя терминологию, определенную законодателем. Как правило, слова и термины, которые использует судья при общении со сторонами и иными лицами, участвующими в деле, им не известны, и в большей степени непонятны.

В данной ситуации, очевидно, что без участия представителя в судебном разбирательстве ситуация останется прежней. Таким образом, представляется целесообразным ввести в ГПК РФ норму, обязывающую лиц, участвующих в деле вести свое дело через представителя, по аналогии с уголовным судопроизводством, где дело рассматривается в суде с обязательным участием представителя (защитника) (ст. 49 УПК РФ) [9]. Данная мера необходима в первую очередь для реализации конституционного права на судебную защиту, а также обеспечения принципа равенства всех перед законом и судом, так как наличие у одной стороны представителя автоматически ставит другую сторону, не имеющего представителя, в неравное положение. Введение указанной нормы уравнивает возможности сторон, позволит суду более продуктивно рассматривать дело.

Судебное представительство в гражданском процессе представляет собой процессуальную деятельность дееспособного субъекта от имени и в защиту прав и охраняемых интересов другого лица. По мнению В.Н. Ивакина, суть представительства состоит не в присоединении дееспособности представителя к правоспособности представляемого, а в использовании дееспособности первого для осуществления имеющихся в наличии (а не могущих возникнуть потенциально) прав и обязанностей последнего [10, с. 720]. Позиция ученого находит свое отражение в ст. 49 ГПК РФ, согласно которой представлять интересы истца, ответчика, иного лица, участвующего в деле в судах общей юрисдикции, вправе любое дееспособное лицо, при наличии оформленных полномочий в соответствии с нормами действующего законодательства.

Но достаточно ли для успешного проведения процесса привлечь представителя? Что если представитель не профессионал и даже не имеет высшего юридического образования?

В суде в качестве представителя нередко можно встретить не только безграмотных юристов, но и вообще граждан далеких от юриспруденции. Это могут быть друзья истца или ответчика, соседка, которая «пересмотрела все ток шоу про суд» и т. д. На практике участие граждан без представителя, а также участие безграмотных представителей нередко осложняет процесс и вызывает трудности.

Как гражданину, обратившемуся к юристу за помощью ведения его дела в суде, понять: обратился он к профессионалу или дилетанту? На сегодняшний день механизмы, позволяющие это проверить, в законе отсутствуют. Лицо, которому необходима квалифицированная юридическая помощь в суде, не в состоянии определить, кто перед ним, юрист, получивший высшее юридическое образование и имеющий стаж работы, а так же опыт ведения дел в суде, или самозванец, желающий получить личную материальную выгоду в виде вознаграждения?

Главным условием допуска лица в качестве представителя (не адвоката) в гражданском процессе является

надлежащим образом оформленная доверенность и его паспорт. Законодатель не обязывает суд проверять у данного лица наличие высшего юридического образования и юридический стаж, опыт ведения подобных дел, состоит ли он на учете у нарколога или психиатра, имеет ли судимость? Очевидно, что вся ответственность при выборе представителя лежит на лице, нуждающемся в квалифицированной юридической помощи. Как правило, человек, впервые вовлеченный в судебные тяжбы, не знает, куда и к кому необходимо обращаться, начинает искать по друзьям и знакомым, что в свою очередь создает благоприятное поле деятельности для недобросовестных граждан. Сегодня, в случае обращения за помощью не к адвокатам государство не предоставляет гарантий на получение квалифицированной юридической помощи.

Так, А.В. Носик обратился в суд с исковыми требованиями о взыскании с продавца автотранспортного средства стоимости сгоревшего автомобиля в размере 879000 руб., а так же понесенных убытков, денежных средств уплаченных по кредиту, неустойки, судебных расходов, компенсации морального вреда, всего на сумму 1221266,8 рублей. В удовлетворении иска было отказано, кроме того с истца была взыскана сумма проведенной экспертизы в размере 61250 рублей [11]. Суд второй инстанции решение суда оставил в силе, а кассационная инстанция жалобу не приняла, в результате А.В. Носик был вынужден обратиться за бесплатной юридической помощью в юридическую клинику вуза. В ходе беседы было установлено, что представителем по делу был не адвокат. Договор А.В. Носик с представителем не заключал, расчеты за услуги осуществлял без документов. Имелось ли у представителя высшее юридическое образование, опыт ведения подобных дел – неизвестно, но результат такого представительства оказался негативным.

К сожалению, подобных ситуаций по всей стране немало. Граждане доверяют ведение дела в суде неопытным, неквалифицированным и необразованным представителям, на которых впоследствии невозможно пожаловаться в соответствующий орган, например, коллегии адвокатов, как если бы это был адвокат, или предъявить иск о взыскании вознаграждения в связи с некачественно оказанными юридическими услугами. Такие «судебные представители» чувствуют свою безнаказанность и вседозволенность, так как не состоят ни в каких адвокатских образованиях и никому не подчиняются.

Судебное разбирательство, а также все предшествующие ей стадии имеют определенную специфику. Лицо, не знакомое с юридической терминологией, с основами гражданского процессуального законодательства, разъяснениями высших судебных органов не способно грамотно распоряжаться процессуальными правами доверителя и правильно применять нормы материального права, регулирующие возникший спор. Суд, усмотрев в действиях или бездействиях такого представителя бесправен. Он не имеет возможности указать на некомпетентность и безграмотность представителя истцу или ответчику или иному лицу, заключившему гражданско-правовой договор на оказание юридических услуг с таким лицом, поскольку это повлечет нарушение принципа диспозитивности [12, с. 102].

Задача государства в данном случае состоит в том, чтобы создать условия для реализации конституционного права на получение гражданами квалифицированной юридической помощи. Необходимо укоренить в сознании людей мысль о том, что только квалифицированный специалист, имеющий высшее юридическое образование, может выступать в качестве представителя в суде. Каждый должен заниматься своим делом, в противном случае, избавиться от проблем, связанных с качеством оказания юридической помощи, не удастся никогда.

Тем не менее, несмотря на очевидность преимуществ представителя, имеющего высшее юридическое образо-

вание и статус адвоката, в обществе существует мнение о необходимости сохранить на законодательном уровне право любого лица участвовать в гражданском процессе в качестве представителя. Такая позиция может быть обусловлена тем, что у гражданина может быть «хороший» знакомый, которому он доверяет или желанием сэкономить на адвокате. Многие задаются вопросом: зачем представителю высшее юридическое образование?

Данное отношение к институту представительства формировалось в сознании людей не один год. В Российской империи до середины 1860-х годов функции представителей выполняли ходатаи, заступники, стряпчие, поверенные [13, с. 76]. Законодательно их деятельность не регулировалась, обособленной организации у поверенных не существовало. Образование позволить себе в то время могли не все, отсюда и повелось, что представителями в судах были лица, не только не имеющие юридического образования, но, как правило, без образования вообще. В данном контексте верным и справедливым является мнение Л.Л. Кофанова о необходимости погружения в глубокую древность для осознания современных реалий, несмотря на то, что между древним, еще рабовладельческим обществом и современным лежат тысячелетия социальной эволюции [14, с. 8]. Более 2-х веков прошло с момента зарождения института представительства, однако ситуация осталась прежней. Любое дееспособное лицо вправе быть представителем по гражданскому делу. Необходимо признать данную позицию неверной и бесперспективной, поскольку только квалифицированный специалист сможет оказать качественную юридическую помощь.

Требование о наличии высшего юридического образования к кандидатуре представителя нашло отражение в ч. 1 ст. 55 КАС РФ, в которой закреплено, что представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование [15].

Необходимо отметить, что последний критерий впервые введен на законодательном уровне в качестве требования к представителю. Закрепление на законодательном уровне наличия высшего юридического образования у представителя можно отнести к «революционным» изменениям. Участие квалифицированного представителя при рассмотрении гражданского дела не редко предопределяет исход рассмотрения дела в суде. Представитель не только замещает представляемую им сторону, но и призван, равно как и адвокат, содействовать установлению справедливости, способствовать скорейшему и верному рассмотрению дела.

Безусловно, высшее юридическое образование – это не всегда показатель высокой квалификации представителя. Как отмечает Р.М. Барсуков, говоря об адвокатах в качестве представителей по гражданским делам, на практике они совершают немало ошибок, к которым можно отнести, в частности орфографические и грамматические, нарушение правил подсудности и т. д. [16, с. 52]. Хотелось бы возразить автору, так как ошибка (грамматическая или орфографическая) и юридическая неграмотность, в случае участия в качестве представителя лица, не имеющего высшего юридического образования – это не одно и то же. Представляется, что участие неквалифицированного представителя, в лучшем случае, не повлияет на исход дела, в худшем, может причинить вред (как материальный, так и моральный), который невозможно будет возместить.

С проблемой оказания некачественной юридической помощи предлагают бороться в первую очередь сами адвокаты. Бесспорно то, что адвокат, оказывающий юридические услуги, должен опираться в своей деятельности на определенные стандарты. Всероссийский съезд адвокатов предложил разработать стандарты оказания правовой помощи в целях повышения качества защиты граждан,

сделать ее реально полноценной, а не половинчатой [17]. Данные стандарты помогут не только самим адвокатам в осуществлении профессиональной деятельности, но и лицам, которые обращаются к адвокатам за помощью.

2 июня 2016г. были приняты поправки в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые затрагивают ключевые моменты деятельности адвокатов [18]. Законодателем разрешен вопрос о статусе адвокатского запроса, определены требования к форме и порядку его оформления, перечислены основные сведения, которые должны содержаться в удостоверении адвоката, увеличен срок до 5 лет для открытия адвокатского кабинета, утвержден порядок деятельности комиссии по этике и стандартам. Принятие указанного закона свидетельствует о стремлении законодателя усовершенствовать механизм оказания юридической помощи гражданам в случаях, когда это необходимо.

Исторически сложилось так, что любое нововведение не всегда имеет положительную реакцию тех, кого затрагивает это новшество. Если обратиться к прошлому, то многих институтов гражданского судопроизводства, воспринимаемых нами сегодня как необходимость, еще несколько десятков лет не существовало. Никто не мог себе представить, что будет как-то по-другому. «В настоящее время трудно себе даже представить, какое огромное впечатление должно было произвести введение новых судебных учреждений! Замена приказной избы, где все свершалось угодливыми и продажными чиновниками под спудом неприкосновенной тайны, гласным самостоятельным судом, сразу вырыла непроходимую пропасть между вчерашним и сегодняшним днем» [19, с. 338].

Любой кодекс должен представлять собой внутренне организованный и непротиворечащий свод правовых предписаний, в котором каждая норма содержит конкретную частную цель [20, с. 331]. Принятие решения о включении такого критерия, как наличие высшего юридического образования в норму ст. 55 КАС РФ, безусловно, является положительным моментом, преследующим только одну цель – повысить уровень оказания юридических услуг и тем самым обеспечить реализацию конституционного принципа на квалифицированную юридическую помощь граждан в РФ и как следствие принципа состязательности сторон. Участие представителя в гражданском судопроизводстве с высшим юридическим образованием позволит отсеять «некомпетентных» граждан, полагающих, что участие в процессе в качестве представителя это просто и не требует специальных знаний в области юриспруденции.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

- участие представителя по гражданским делам необходимо по каждому делу;
- представителем по договорному виду может быть только лицо, имеющее высшее юридическое образование;
- введение обязательного требования в ГПК РФ о наличии высшего юридического образования у представителя является необходимым, поскольку именно от грамотного представителя зависит полнота и своевременность реализации принципа состязательности в гражданском судопроизводстве и защита нарушенного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Пилипенко Ю. Адвокатская монополия не ограничивает рынок правовой помощи // Российская газета. 2015. № 6620.

3. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. М.А. Вкут. М.: Юрайт, 2012. 607 с.
6. Соответствие гражданского процессуального законодательства и судебной практики по гражданским делам международно-правовым стандартам судебной защиты / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрлитинформ, 2014. 376 с.
7. Пономарев В.Г. К постановке проблемы криминализации недобросовестного поведения представителя в процессе доказывания при рассмотрении гражданских дел // Власть. 2012. № 11. С. 157–161.
8. Ожегова Г.А. Принцип состязательности при осуществлении правосудия: проблемы реализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 69–71.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2001. № 249.
10. Ивакин В.Н. О правовой природе полномочия представителя в гражданском процессе // Lex Russica. 2006. Т. LXV. С. 714–742.
11. Дело № 2-2405/2015 // Сайт Октябрьского районного суда г. Саратова. URL: oktyabrsky--sar.sudrf.ru.
12. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. 149 с.
13. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права. М.: Проспект, 2002. 472 с.
14. Кофанов Л.Л. Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. 575 с.
15. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
16. Барсуков Р.М. О некоторых проблемах участия в гражданском процессе представителя, не являющегося адвокатом // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2015. № 1. С. 51–52.
17. Куликов В. Полузащитники // Российская газета. 2015. № 6689.
18. Федеральный закон от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 121.
19. Судебная реформа в прошлом и настоящем. М.: Статут, 2007. 415 с.
20. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 576 с.

THE NEED FOR THE PARTICIPATION OF A REPRESENTATIVE WITH A LEGAL BACKGROUND IN CIVIL SUDOPROIZVODSTVE

© 2017

N.N. Tkacheva, candidate of legal Sciences, docent of Department Civil procedure
Saratov State Academy of law, Saratov (Russia)

Keywords: representative; lawyer; University degree in law; competition; civil litigation; defense of rights.

Abstract: The relationship between the citizens and organizations that arise from family, housing, labor, social, and often ends with conflict of interest, which may allow only a special way – by filing a claim in court. Getting into a specific environment, some citizens are lost in the intricacies and subtleties of the procedural basics, which leads to a negative outcome – the loss of business. To help the party to implement fully their procedural rights only by a qualified representative who knows the law, versed in the procedural peculiarities and versed in law enforcement.

The aim of the study was to study the question on necessity of participation of a representative of each civil case, in order to improve the quality, effectiveness and availability of judicial protection in the Russian Federation. Research is carried out through the prism of one of the fundamental principles of civil proceedings – the adversarial principle, the implementation of which depends overall on the sides. The implementation of this principle, impossible to fully, if at hand, which could accessible language to inform to citizen what action (file a petition for examination, to call witnesses, to clarify the claims, etc.) must be made to protect and justify their case.

This paper studied the views of scholars, practitioners, and ordinary citizens on the issue of the introduction of mandatory requirements for representatives of civil cases – legal education. Some believe that only a person with such education may be representative of, others on the contrary believe that it does not guarantee a proper protection in court. Following the analysis of judicial practice, the necessity of participation of a representative in civil cases. The conclusion is made about the mandatory presence of the person acting as a representative in civil cases, legal education.

Д.В. Третьяков, старший военный прокурор 3 отдела управления кадров
Главная военная прокуратура РФ, Москва (Россия)

Ключевые слова: субъект права; физическое лицо; юридическое лицо; правоспособность; дееспособность.

Аннотация: В настоящее время проблема субъекта права остается актуальной и спорной темой теории права. Обращение к анализу российской дореволюционной правовой по данной проблеме позволяет по-новому ее осмыслить. Статья посвящена анализу позиций ведущих российских дореволюционных ученых по проблеме субъекта права.

Обращение при проведении правового анализа субъектов земельных правоотношений к дореволюционной теории права Российской империи обосновано объективными факторами. Дореволюционная правовая мысль исследуемого периода являла собой «расцвет российской теории права», а достижения ее ученых-цивилистов «до сих пор актуальны при изучении многих вопросов теории гражданского права» [1, с. 156].

При проведении анализа работ русских дореволюционных теоретиков права конца XIX – начала XX в. Следует учитывать два момента: во-первых, как в российской, так и в европейской юридической науке в исследуемом периоде не существовало общей концепции субъекта права, а также отсутствовало определение субъекта права, во-вторых, оригинального, российского подхода к данной проблеме не было, российские дореволюционные юристы использовали теоретические конструкции известных немецких юристов, таких как: Ф. Савиньи, А. Бринц, Р. Иеринг, Ю. Барон и т. д. Хотя попытки решения данной проблемы в работах российских дореволюционных юристов были, причем в основном исследования данной проблемы проводилось в русле цивилистики. Так, К.Н. Анненков под субъектом права понимал «всякое правоспособное существо, являющееся носителем правомочий» [3, с. 122], опираясь при этом на положения, изложенные в римском праве. По определению Д.И. Мейера, субъектом права являлось лицо, способное к правам, имеющее свободную деятельность [4, с. 98].

И.А. Кистяковский в определении понятия «субъект права» вкладывал понятие правового лица как носителя прав и обязанностей [5, с. 121–124]. Е.В. Васковский под субъектом права понимал обладателя права и способного к обладанию правами [6]. По определению В.И. Синайского, к субъекту права может быть отнесено любое лицо, если законом признаются его права и обязанности: «... тот, за кем правоприменитель признает способность иметь права и обязанности». [7, с. 34]. Субъект права в понимании Г.Ф. Шершеневича представлял собой лицо, которое может вступать в юридические отношения, т. е. «иметь права собственности, приобретать право требования, обязываться к известным действиям». [8, с. 61]. По мнению Е.Н. Трубецкого, «субъектом права называется всякий, кто способен иметь права, независимо от того, пользуется он ими в действительности или нет», при этом указывая на то, что «понятие «субъект права» и понятие лица, физически существующего, не всегда совпадают, считал, что, термин «физическое лицо», можно использовать только с оговоркой, что он совсем точно выражает исследуемое понятие. Е.Н. Трубецкой считал, что «под физическим лицом следовало понимать лицо индивидуальное, единичное, в противоположность лицам коллективным; лицом физическим обыкновенно называется всякий индивид правоспособный, т. е. могущий обладать правами» Более того, именно, под воздействием субъекта права и происходит формирование социально-правовой среды, в которой индивиды (физические лица) приобретают статус участников правоотношений [9, с. 160].

Н.М. Коркунов, указывая, что за субъектами права находятся люди и только они формально признаются законом, особо подчеркивал, что «это не означает, что формальные субъекты права не являются действительными с точки зрения правовой реальности, они действительны в правовом смысле, но «оживотворяющие элементы суть в них люди» [7, с. 147–148].

Анализ приведенных определений понятия «субъект права» указывает на то, что большинство дореволюционных цивилистов сходились во мнении, что человек является прототипом субъекта права. Заметим, что равенство между понятиями «человек», «лицо» и «субъект права» не ставилось.

Н.Л. Дювернуа рассматривал правоспособный субъект как некую абстракцию, юридическую переработку «реального (живого) явления независимо от того, отдельный ли это человек или объединение лиц» [2, с. 271]. Ученый подчеркивал, что каждый отдельно взятый человек участвует в правовых отношениях не в качестве физического субъекта, для юридических отношений не имеет значения нравственный мотив поведения человека, равно как статус человека в обществе, его физические и психические качества и т. д. [11, с. 258]. По мнению Д.И. Мейера, юридическое понятие о лице не совпадает с понятием о человеке, и субъект права называется лицом исключительно по сложившемуся обычаю [4, с. 98]. И.А. Кистяковский различал понятия «человек» и «лицо» по следующему принципу: первое из них относится к понятиям физическим, имеющим бесконечное количество свойств; второе является правовым понятием, для которого важно лишь одно свойство – возможность иметь права и обязанности [5, с. 121–122]. На основании сказанного можно сделать вывод, что дореволюционные цивилисты под субъектом права понимали некий правовой слепок с человека, главными качествами которого становились правоспособность и дееспособность.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в дореволюционной российской цивилистике исследуемого периода существовало два подхода к определению субъекта права: для первого характерно использование термина «лицо» (подчеркивание неоднозначности человека и субъекта права), для второго было важно участие субъекта права в различных правовых связях и отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Финогентова О.Е. Субъекты и виды земельных правоотношений в Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 2. С. 156–163.
2. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. 960 с.
3. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. I. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. 540 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право (по исправленному и дополненному 8-му изданию 1902 г.). М.: Статут, 2000. 455 с.
5. Кистяковский И.А. Понятие субъекта прав // Журнал Министерства юстиции. 1903. Кн. 8.

6. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
7. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. 2. Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев: Типо-лит. «Прогресс», 1918. 567 с.
8. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
9. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. 224 с.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1886. 364 с.
11. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (учение о лицах). СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1895. 550 с.

**THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF LAW IN THE RUSSIAN LEGAL
THOUGHT OF THE END OF THE XIX CENTURY OF THE XX CENTURY**

© 2017

D.V. Tretyakov, Senior Military Prosecutor 3 Division of Personnel Management
The Main Military Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Keywords: subject of law; individual; legal entity; legal capacity; legal capacity.

Abstract: At present, the problem of the subject of law remains an actual and controversial topic of the theory of law. Appeal to the analysis of the Russian pre-revolutionary legal on this issue allows us to comprehend it in a new way. The article is devoted to the analysis of the positions of leading Russian pre-revolutionary scholars on the subject of law.

**ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ПРАВА
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА А.Г. ГОЙХБАРГА**

© 2017

О.Е. Финогентова, доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград (Россия)*

Ключевые слова: право; правопонимание; социологическая концепция права; марксизм.

Аннотация: В статье выявляется место права при познании правовых явлений. Исследуются особенности марксистского правопонимания. Выявляется основное содержание социологического подхода к праву, в рамках марксистского правопонимания, одного из выдающихся советских ученых 20–30-х годов XX века А.Г. Гойхбарга. Краеугольным камнем марксистской теории о будущем коммунистическом обществе выступала идея об отмирании в нем таких институтов классового общества как государство и право. С исчезновением деления общества на классы исчезнет и необходимость в государстве, которое также исчезнет. А поскольку каждому типу государства соответствует свое право, то с отмиранием государства, право как исторически преходящее явление, в котором общество заинтересовано лишь на определенном этапе развития, также отомрет. Следовательно, марксизм не оставлял для права места в будущем коммунистическом обществе.

Делается вывод, что А.Г. Гойхбаргом право понимается исключительно как совокупность определенных правил, установленных государством для достижения определенных целей, как свод определенных социальных функций, обязательных для исполнения гражданами Советского государства.

Всякая теория, в том числе теория права, по определению носит концептуальный характер. История учений о праве, современная теория права представлена многочисленными подходами к пониманию права в силу его многосложности, многоуровневого содержания и взаимоотношения с обществом, личностью.

Деидеологизация общественной мысли, смена парадигмы значительно обогатили содержание, изменили и разнообразили направления исследований и в области юриспруденции. Определяя общую направленность современной науки о праве, так Л.С. Явич считает ее основными направлениями отказ от идеалистического и материалистического детерминизма и исследования социальных явлений и систем, которые позволяют трактовать право как сложный социальный феномен. Отказ от односторонности исследования названных феноменов заключается в «повышении значимости сознательного фактора развития (научно познанных объективных закономерностей и тенденций) над былой стихийностью эволюции социума, его экономики, права, идеологии, политики и т. п.» [1, с. 5].

Понимание права является базовой категорией при познании правовых явлений, основанием правовой теории, которая складывается в рамках определенного типа правопонимания. Понимание того, что есть право, как правило концентрируется в определении, и олицетворяет собой общую правовую концепцию. Определение права не является сферой «чистого» научного познания, оно имеет большое прикладное значение, так как от его понимания зависит как законодательная (в первую очередь), так и правоприменительная практика государства. Его понимание важно и для каждого человека, поскольку наш жизненный мир, «мир социальной повседневности – это и есть подлинное царство права, тот воздух, которым дышит социальный субъект» [2, с. 7]. Важность как теоретического, так и практического понимания права проявляется во влиянии теоретических построений на сложившиеся в обществе представления о праве, которые в свою очередь определяют порядок общественных отношений.

Влияние и роль той или иной правовой концепции в общественной жизни может временами ослабевать или наоборот усиливаться, они могут вытеснять друг друга (например, вытеснение в XIX в. юридическим позитивизмом естественно-правовых концепций), но основные положения концепций все же сохраняются и могут быть реализованы на практике при наличии способствующих этому условий. «Развитие научного знания – это постоянная критическая дискуссия между разными глобаль-

ными концепциями, спор между ними. Плюрализм научных концепций – факт науки и условие ее развития. Его смысл не в наличии разных представлений о реальности, каждое из которых может быть оценено извне (релятивистская позиция), а в том, что в процессе конкуренции разных теоретических представлений одни из них демонстрируют свои преимущества перед другими, при этом последние сходят со сцены» [3, с. 26].

Судьба марксистской научной доктрины в этом случае не является исключением. Краеугольным камнем марксистской теории о будущем коммунистическом обществе выступала идея об отмирании в нем таких институтов классового общества как государство и право. С исчезновением деления общества на классы исчезнет и необходимость в государстве, которое так же исчезнет. А поскольку каждому типу государства соответствует свое право, то с отмиранием государства, право как исторически преходящее явление, в котором общество заинтересовано лишь на определенном этапе развития, также отомрет. Следовательно, марксизм не оставлял для права места в будущем коммунистическом обществе.

В 20–30 годах прошлого века в советской юридической науке активно разрабатывалось социологическое направление в праве, представителями которого были П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, А.К. Стальевич, А.Г. Гойхбарг, которым удалось создать довольно стройные и логичные и правовые теории в которых основные положения марксизма были объединены с положениями других правовых школ. Разрабатываемая этими учеными концепция права, как формы материальных экономических отношений, основывалась на социологической концепции права, которая была сформирована еще в трудах российских классических дореволюционных юристов: Н.М. Коркунова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева. Это не было случайностью, так как по своим основным положениям и философским основаниям, именно социологическая концепция права наиболее близка к марксистской философии права. Подобная эклектика стала возможна благодаря особенностям самой марксистской философии права, а именно отсутствию в трудах К. Маркса цельной, стройной, логически завершенной правовой теории.

Марксистская теория не поднимала и не исследовала проблему об особой сущности права, которая не сводилась бы к его социально-экономической сущности [4, с. 19]. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса право «не имеет своей собственной истории» [5, с. 420], поскольку являясь лишь частью надстройки над экономическим базисом, он носило второстепенный, производный характер.

Марксистская методология права объясняла правовую действительность с помощью таких категорий, как классовость, формационность, экономическая детерминация государственно-правовых явлений. [6, с. 20].

Характерной чертой марксизма, являлось пренебрежение общечеловеческими принципами и преувеличение роли классового начала в сущности права. Детерминистский подход марксистов способствовал фаталистической вере в повторяющиеся циклы истории и не давал возможности развивать меры направленные на сознательное улучшение правового порядка.

Идеологи марксизма недооценивали роль права и считали, что у него отсутствуют исторические перспективы, а также крайне скептически относились к идее правового государства.

Сведение познания права к его отрицанию, повлечет за собой в дальнейшем к серьезным негативным последствиям, важнейшим из которых станет сформировавшийся в обществе правовой нигилизм. Первоначально направленный против буржуазного права, как буржуазного социального института, в дальнейшем он распространился и на право социалистическое, которому в общей системе государственного управления был отведен крайне непродолжительный период существования (по мнению советских юристов) и второстепенная роль в управлении государством. Основными методами государственного управления должны были стать внеправовые методы, методы принуждения.

Именно на этих идеях и были сформированы правовые взгляды А.Г. Гойхбарга, считавшего право буржуазным пережитком, чуждым пролетариату, своеобразной формой идеологии. Он отрицал само понятие права, указывая, что «хорошо бы было обойтись без самого слова «право», сожалея о том, что нельзя «заменить его другим» [7, с. 4].

Сравнивая право и религию, А.Г. Гойхбарг утверждал: «Право есть еще более отравляющий и дурманищий опиум для того же народа», подчеркивая, что «идея права служит интересам эксплуататорского класса», он указывал на то, что, «бороться с ней намного сложнее чем с религией», по его мнению право является следующим убежищем «для эксплуататорских классов после убежища религии» [7, с. 3].

Большевистские ученые юристы стремились изменить представление о характере и роли права, отказываясь от классических формально-юридических представлений о его сущности, отрицали объективную природу и смысла права, оправдывали диктатуру и антиправовое законодательство. В этом плане А.Г. Гойхбарг, не был исключением, он заявлял: «Мы отказываемся, видеть в праве некоторую идею, которая явились бы полезной для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов [8, с. 22].

После революции часть советских марксистов поспешили «похоронить право» объявив его пустой идеологической формой, иллюзорным образованием. В первые годы советской власти основной идеей советских юристов становится борьба с юридическим мировоззрением, как пережитком буржуазного мировоззрения. А.Г. Гойхбарг, член коллегии Народного комиссариата юстиции, заведующий отделом кодификации и законодательных предположений указывал: «гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая» [8, с. 7].

Указывая на то, что в сознании русского человека право играет очень важную роль, ученый сожалел о том то, что даже коммунисты не смогли изжить в своем сознании этот буржуазный пережиток, в результате чего в советской юриспруденции ряд авторов начинает исполь-

зовать такие понятия как: «революционное правосознание», «пролетарское правосознание», «социалистическое правосознание». Ошибка этих ученых, по мнению А.Г. Гойхбарга заключалась в том, что они считали право вечно существующим явлением, «которое только неправильно осуществляется в различные эпохи, предшествовавшие нашей советской эпохе» [8, с. 8]. Понимая, что решить эту проблему в короткий срок невозможно, он сожалел о том, что «наше поколение, пережившее пролетарскую революцию, но родившееся в условиях и в атмосфере, ей предшествовавших, от этого термина не откажется» [7, с. 4]. Поскольку при социализме необходимость в регулятивной роли права остается, то, по мнению А.Г. Гойхбарга, необходимо было «очистить право» от того «идеалистического дурмана», которым его окружили буржуазные ученые и влить в него новое, реальное содержание. Суть такого нового понимания права должна состоять в придании правовой норме формы «целесообразного правила, правила достигающего той цели» ради которой оно было установлено [7, с. 13]. Право подменяется здесь планомерно-целесообразной хозяйственной деятельностью.

Таким образом, А.Г. Гойхбаргом право понимается исключительно как совокупность определенных правил, установленных государством для достижения определенных целей, как свод определенных социальных функций, обязательных для исполнения гражданами Советского государства.

Но, экономические и политические реалии очень быстро заставили большевистских юристов отказаться от радикальных взглядов на право. Введение в стране Новой экономической политики (НЭП) объективно поставило перед новой властью проблему создания новых правовых институтов и новой правовой системы. В связи с этим меняется и позиция ученого, называя НЭП – «ограниченным возвратом» к капитализму, А.Г. Гойхбарг пытается объяснить развитие частно-имущественных отношений в период НЭПа исключительно интересами развития производительных сил страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 4–33.
2. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с.
3. Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / ред. В.А. Лекторский. М.: Канон +, 2015. С. 26–29.
4. Финогентова О.Е., Токарев В.А. Проблемы становления общей теории права в СССР // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35. С. 16–32.
5. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000. С. 420–432.
6. Финогентова О.Е., Долголенко Т.Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. 152 с.
7. Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1. С. 3–24.
8. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. М.: Красная новь, 1924. 136 с.

**PECULIARITIES OF UNDERSTANDING THE RIGHT
IN THE SOCIAL CONCEPT OF LAW A.G. GOYHBARG**

© 2017

O.E. Finogentova, Doctor of Law, Professor
of the Theory and History of State and Law Department
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia)

Keywords: law; legal understanding; sociological concept of law; marxism.

Abstract: The article reveals the place of law in the cognition of legal phenomena. The peculiarities of Marxist legal understanding are explored. The main content of the sociological approach to law, within the framework of Marxist legal understanding, one of the outstanding Soviet scientists of the 20s–30s of the XX century, A.G. Goykhbarg, is revealed. The cornerstone of the Marxist theory of the future communist society was the idea of the withering away in it of such institutions of class society as state and law. With the disappearance of the division of society into classes, the need for a state that also disappears will disappear. And since each type of state corresponds to its own right, then with the withering away of the state, law as a historically transitory phenomenon in which society is interested only at a certain stage of development will also wither away. Consequently, Marxism did not leave room for the right in the future communist society.

It is concluded that A. Goykhbarg, the law is understood only as a set of certain rules established by the state for the achievement of certain goals, as a set of certain social functions that are binding for citizens of the Soviet state.

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

© 2017

Е.В. Чуклова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: процессуальная ответственность; процессуальное принуждение; меры процессуальной ответственности; дифференциация процессуальной ответственности; альтернативные санкции.

Аннотация: Предметом исследования является институт дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений. В работе определяется место альтернативных санкций в механизме дифференциации ответственности, определяются их признаки. Особое внимание в статье уделяется исследованию проблем дифференциации, которые оказывают влияние и снижают эффективность ответственности за процессуальные правонарушения. В основу исследования положен диалектический метод познания социальных явлений и органично связанные с ним общенаучные и частные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, функциональный, системный и другие. В результате проведенного исследования автором делаются выводы о месте альтернативных санкций в механизме дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений. Автором затрагиваются некоторые перспективы совершенствования исследуемого института. Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект 17-03-00022 «Альтернативные санкции в механизме дифференциации и индивидуализации юридической ответственности».

Остановившись на рассмотрении вопросов дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений, следует отметить, что в юридической литературе нет четкого определения дифференциации такой ответственности, её видов, оснований. Ряд проблем дифференциации ответственности был поднят Е.В. Роговой применительно к уголовной ответственности, большинство из которых применимы и к ответственности за совершение процессуальных правонарушений [1].

На наш взгляд, под дифференциацией ответственности за совершение процессуальных правонарушений следует понимать разделение мер процессуального принуждения, применяемых за совершение процессуального правонарушения или за злоупотребление процессуальными правами, мер процессуального принуждения от иных мер принуждения другой отраслевой принадлежности на основании обстоятельств совершенного правонарушения и процессуального положения субъекта. Дифференциация позволяет достичь гармонии между мерой принуждения и тяжестью правонарушения, позволяет ограничивать свободу судейского усмотрения, а также позволяет разграничить процессуальную ответственность от гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за процессуальные правонарушения. Дифференциация ответственности за процессуальные правонарушения должна стать методом процессуально-правовой политики, создавать предпосылки для правоприменительной индивидуализации в соответствии с особенностями совершенного процессуального правонарушения.

Дифференциация ответственности за процессуальные правонарушения имеет некоторые препятствия, снижающие её эффективность.

Во-первых, это недостаточное изучение международного и зарубежного опыта дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений, ненадлежащее отражение в судебной практике и юридической науке «глобальных тенденций» в установлении мер ответственности за совершение процессуальных правонарушений. По мнению М.А. Филатовой, некоторые процессуальные санкции, упомянутые например, в Принципах трансграничного гражданского процесса УНИДРУА в российской процессуальной доктрине охарактеризованы как меры процессуальной защиты (вынесение заочного решения, оставление заявления без рассмотрения) или как процессуальные фикции (выводы в пользу другой стороны) [2].

Во-вторых, «недостаточная разработанность методологических основ учения о дифференциации» [3] и кри-

териев дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений. Методологический подход дифференциации ответственности за совершение процессуальных правонарушений должен основываться на отраслевом критерии, особом механизме реализации ответственности и виде юрисдикционного процесса. Необходимо учитывать отраслевую специфику норм, устанавливающих ответственность за совершение процессуальных правонарушений, их фиксацию в тексте нормативного правового акта. Меры ответственности должны реализовываться «специальными, предназначенными для применения мер этого вида ответственности государственными органами и должностными лицами... и в рамках особого вида юрисдикционного процесса» [4].

В-третьих, проблемой является наличие проблем правоприменительной индивидуализации, которые вызваны неопределенностью и несогласованностью регулирования. Под неопределенностью регулирования понимаются такие недостатки нормотворчества, как-то размытость терминологии, нечеткость правореализационных механизмов, создающие предпосылки для нарушений законности. Допускаемые законодателем отступления от принципа правовой определенности, расплывчатость используемых в законах понятий и определений, очевидная избыточность юридико-технической эксплуатации относительно определенных категорий также подрывают единство правоприменения. От точности терминов, которыми оперирует законодатель, не в последнюю очередь зависит адекватное понимание, толкование и реализация законодательного акта [5]. Как указано в Информации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности», допуская противоречивое истолкование и произвольное применение соответствующих норм, подобные дефекты ослабляют нормативную упорядоченность значимых с точки зрения поддержания... законности общественных отношений и их отдельных компонентов. Неопределенность содержания правовой нормы, допуская возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, может приводить к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных Конституцией Российской Федерации гарантий государственной, включая судебную, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Под несогласованностью регулирования понимаются вызванные недостаточной юридико-технической проработкой дефекты нормотворчества, порождающие противоречия между нормами одной отрасли (внутренняя

несогласованность) либо между нормами, принадлежащими к разным отраслям (внешняя несогласованность). Одним из наиболее частых примеров несогласованности регулирования является необоснованная либо, напротив, недостаточная дифференциация мер юридической ответственности. Применительно к ответственности за процессуальные правонарушения установление мер принуждения осуществляется без развития способов, позволяющих индивидуализировать наказание, например, введения правил при отсутствии низшего предела санкции соответствующей охранительной нормы и т. п. В целом несогласованность законоположений внутри одного и того же нормативного акта, конфликт между нормами, принадлежащими к различным отраслям права, противоречия между общими и специальными нормами открывают простор для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм.

Меры ответственности за совершение процессуального правонарушения, устанавливаемые в целях обеспечения правильного, своевременного рассмотрения и разрешения дел, и, как следствие, в целях защиты нарушенных и оспариваемых прав, свобод, законных интересов, должны определяться исходя из требования адекватности порожаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате деяния, с тем, чтобы обеспечивались соразмерность ответственности совершенному правонарушению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите судопроизводства от неправомерных посягательств. Кроме того, требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения.

В-четвертых, отсутствие критериев разграничения процессуальных правонарушений, отсутствие в процессуальном законодательстве категории процессуального правонарушения, отсутствие четких критериев дифференциации ответственности за процессуальные правонарушения.

Попыткой разрешения указанных проблем стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел», в котором сформулированы критерии дифференциации: исходя из принципа законности и справедливости, меры процессуального принуждения должны отвечать требованию соразмерности допущенному нарушению, применяться с учетом всей совокупности обстоятельств совершенного нарушения и процессуального положения участника процесса [6]. Основными элементами принципа справедливости выступают законность, ответственность за процессуальные правонарушения только при наличии вины, «дифференциации ответственности и ее индивидуализации» [7].

Средствами дифференциации процессуальной ответственности являются: личность виновного и его процессуальный статус, степень общественной опасности деяния и альтернативные санкции.

В соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 13.06.2017 № 21, меры процессуального принуждения могут применяться:

- к лицу, участвующему в деле, его представителю, иному лицу, выступающему в суде от имени лица, участвующего в деле (например, к должностному лицу – руководителю органа государственной власти);
- к лицу, содействующему осуществлению правосудия;
- гражданину, присутствующему в зале судебного заседания;

– лицу, на которое процессуальным законом или судом на основании процессуального закона возложена определенная процессуальная обязанность.

Процессуальный статус лица является критерием дифференциации ответственности за процессуальное правонарушение. Так, Пленум ВС РФ указал на приоритет специальных норм главы 11 КАС РФ перед общей нормой части 1 ст. 17.3 КоАП РФ в зависимости от процессуального положения лица. Лица, присутствующие в зале судебного заседания, но не являющиеся лицами, участвующими в деле, не исполняющие связанное с рассмотрением и разрешением конкретного административного дела законное распоряжение судьи о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, не подлежат привлечению к административной ответственности, поскольку ответственность за совершение соответствующих действий (бездействия) установлена специальными нормами главы 11 КАС РФ.

Общественная опасность деяния влияет на выбор меры процессуального принуждения. Например, в случае существенности нарушения порядка в судебном заседании (создание угрозы безопасности других граждан) лицо может быть удалено из зала судебного заседания на часть времени его проведения без предварительного объявления данному лицу предупреждения. В силу отсутствия низшей границы продолжительности применения мер процессуального принуждения, срок их действия назначается судом в соответствии с принципом разумности, предполагающим учет существенности нарушения, характера вины лица, его совершившего, и обстоятельств совершения нарушения (ч. 1 ст. 92 КАС РФ). Так, срок действия таких мер, как ограничение выступления участника судебного разбирательства, лишение участника судебного разбирательства слова, удаление участника судебного разбирательства из зала судебного заседания на часть времени его проведения, то есть на определенный этап судебного разбирательства.

От правильной квалификации деяния зависит выбор меры процессуального принуждения. Правильная квалификация влияет на выбор меры ответственности (уголовная, процессуальная, административная) и меры процессуального принуждения. ВС РФ приводит в качестве примера неуважение к суду, под которым квалифицируются деяния, свидетельствующие о явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения:

– использование в тексте поданного в суд процессуального документа неприличных выражений, не оскорбляющих участников судебного разбирательства, лиц, содействующих осуществлению правосудия, суд;

– не обусловленное изменением обстоятельств дела или другими объективными причинами неоднократное заявление одного и того же ходатайства, в отношении которого уже вынесено и оглашено определение суда.

Не должны квалифицироваться в качестве неуважения к суду такие действия (бездействие), ответственность за совершение которых предусмотрена иными нормами процессуального законодательства:

– непредставление требуемых судом доказательств;

– неявка надлежащим образом извещенного лица, явка которого была признана судом обязательной, в судебное заседание;

– действия (бездействие), которые влекут уголовную ответственность. Если при рассмотрении административного дела суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников судебного разбирательства, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, он сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия (ч. 4 ст. 200 КАС РФ).

Средством реализации принципа дифференциации юридической ответственности [8] является санкция нормы права. Санкция нормы права – многоаспектное по своему содержанию понятие. В юридической литературе

санкция называется мерой воздействия, элементом нормы, разрешением или утверждением чего-либо, мероприятием против правонарушителя [9]. Санкция – обязательный элемент процессуальной нормы. Санкция – это часть нормы, которая указывает на неблагоприятные последствия, возникающие в случае ее нарушения [10, с. 28], которые выражаются в осуждении, правоограничениях личного и имущественного характера либо в поощрении и одобрении со стороны государства. Термин «санкция» имеет достаточно много значений. По мнению ряда ученых, возможные меры принуждения содержатся исключительно в санкции правовой нормы, тогда как в диспозиции содержится правило, за нарушение которого применяется мера принуждения, содержащаяся в санкции. Эта позиция нашла отражение в работе О.Э. Лейста, который считает, что «санкция представляет собой указание на меру принуждения» [11, с. 28], и если санкция является реакцией на правонарушение, то она всегда связана с государственным принуждением.

Другую точку зрения высказал С.В. Курылев. Она заключается в том, что санкция представляет собой указание на юридические последствия правонарушения, а именно, только на неблагоприятные юридические последствия, а не указание на меру государственного принуждения [12, с. 49]. По мнению А.В. Юдина, категория «санкция» в гражданском процессуальном праве соответствует категории «неблагоприятные последствия». Сводятся санкции к применению мер гражданско-процессуального принуждения, в том числе, мер процессуальной ответственности [13].

Приверженцы третьей точки зрения считают, что возможность применения принуждения основана как на санкции, так и на диспозиции нормы права [14; 15]. Также в юридической литературе по процессуальному праву есть мнение, что институт процессуальных санкций называется институтом, имеющим прямое отношение к реализации принципа состязательности [16].

На наш взгляд, санкция процессуальной нормы содержит меры воздействия, направленные на обеспечение поведения, предусмотренного диспозицией. Суд (или другой субъект с властными полномочиями), принимая решение о реализации санкций, восстанавливает порядок в судебном заседании, наказывает виновных лиц, пресекает деятельность участников, не соответствующую нормативным предписаниям. Другими словами, нормы процессуального права, в которых закреплены обязанности, должны быть обеспечены определенными средствами правовой охраны. Эти средства могут быть формализованы не иначе как в санкции. Можно согласиться с М.А. Филатовой в том, что процессуальные санкции имеют одну важную особенность: они направлены не только на применение какой-либо меры принуждения, но и на надлежащую реализацию принципа состязательности судопроизводства и на надлежащее выполнение лицами, участвующими в деле, своих процессуальных обязанностей и прав. Процессуальные санкции обеспечивают сотрудничество суда и сторон, обоюдную ответственность за результат судебного разбирательства [16].

Если классифицировать санкции, принимая во внимание конкретность выражения мер процессуального принуждения, то можно выделить абсолютно-определенные, относительно-определенные, альтернативные и кумулятивные санкции. В абсолютно-определенных санкциях четко указываются подлежащие применению меры процессуального принуждения (например, возложение на виновную сторону расходов за фактическую потерю времени в пользу другой стороны). В относительно-определенных санкциях определяются пределы применения мер процессуального принуждения. В таких санкциях обычно закреплены штрафы за нарушение процессуальной процедуры. В альтернативных санкциях

сформулированы несколько мер принуждения, которые могут применяться каждая самостоятельно за конкретное правонарушение. В кумулятивных санкциях содержатся две и более мер принуждения, которые могут применяться за одно правонарушение одновременно [17].

Особое место в механизме индивидуализации и дифференциации ответственности занимают альтернативные санкции. Альтернатива (*франц.* alternative от *лат.* alter – один из двух): 1) один из возможных вариантов поведения, сравниваемый с другим вариантом в целях выбора лучшего способа действий; 2) решение, противопоставляемое другому решению, исключающему данное [18]. Альтернативная процессуальная санкция – это структурная часть процессуальной нормы, содержащая меры государственно-правового воздействия, позволяющая выбрать одну из указанных мер в зависимости от степени опасности, личности и процессуального статуса субъекта.

В альтернативной процессуальной санкции содержится несколько мер процессуального принуждения. Так, при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

Применительно к ответственности за совершение процессуального правонарушения альтернатива заключается в выборе должной меры принуждения из нескольких возможных. Для процессуального законодательства характерно наличие нескольких уровней альтернативности. На первом уровне стоит выбор между мерами различных видов ответственности, на втором – между несколькими мерами процессуальной ответственности, на третьем – выбор конкретного размера или продолжительности наказания. Наглядно это продемонстрировано в статье 159 ГПК РФ, содержащей меры принуждения, применяемые к нарушителям порядка в судебном заседании. Как указал в одном из своих определений Конституционный Суд РФ [19], ГПК РФ, регламентируя судебный процесс, наряду с правами его участников предполагает наличие у них и всех иных, присутствующих в зале судебного заседания лиц, определенных обязанностей, в том числе обязанности соблюдать надлежащий порядок, а на председательствующего, распоряжения которого обязательны для всех участников процесса и граждан, присутствующих в зале заседания суда, возложено полномочие по его поддержанию. Нарушение порядка в судебном заседании может выражаться в несоблюдении предусмотренных статьей 158 ГПК РФ правил, в невыполнении распоряжений председательствующего, в совершении любых действий, влекущих дезорганизацию судебного процесса. В качестве санкции за нарушение порядка в судебном заседании предусмотрено вынесение предупреждения (часть первая); при повторном нарушении порядка лицо, участвующее в деле, или его представитель могут быть удалены из зала судебного заседания на основании определения суда на все время судебного заседания или часть его; в последнем случае председательствующий знакомит лицо, вновь допущенное в зал заседания, с процессуальными действиями, совершенными в его отсутствие; граждане, присутствующие в судебном заседании, за повторное нарушение порядка удаляются по распоряжению председательствующего из зала заседания суда на все время судебного заседания (часть вторая); суд также вправе наложить на лиц, виновных в нарушении порядка в судебном заседании, штраф в размере до одной тысячи рублей (часть третья); в случае, если в действиях лица, нарушающего порядок в судебном заседании, имеются признаки преступления, судья направляет соответствующие материалы в органы дознания или предварительного следствия для возбужде-

ния уголовного дела в отношении нарушителя (часть четвертая); в случае массового нарушения порядка гражданами, присутствующими в судебном заседании, суд может удалить из зала заседания суда граждан, не являющихся участниками процесса, и рассмотреть дело в закрытом судебном заседании или отложить разбирательство дела (часть пятая).

В приведенном примере можно выделить несколько уровней альтернативности: первый – при наличии в действиях лица признаков преступления – передача материалов правоохранительным органом для возбуждения уголовного дела и применения мер уголовной ответственности; второй уровень альтернативности – выбор из нескольких мер процессуальной ответственности – предупреждения, удаления из зала судебного заседания, штрафа – меры, применяемой к нарушителю; третий уровень – определение размера штрафа (до 1 тысячи рублей) или срока удаления из зала судебного заседания (на все время судебного заседания или часть его).

Альтернативная процессуальная санкция имеет качественные и количественные характеристики. Качественные признаки альтернативной процессуальной санкции кроются в видах мер принуждения, в них закрепленных. Закрепление нескольких мер процессуального принуждения направлено не только на наказание правонарушителя, но и на обеспечение эффективного функционирования судебной власти, объективно нуждающейся в создании специальных охранительных мер оперативного реагирования на противоправное поведение участников процесса и иных лиц, присутствующих в зале судебного заседания. Как правило, в связи с нарушением порядка в зале судебного заседания суды как минимум дважды объявляют предупреждения. При третьем нарушении порядка в зале судебного заседания в соответствии с положениями ч. 2 ст. 159 ГПК РФ судом постановляется определение об удалении из зала судебного заседания [20]. Количественные характеристики определяются количеством мер принуждения, а также их размером, сроком и пределом. Последнее относится к дискреционным полномочиям суда и не предполагает вынесения произвольного, немотивированного решения.

Альтернативные процессуальные санкции следует отличать от санкций материально-правовых норм, поскольку нарушение предписания процессуального закона может в определенных случаях повлечь применение уголовной, гражданско-правовой, административной ответственности. Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Так, процессуальной санкцией будет признание протокола, в котором зафиксированы показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, недопустимым доказательством. Привлечение к уголовной ответственности в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, либо ареста за заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего в суде либо при производстве предварительного расследования является санкцией уголовно-правовой нормы. Причем показания, основанные на слухах, догадках является гипотезой уголовно-процессуальной нормы, в структуре же уголовно-правовой нормы заведомо ложные показания выступают в качестве диспозиции. Совместное действие процессуальных санкций и санкций материальных норм является предпосылкой надежных гарантий законности процессуальной деятельности по расследованию уголовных дел, деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских и административных дел. Наличие альтернативных санкций позволяет компетентному органу оперативно реагировать на любые нарушения процесса и не позволяют

им применять меры принуждения за процессуальные правонарушения наугад и на основании умозаключений, не имеющих отношения к праву.

ВЫВОДЫ

1. Принцип дифференциации ответственности за процессуальные правонарушения позволяет правоприменителю, с учетом требований соразмерности и длительности противоправного поведения, при наличии действий, мешающих нормальному ходу судебного разбирательства, свидетельствующих о явном неуважении к суду, при противодействии или игнорировании распоряжений председательствующего, при нежелании соблюдать регламент заседания, при недостойном, оскорбительном для окружающих поведении, при иных нарушениях процессуального закона, применить те меры государственно-правового воздействия, которые преследует цель обеспечить порядок в случае, когда иными средствами этого добиться невозможно.

2. Альтернативная процессуальная санкция представляет собой структурную часть процессуальной нормы, которая содержит меры государственно-правового воздействия, позволяющую выбрать одну из указанных мер в зависимости от степени опасности правонарушения, личности правонарушителя и процессуального статуса субъекта. Для процессуального законодательства характерно наличие нескольких уровней альтернативности. На первом уровне стоит выбор между мерами различных видов ответственности, на втором – между несколькими мерами процессуальной ответственности, на третьем – выбор конкретного размера или продолжительности наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.
2. Филатова М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 71–81.
3. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.
4. Ягудина В.М. Пределы подразделения системы юридической ответственности на виды // Юридический мир. 2009. № 4. С. 78–80.
5. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов): одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // Российская газета. 2017. № 132.
7. Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург: УрЮА, 1993. 170 с.
8. Липинский Д.А. К вопросу о принципе индивидуализации юридической ответственности // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 52–53.
9. Нормы права: теоретико-правовое исследование / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. М.: Российская академия правосудия, 2014. 164 с.
10. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2002. 703 с.
11. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1969. 238 с.
12. Курылев С.В. Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 47–55.
13. Юдин А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. СПб.: Юридическая книга, 2009. 624 с.

14. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1991. 120 с.
15. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 185 с.
16. Филатова М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 71–81.
17. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 197 с.
18. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2011. 479 с.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 698-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александра Владимира Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 106 и частью третьей статьи 159 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
20. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.08.2013 по делу № 11-25053 В удовлетворении искового заявления о защите чести и достоинства, взыскании компенсации морального вреда отказано правомерно, поскольку фразы, содержащиеся в заявлении ответчика, не являются сведениями, порочащими честь и достоинство истца, не содержат утверждения о нарушении истцом действующего законодательства и совершении нечестных поступков // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.

THE DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR A PROCEDURAL OFFENCE

© 2017

E.V. Chuklova, candidate of law Sciences, associate Professor of “Business and labour law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: procedural responsibility; procedural compulsion measures of procedural responsibility; differentiation of procedural responsibility; alternative sanctions.

Abstract: The Subject of research is the Institute of the differentiation of the responsibility for a procedural offence. In the work is determined by the place of alternative sanctions in the mechanism of differentiation of responsibility, defined by their characteristics. Special attention is paid to the study of the problems of differentiation that influence and reduce the effectiveness of liability for procedural violations. The basis of the research is based on dialectical method of cognition of social phenomena and organically related of General scientific and private methods: comparative-legal, formal-legal, functional, system and others. In result of the conducted research the author makes conclusions about the place of alternative sanctions in the mechanism of differentiation of the responsibility for a procedural offence. The author addresses some perspectives of improvement of the studied Institute. This article was prepared with the support of RFBR project 17-03-00022 “Alternative sanctions in the mechanism of differentiation and individualization of the legal responsibility”.

НАШИ АВТОРЫ

Затонский Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Адрес: Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, 410003, Россия, Саратов, ул. Радищева, 55.

Тел.: (8452) 57-47-44

E-mail: zatonviksar@yandex.ru

Зохрабян Тигран Арамович, аспирант.

Адрес: Российско-Армянский университет, 0051, Республика Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (37491) 52-30-04

E-mail: tigran_zohrabyan@yahoo.com

Кобызев Дмитрий Владимирович, преподаватель кафедры тактики и общевойсковых дисциплин.

Адрес: Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, 412307, Россия, г. Балашов.

Тел.: (84545) 26-34-12

E-mail: kobyzev-dv@yandex.ru

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор.

Адрес: Саратовский филиал института государства и права РАН, 410028, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Тел.: (8482) 29-92-18

E-mail: i_gp@ssla.ru

Мамонов Вадим Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное право».

Адрес: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, Садовая улица, д. 21.

Тел.: (812) 575-00-12

E-mail: mamonov1975@yandex.ru

Моисеев Александр Владимирович, преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17, 8 927 771-93-60

E-mail: ur63@yandex.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Криминалистика».

Адрес: Донбасская юридическая академия, 283015, ДНР, г. Донецк, пр. Б. Хмельницкого, д. 102, оф. 815.

Тел.: 8 978 767-58-10

E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Оспеников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, д. 34.

Тел.: (8846) 267-44-99

E-mail: desmandado@yandex.ru

Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Адрес: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: psb59@rambler.ru

Румянцев Павел Александрович, кандидат юридических наук, заместитель директора института права по развитию.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: p.rumyantsev@tlttsu.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 58.

Тел.: (8482) 53-94-31

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Самойлов Павел Александрович, адъюнкт.

Адрес: Академия управления МВД России, 125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

Тел.: (8482) 93-41-51

E-mail: pavel-samojlov@yandex.ru

Терехов Евгений Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.
Адрес: Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, 413865, Россия, Саратовская область, г. Балаково, ул. Красная Звезда, 8/1.
Тел.: 8 937 263-82-72
E-mail: terehov1989@yandex.ru

Ткачёва Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданский процесс».
Адрес: Саратовская государственная академия права, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.
Тел.: (8452) 29-92-02
E-mail: nntkachewa@yandex.ru

Третьяков Дмитрий Владимирович, старший военный прокурор 3 отдела управления кадров.
Адрес: Главная военная прокуратура РФ, 123007, Россия, г. Москва, ул. Полины Осипенко, д. 8, корп. 1, кв. 178.
Тел.: 8 916 192-87-67
E-mail: dmitrii_tretyakov@inbox.ru

Финогентова Ольга Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права.
Адрес: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.
Тел.: 8 921 613-74-23; 53-62-60; (4012) 46-64-22; (4012) 59-55-97
E-mail: post@kantiana.ru; finogentovaoe@mail.ru

Фомин Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное право».
Адрес: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Россия, г. Санкт-Петербург, Садовая улица, д. 21.
Тел.: (812) 575-00-12
E-mail: fominpenza@mail.ru

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: 8 917 121-80-57
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Шестов Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент».
Адрес: Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», 299001, Россия, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 13.
Тел.: 8 978 767-58-10
E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

OUR AUTHORS

Chuklova Elena Valerievna, candidate of law Sciences, associate Professor of “Business and labour law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 59.
Tel.: 8 917 121-80-57
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Finogentova Olga Evgenievna, Doctor of Law, Professor of the Theory and History of State and Law Department.
Address: Immanuel Kant Baltic Federal University, 236016, Russia, Kaliningrad, A.Nevskogo Street, 14.
Tel.: 8 921 613-74-23; 53-62-60; (4012) 46-64-22; (4012) 59-55-97
E-mail: post@kantiana.ru; finogentovaoe@mail.ru

Fomin Aleksey Aleksandrovich, doctor of jurisprudence, professor, professor of chair of “Constitutional law”.
Address: St. Petersburg state economic university, 191023, Russia, St. Petersburg, Sadovaya Street, 21.
Tel.: (812) 575-00-12
E-mail: fominpenza@mail.ru

Kobyzev Dmitriy Vladimirovich, Tutor of the Tactics and Common Military Subjects Department.
Address: The 4th Air Force Faculty (Balashov) of the Krasnodar Higher Military Pilots Air Force Academy, 412307, Russia, Balashov, Military Town.
Tel.: (84545) 26-34-12
E-mail: kobyzev-dv@yandex.ru

Malko Alexander Vasilievich, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation, director.
Address: Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 410028, Russia, Saratov, Chernyshevsky Street, 135.
Tel.: (8482) 29-92-18
E-mail: i_gp@ssla.ru

Mamonov Vadim Vasilyevich, doctor of jurisprudence, professor, professor of chair of “Constitutional law”.
Address: St. Petersburg state economic university, 191023, Russia, St. Petersburg, Sadovaya Street, 21.
Tel.: (812) 575-00-12
E-mail: mamonov1975@yandex.ru

Moiseev Alexander Mikhailovich, Doctor of Juridical Science, Professor, The Head of the Department of Criminalistics.
Address: Donbass Law Academy, 283015, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Bohdan Khmelnytsky Avenue, d. 102, of. 815.
Tel.: 8 978 767-58-10
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Moiseev Alexander Vladimirovich, lecturer of the chair “Theory of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belarusian Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17, 8 927 771-93-60
E-mail: ur63@yandex.ru

Ospennikov Yuri Vladimirovich, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law and international law.
Address: Samara University, 443086, Russia, Samara, Moskovskaya st., 34.
Tel.: (8846) 267-44-99
E-mail: desmandado@yandex.ru

Polyakov Sergei Borisovich, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of the Theory and History of State and Law.
Address: Perm State National Research University, 614990, Russia, Perm, Bukireva Street, 15.
E-mail: psb59@rambler.ru

Rumyantsev Pavel Aleksandrovich, candidate of legal sciences, deputy Director of law Institute for Development.
Address: Togliatti state University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: P.Rumyantsev@tltsu.ru

Samoylov Pavel Aleksandrovich, post graduate.
Address: Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, 125993, Russia, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemianskih Street, 8.
Tel.: (8482) 93-41-51
E-mail: pavel-samojlov@yandex.ru

Savelyeva Olga Yurievna, candidate of legal Sciences, Professor of the Department of Criminal law and process.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 58.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Shestov Sergey Nikolaevich, Candidate of Economic Science, Associate Professor.

Address: Institute of Economics and Law (branch) ETUE HPE "Academy of Labour and Social Relations", 299001, Russia, Sevastopol, Geroev Sevastopolya Street, 13.

Tel.: 8 978 767-58-10

E-mail: shestoff.sergej@yandex.ru

Terekhov Evgeniy Mikhailovich, candidate of legal sciences, associate professor of the department of state and legal disciplines.

Address: Balakovo Branch of Saratov State Law Academy, 413865, Russia, Saratov Region, Balakovo, Red Star Street, 8/1.

Tel.: 8 937 263-82-72

E-mail: terekhov1989@yandex.ru

Tkacheva Natalya Nikolaevna, candidate of legal Sciences, docent of Department "Civil procedure".

Address: Saratov State Academy of law, 410056, Russia, Saratov, Volskaya Street, 1.

Tel.: (8452) 29-92-02

E-mail: nntkachewa@yandex.ru

Tretyakov Dmitry Vladimirovich, Senior Military Prosecutor 3 Division of Personnel Management.

Address: The Main Military Prosecutor's Office of the Russian Federation, 123007, Russia, Moscow, Poliny Osipenko Street, 8, housing 1, 178 sq.

Tel.: 8 916 192-87-67

E-mail: dmitrii_tretyakov@inbox.ru

Zatonskiy Viktor Aleksandrovich, candidate of history sciences, associate professor of the chair of state and legal disciplines.

Address: Volga Region Institute (the brunch) of All-Russian State Juridical University (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of the Russian Federation) in Saratov, 410003, Russia, Saratov, Radisheva Street, 55.

Tel.: (8452) 57-47-44

E-mail: zatonviksar@yandex.ru

Zohrabyan Tigran Aramovich, post-graduate student.

Address: Russian-Armenian University, 0051, Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.

Tel.: (37491) 52-30-04

E-mail: tigran_zohrabyan@yahoo.com